

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVI И XVII СТОЛБТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Академика І. Гамеля.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII^{МУ} ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Баунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

И. Баунова, въ Москвѣ.

Эфанджанца и Комп. въ Тифлисѣ.

Цѣна 70 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт
петербургъ, 16 августа 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ, ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АКАДЕМИКА І. Х. ГАМЕЛЯ.

І. ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ АНГЛИЧАНЪ ВЪ РОССІЮ.

С. Каботъ и его значеніе въ исторіи торговаго мореплаванія Англии. — Merchant Adventurers — компанія для открытія неизвѣстныхъ странъ. — Сѣверо-восточная экспедиція подъ начальствомъ Ю Уилльби (Hugh Willoughby) Ричарда Чанслера (Chancellor). — Отплытіе трехъ кораблей на сѣверо-востокъ вокругъ Норвегіи въ маѣ 1553 года. — Древнѣйшія плаванія Русскихъ вокругъ Мурманскаго Носа и ихъ рассказы у Герберштейна. — Григорій Истома, Василій Власій и Дмитрій Герасимовъ. — Ю Уилльби на «сувоѣ» близъ Святаго Носа въ сентябрѣ 1553 года. — Зимованье его въ заливѣ у о. Нокуева и гибель со всѣмъ экипажемъ. — Впечатлѣніе извѣстія объ этомъ въ Англии и въ Россіи. — Прибытіе Чанслера къ устью Двины 24 августа 1554. — Поѣздка его изъ Холмогоръ въ Москву 23 ноября. — Чанслеръ у царя Іоанна Васильевича. — Открытое письмо короля Эдуарда VI къ государямъ сѣверо-восточныхъ странъ. — Свѣдѣнія о Россіи собранныя Чанслеромъ. — Письмо царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI и первыя привилегіи Англичанъ на свободную торговлю въ Россіи. — Царскій титулъ въ отношеніи къ русской исторіи того времени. — Отъѣздъ Чанслера изъ Москвы въ мартѣ 1555 года и возвращеніе въ Англию къ осени того-же года. — Muscovia (нынѣ Russia) Company въ Лондонѣ. — Оцѣнка такъ-называемаго открытія Россіи Чанслеромъ: древнѣйшія свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ въ Европѣ и русскіе мѣха въ Германіи и Англии до сѣверо-восточной англійской экспедиціи.

24 августа 1553 года, у южнаго берега Бѣлаго моря, не далеко отъ Корельскаго устья Двины, противъ посада Неноксы, сталъ на якорѣ корабль «Edward Bonaventure», которымъ пра-

вилъ, подъ главнымъ начальствомъ Ричарда Чанслера, незабвенный въ исторіи мореплаванія Стефенъ Боро (Birtough), съ помощникомъ своимъ, Джономъ Боклендомъ (Buckland).

Прибытіе этого англійскаго корабля къ берегамъ Россіи было дѣломъ случая, потому что собственнымъ его назначеніемъ были Китай и Индія. Это предпріятіе вызвано великими, всесвѣтными географическими открытіями того времени: такимъ образомъ появленіе корабля близъ Неноксы связывается съ важнѣйшею эпохою въ исторіи мореплаванія.

Въ слѣдствіе завоеваній, сдѣланныхъ Португальцами на западѣ Африки въ послѣднюю четверть XV вѣка, и въ слѣдствіе занятія Индіи Васко-де-Гамой, Лиссабонъ былъ въ то время второю Венеціей. Испанія собрала въ Кадиксъ и Севилью несмѣтные богатства — плоды открытія южной части новаго свѣта Колономъ. Англія, какъ извѣстно, упустила эти богатства и должна была довольствоваться менѣе значительными торговыми выгодами, какія доставлялъ ей новый материкъ на сѣверѣ, открытый Каботомъ. Морская торговля Англій вообще была еще очень стѣснена, хотя уже были устранены многія изъ препятствій къ ея расширенію. Ганза старалась утвердить за собою свою прежнюю, ненавистную монополію, хотя съ 1505 года для Нидерландовъ, гдѣ Антверпенъ занималъ первое мѣсто между торговыми городами Европы, было уже прочно организованное англійское общество подъ именемъ: Merchant Adventurers. Только съ 1551 года взялись серьезно за разборъ немолкавшихъ жалобъ на Ганзейцевъ, въ слѣдствіе чего они въ Лондонѣ потеряли наконецъ свои обидныя преимущества. Это событіе сокрушило узы, связывавшія духъ торговой предпримчивости въ Англій. Въ Лондонѣ начали замышлять предпріятія для открытія новыхъ торговыхъ путей по примѣру Португалліи и Испаніи. Къ счастью, въ Лондонѣ жилъ тогда одинъ изъ мореходовъ предыдущаго періода, Себастьянъ Каботъ (Cabot), и въ своихъ совѣтахъ передавалъ плоды полувѣковыхъ опытовъ. Еще въ 1497 году, двадцатилѣтнимъ юношей, совершилъ онъ изъ своей родины, Бристоля, на кораблѣ Метью, экспедицію, пло-

домъ которой было открытіе Сѣверной Америки (24 іюня помянутаго года).

Отецъ его, Джіованни Каботъ, былъ Венеціанецъ, а Себастьянъ родился, какъ мы сказали, въ Бристолѣ въ 1477 году. Когда ему было четыре года, отецъ взялъ его съ собою на нѣкоторое время въ Венецію. Патентъ Генриха VII на сѣверо-западное плаваніе, ознакомившее Европу съ сѣверомъ Америки, данъ былъ, 5 марта 1496 года, на имя отца уже вмѣстѣ съ тремя сыновьями. Въ 1512 году, когда лордъ Уилльби, баронъ Брокскій, находился въ Аррагоніи съ англійскими войсками, посланными въ силу союза, заключеннаго противъ Франціи, король аррагонскій Фердинандъ II писалъ къ лорду, чтобы онъ пригласилъ Кабота пріѣхать къ нему изъ Англій. Желаніе короля исполнилось: Каботъ поступилъ на службу къ Фердинанду, но по смерти его въ 1516 году онъ снова возвратился въ Англію. Было бы слишкомъ долго описывать занятія Кабота въ Англій, а съ 1518 года опять въ Испаніи, равно и совершенныя имъ въ то время плаванія; можно только замѣтить, что, по возвращеніи его въ 1548 году въ Англію, императоръ Карлъ V, чрезъ посредство бывшаго при немъ, для защиты Булони, англійскаго посланника, сера Томаса Чейна, просилъ короля Эдуарда VI снова отпустить Кабота въ Испанію, прибавляя, что онъ очень нуженъ ему и получить отъ него пенсіонъ, тогда какъ Англія, по состоянію своего мореплаванія, не можетъ извлечь столько существенныхъ пользъ изъ трудовъ такого человѣка. Но Каботъ остался въ Англій, гдѣ онъ былъ оцѣненъ какъ при дворѣ, такъ и въ высшемъ купеческомъ обществѣ. Въ 1549 году онъ получилъ пенсіонъ, а въ 1551 денежный подарокъ; обширныя познанія его въ мореходствѣ также нашли достойное употребленіе.

Давно уже Каботъ носилъ въ себѣ мысль, которая въ сущности была высказана еще въ 1527 году Робертомъ Торномъ (Thorne) въ Бристолѣ. Надобно бы, думалъ онъ, попытаться, нельзя ли изъ Англій проѣхать въ Кетай (Cathay, какъ говорили тогда вмѣсто China и какъ нынѣ говорятъ у насъ Китай), и въ Индію вокругъ Норвегіи чрезъ какой-нибудь проливъ въ родѣ Магелланова: тогда бы можно было вступить въ сопер-

ничество съ Португалліей и Испаніей. Онъ сообщилъ этотъ проектъ лондонскимъ купцамъ, имѣвшимъ заграничную торговлю (Merchant Adventurers), и вскорѣ они, въ совокупности съ нѣкоторыми другими лицами, составили компанію на акціяхъ, избрали въ ея директоры зачинщика дѣла, Кабота, и рѣшились приступить къ дѣлу. Компанія получила названіе: The Mystery, Company and Fellowship of Merchant Adventurers for the discovery of unknown lands etc.

Въ 1552—1553 году снарядили самымъ тщательнымъ образомъ три корабля: *Vona Esperanza* во 120 тоннъ, *Edward Bonaventure* во 160 и *Vona Confidentia* въ 90 тоннъ. Самъ Каботъ, по преклонности лѣтъ, не могъ принять начальства надъ экспедиціей: оно поручено было другимъ. Но Каботу предоставили составить инструкцію для этого путешествія. Первымъ командиромъ экспедиціи общество назначило сэра Ю Уилльби, вторымъ — Ричарда Чанслера.

Ни тотъ, ни другой не былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ, какъ мореплаватель: кто же они таковы и почему на нихъ возложено было управленіе такимъ важнымъ морскимъ предпріятіемъ?

Изъ описанія экспедиціи, составленнаго гофмейстеромъ королевскихъ пажей, Климентомъ Адамсомъ по извѣстіямъ Чанслера, о Ю Уилльби мы знаемъ только, что онъ былъ хорошаго происхожденія (*vir strenuus non ignobili loco natus*), извѣстенъ воинскими заслугами (*ob singularem in re bellica industriam*) и отличался красивою и значительною наружностью (*ob corporis formam; erat enim procerae staturae*). Отецъ его, Генрихъ Уилльби, за отличія въ сраженіяхъ былъ возведенъ въ званіи рыцаря и знаменосца. Онъ былъ женатъ четыре раза: серъ Ю произошелъ отъ третьяго брака. Наслѣдственное имѣніе перешло въ родъ старшаго брата, а Ю Уилльби поступилъ въ военную службу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ Англіи, когда она должна была бороться то съ Шотландіей, то съ Франціей, военное поприще представляло много случаевъ для отличій. Къ тому-же, успѣхамъ сэра Ю много могли содѣйствовать родственныя связи старшихъ его братьевъ, особенно Эду-

арда Уилльби, съ знатнѣйшими домами англійской аристократіи *).

Уже въ 1542 году въ Шотландію было послано войско. Вскорѣ потомъ родилась Марія Стюартъ. Генрихъ VIII желалъ упрочить ея будущій бракъ съ сыномъ своимъ, Эдуардомъ, тогда еще пятилѣтнимъ ребенкомъ. Это было условлено въ Шотландіи въ 1543 году; когда же въ слѣдъ за тѣмъ договоръ этотъ былъ разстроенъ кардиналомъ Битономъ (Beaton), Генрихъ VIII въ 1544 году послалъ въ Шотландію сильное войско подъ начальствомъ графа Герфордскаго. Въ этой экспедиціи находился Ю Уилльби. Джонъ Додлей, бывшій тогда виконтомъ Лильскимъ и лордомъ-адмираломъ англійскимъ (въ послѣдствіи графомъ Варвикскимъ и наконецъ герцогомъ Нортomberлендскимъ), принялъ это войско подъ паруса своего многочисленнаго флота въ устьѣ Тейны подъ Ньюкестлемъ и высадилъ на берегъ въ Фиртъ-офъ-Фортъ къ Грантону и Ньюгевену, недалеко отъ Лейта. Вскорѣ этотъ городъ, равно и Эдинбургъ, были взяты вторгнувшимися туда войсками и большею частию были выжжены; окрестности опустошены. При этомъ странномъ сватовствѣ Ю Уилльби ознаменовалъ себя храбростью. 11 мая онъ былъ посвященъ главнокомандующимъ въ рыцари, при чемъ къ его гербу присоединено изображеніе дракона. Оставаясь вѣрнымъ военной службѣ и въ послѣдствіи, серъ Ю храбро сражался при окончаніи тогдашней войны. Въ послѣдній періодъ вражды съ Шотландіей, въ правленіе Соммерсета, онъ защищалъ фортъ Лоудеръ, взятую у Шотланцевъ. Крѣпость эта есть нынѣшній замокъ Тирльстенъ въ Бервикширѣ, близъ города Лоудера, на Лидерѣ. Въ 1549 — 1550 гг. ее, какъ и другія крѣпости, заняты Англичами, упорно, съ ожесточеніемъ держали въ осадѣ Шотландцы и Французы. Броути-кестль въ Фиртъ-офъ-Фортъ 20 февраля былъ взятъ и весь англійскій гарнизонъ истребленъ безъ пощады. Но фортъ Лоудеръ,

*) Кромѣ фамиліи Греевъ (Grey) и Додлея (Dudley), имена коихъ читатель встрѣтитъ въ нижеслѣдующемъ очеркѣ жизни Ю Уилльби, онъ былъ также въ родствѣ, хотя не близкомъ, съ графскимъ домомъ Гастингсовъ: упоминаемъ объ этомъ имени потому, что одну изъ дочерей Генриха Гастингса королева Елизавета предлагала въ супружество царю Іоанну Васильевичу.

благодаря храбрости Ю Уилльби, не сдавался. Средства къ защитѣ истощены были до того, что серъ Ю велѣлъ перелить въ пули всѣ оловянные вещи въ аммуниціи гарнизона, какъ вдругъ заключенъ былъ миръ.

Низложеніе Соммерсета, начатое въ 1549 году и довершенное въ 1550 его казнью, было, можетъ быть, невыгодно для дальнѣйшихъ успѣховъ Ю Уилльби на военномъ поприщѣ; но онъ имѣлъ другія связи между высшими сановниками и отъ нихъ-то именно большею частію зависѣли въ послѣдствіи дѣла по мореплаванію.

Мѣсто Соммерсета въ составѣ правительства досталось герцогу Нортomberлендскому. Мы видѣли, что въ 1544 году онъ, въ званіи лорда адмирала, начальствовалъ надъ флотомъ, перевозившимъ въ Шотландію войско, къ которому принадлежалъ Ю Уилльби. Послѣ барона Додлея, званіе великаго адмирала Англии, Шотландіи и Валлиса получилъ въ 1550 году Эдуардъ Клинтонъ, баронъ Клинтонскій и Сейскій. Серъ Ю былъ знакомъ съ этимъ новымъ морскимъ начальникомъ съ 1544 года; они въ одинъ день были возведены графомъ Герфордскимъ въ рыцарское достоинство.

Мы видѣли также, что въ 1512 году лордъ Уилльби Брокскій, по желанію короля Фердинанда, пригласилъ Кабота въ аррагонскую службу. Этотъ Уилльби былъ представителемъ другой фамиліи, не имѣвшей ничего общаго съ соименнымъ родомъ, къ которому принадлежалъ Ю Уилльби. Но племянница Уилльби Брокскаго по женѣ, Анна Грей, была выдана за мужъ за племянника сера Ю: такимъ образомъ Каботъ приглашенъ былъ къ Фердинанду родственникомъ сера Ю Уилльби. Можетъ быть, это между прочимъ обстоятельство побудило въ свою очередь Кабота поручить серу Ю начальство надъ великою сѣверо-восточною экспедиціею въ Китай. Связи съ Греями тогда значили много.

Предложенное Каботомъ предпріятіе морскаго путешествія для открытій подлежало вѣдѣнію великаго адмирала Клинтонна. Адмиралъ, какъ я вижу изъ рукописныхъ документовъ, охотно изъявилъ готовность сдѣлать надлежащее распоряженіе касательно набора нужнаго экипажа. Я имѣю также списокъ

неизданной грамоты отъ имени короля, которою Каботъ уполномочивается набирать людей и заготовить провіантъ для трехъ кораблей, равно и ввести на нихъ извѣстную дисциплину.

Другой начальникъ экспедиціи, Ричардъ Чанслеръ, былъ предложенъ въ это званіе Генрихомъ Сиднеемъ, отцомъ еще болѣе извѣстнаго Филиппа Сиднея. Серъ Генрихъ рекомендовалъ его въ своей рѣчи къ обществу какъ человѣка, въ высшей степени способнаго исполнить предпріятіе, и какъ человѣка, котораго онъ коротко знаетъ изъ ежедневнаго съ нимъ обращенія (*quotidiano convictu hominis ingenium penitus habeo perspectum et exploratum*).

Открывается, что Ричардъ Чанслеръ до того уже совершилъ одно морское путешествіе, хотя не въ качествѣ начальника. Въ 1551 году онъ былъ съ капитаномъ Роджеромъ Боденгемомъ (*Bodenham*) на суднѣ (*barke*) *Aucher*, принадлежавшемъ серу Антонию Аучеру, которое отправлялось съ купеческими товарами въ Хіосъ и Кандію. Оно вышло изъ Темзы въ ноябрѣ 1550 года, но могло отплыть изъ Плимута только 13 января 1551 года. На пути оно едва не было захвачено Турками. Его грузъ на возвратномъ пути составляли преимущественно вина.

Надобно полагать, что Чанслеръ былъ и во Франціи, потому что при описаніи воинскихъ доспѣховъ царя Іоанна Васильевича онъ говоритъ: «я видѣлъ павильёны королей англійскаго и французскаго: они прекрасны, но нейдутъ въ сравненіи съ этимъ» *).

Кажется, что Чанслеръ былъ знатокъ въ механикѣ, потому что заказалъ для себя сдѣлать, по собственнымъ показаніямъ, квадрантъ въ пять футовъ; по возвращеніи изъ Россіи онъ, вмѣстѣ съ Джономъ Ди (*Dee*), производилъ посредствомъ этого инструмента наблюденія, упоминаемая послѣднимъ въ его эфемеридахъ 1554 и 1555 годовъ.

Ричардъ Чанслеръ былъ вдовецъ и имѣлъ двухъ сыновей (*reliquit abiens (1553) duos parvulos orphanos futuros, si asperior aliquis casus eum sustulisset*). Одного изъ нихъ, во вторую

*) The Duke's pavilion is covered either with cloth of gold or silver, and so set with stones that it is wonderfull to see it. I have seene the kings Maesties of England and the French kings pavilions, which are fayre, yet not like unto his.

свою поѣздку въ Москву (1555), онъ взялъ съ собою, чтобъ показать ему царскую столицу. Другой, Николай, былъ отправленъ въ Москву въ 1560 году въ качествѣ коммерческаго ученика, съ особенною рекомендаціею директора общества здѣшнимъ англійскимъ агентамъ. Оставшись сиротою, онъ имъ былъ обязанъ своимъ школьнымъ образованіемъ.

Въ 1580 году Николай Чанслеръ былъ при какихъ-то коммерческихъ дѣлахъ въ морской экспедиціи Артура Пета (Pet) и Чарльса Джекмана (Jackman). По открытіи страны «Уилльби» (Willoughby-Lands), эта экспедиція должна была сдѣлать попытку проникнуть, какъ можно дальше, на востокъ отъ Вайгача и Новой Земли, чтобы достигнуть такимъ образомъ Китая. Чанслеръ былъ, къ счастью, на кораблѣ Пета «Джоржѣ», потому что Джекмановъ корабль, «Вильямъ», пропалъ безъ вѣсти со всѣмъ экипажемъ. Для этой экспедиціи Гаклюйтъ составилъ реестръ вещамъ, которыя надобно было взять съ собою, и также струницію для купца (a note and caveat for the merchant), — стало быть, именно для Николая Чанслера ¹⁾. Прежде того онъ былъ уже въ одномъ изъ трехъ путешествій Мартина Фробишера, совершенныхъ въ 1576 1577 и 1578 годахъ, именно въ путешествіи 1577 года, какъ видно изъ одной замѣтки Джона Ди ²⁾. Позднѣе мы видимъ его въ должности казначея на новомъ «Эдуардѣ Бонавентурѣ», который, вмѣстѣ съ «Галліоною Лейстеръ», подъ начальствомъ Эдуарда Фентона, долженъ былъ попытаться проѣхать вокругъ мыса Доброй Надежды въ Остъ-Индію.

¹⁾ Въ изданіи Гаклюйта 1599, находится дневникъ этого путешествія, веденный Ю Смитомъ (Hugh Smith). Я радовался, что открылъ дневникъ Чанслера, но потомъ нашелъ, что онъ уже напечатанъ въ первомъ, рѣдкомъ изданіи Гаклюйта 1589. Я списалъ также въ Англии очень бѣглыя замѣтки Артура Пета, описывающія положеніе обоихъ кораблей въ августѣ 1580 года у Новой Земли.

²⁾ «The North Cape (was) first so named by the worthy of aeternall good fame and gratefull memory my deerly beloved Richard Chancelor, father to this Nycholas Chancelor whose diligent painful and faythful service is known both in the Moscovy Region and now in the Atlantical north-west attempt». Въ этомъ второмъ путешествіи къ Meta Incognita, откуда надѣялись привозить золотую руду, находился въ качествѣ помощника капитана, и Карль Джекманъ (Charles Jackman), погибшій вслѣдствіе путешествія на Новую Землю (1580): по его имени названа была одна бухта «Jackman's Sound».

Со стороны купечества о выполненіи Каботова проекта особенно заботились тогдашній лордъ-маіоръ Лондона, Джорджъ Барнсъ (Barnes), и одинъ изъ шерифовъ, Вильямъ Гарретъ (Garret, потомки котораго писались Gerrard, а нынѣ пишутся Garrard).

Надобно также упомянуть здѣсь о купеческой фамиліи Грешемовъ (Gresham). Томасъ Грешемъ былъ въ свое время образованнѣйшимъ изъ лондонскихъ купцовъ. Онъ получилъ воспитаніе въ Кембриджѣ, изучалъ торговлю у своего дяди, Джона Грешема, и съ 1551 года часто служилъ правительству въ качествѣ финансоваго агента въ Нидерландахъ, почему его называли иногда королевскимъ купцомъ. Почти предъ самымъ отправленіемъ Ю Уилльби и Чанслера, именно въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1553 года къ герцогу Нортomberлендскому, онъ назвалъ торговлю, можетъ быть, въ первый разъ въ Англіи, наукою, которую надобно изучать. Ему обязана своимъ бытіемъ первая лондонская биржа, которой онъ положилъ первый камень въ 1566 году, гдѣ теперь въ Лондонѣ Excise Office (акцизная палата); онъ основалъ называвшееся его именемъ, но теперь непростительно забытое, публичное училище, въ которомъ преподавались астрономія, геометрія, медицина и другія науки. Это училище было колыбелью Королевскаго Общества (Royal Society), которое въ его залахъ собиралось для засѣданій отъ самаго основанія своего до большаго пожара въ 1666 году, и потомъ опять съ 1673 по 1701 годъ. Тамъ-же помещался составленный Королевскимъ Обществомъ музей естественныхъ и художественныхъ рѣдкостей, описанный въ 1681 году докт. Грю (Grew). Когда предпринималась сѣверо-восточная экспедиція, Томасъ Грешемъ былъ въ Антверпенѣ; дядя же его, Джонъ, встрѣтилъ проектъ Кабота съ горячимъ участіемъ и былъ во главѣ общества, составившагося для его выполненія.

Память, объ участникахъ экспедиціи, упрочена, между прочимъ, живописью. Портретъ Себастіана Кабота, вѣроятно, работы Гольбейна, хранится въ Бристолѣ, въ домѣ Гарфорда. Потретъ Ю Уилльби — въ родовомъ имѣніи этой фамиліи, Воллатонѣ. Портретъ короля Эдуарда VI, работы Гольбейна, имѣется въ Императорскомъ эрмитажѣ въ залѣ

XLVII подъ № 19. Онъ происходитъ изъ королевскаго собранія въ Англии, которое разсѣялось по свѣту во время смуть при Карлѣ I. Изъ Лиссабона онъ перешелъ въ Гоутонову (Houghton) галерею, изъ которой картины куплены Императрицею Екатериною II. Изъ той-же галереи перешелъ въ Эрмитажъ портретъ Томаса Грешема, работы Антонія Моро (Moro). Но въ каталогѣ имя Грешема не было означено, и авторъ имѣлъ удовольствіе самъ узнать это лицо на картинѣ подъ № 13 той-же залы, въ серьезной и задумчивой фигурѣ сидящаго на креслѣ мужчины въ черномъ одѣяніи.

11 мая 1553 года у Детфорда снялись съ якоря три корабля, назначенные въ Китай, и приплыли къ Гриничу, гдѣ находился королевскій дворъ. Король Эдуардъ былъ уже такъ боленъ, что не могъ показаться народу, какъ этого ожидали. Предпріятіе возбуждало всеобщее участіе: оно было ново и важно. Никогда еще англійскій корабль не плавалъ вокругъ Норвегіи; по крайней мѣрѣ ни одинъ не бывалъ на востокѣ дальше Вардэгуса. *Нордъ-капъ* не имѣлъ еще этого имени: онъ получилъ его только во время этой экспедиціи отъ Ричарда Чанслера и Стефена Борро, хотя русскіе моряки давно называли его *Мурманскимъ Носомъ*.

Въ три мѣсяца плаванія, два изъ этихъ кораблей, *Bona Esperanza* и *Bona Confidentia*, достигли глубокаго сѣвера, и тамъ съ перваго, на которомъ начальствовалъ Уилльби, 14 августа увидѣли землю — вѣроятно, южный берегъ Новой Земли, между сѣвернымъ и южнымъ Гусинымъ Носомъ. Материкъ же Россіи Уилльби въ первый разъ увидѣлъ лишь 23 августа.

Того-же числа, за день раньше Чанслера, приставшаго къ берегу 24 августа, Уилльби ступилъ на русскую почву. 14 сентября сдѣлали еще привалъ, именно къ лапландскимъ берегамъ, въ заливѣ, лежащемъ къ западу отъ острова Нокуева, гдѣ нашли нѣсколько сносныхъ якорныхъ мѣстъ. Затѣмъ Уилльби направилъ оба корабля вдоль лапландскихъ береговъ на юго-востокъ, къ Бѣлому морю, и еслибы онъ продолжилъ плыть по этому направленію, то, вѣроятно, или прибылъ бы къ Со-

ловецкому монастырю, или соединился бы съ Чанслеромъ у Неноксы. Но онъ попалъ, какъ кажется, на мѣсто, которое у нашихъ мореходовъ издавна пользуется дурною славой, къ мысу, называемому *Святый Носомъ*, который, вмѣстѣ съ Канинымъ Носомъ, образуетъ входъ въ Бѣлое море. Объ этомъ мысѣ (можетъ быть, тождественномъ съ загадочнымъ *Wattunäs*—Водяной Носъ въ исландскихъ сагахъ), равно и о другихъ частяхъ лапландскихъ береговъ Герберштейнъ имѣлъ уже обстоятельныя свѣдѣнія отъ Григорія Истома и потомъ отъ Василья Власія *) и Дмитрія Герасимова; но ихъ показанія, изданныя Герберштейномъ подъ заглавіемъ: *Die Schiffung, nach dem Moer, das man das Eisig oder gefroren Moer nennt*, такъ искажены, что трудно узнать упоминаемая имъ мѣстности; вслѣдствіе сего рассказы нашихъ соотечественниковъ были почтены далеко не такимъ вниманіемъ, какого они заслуживали.

Хотя помянутые москвичи служили только толмачами въ посольскихъ дѣлахъ, однако они вполне заслуживаютъ вниманія. Благодаря ихъ посредничеству, западная Европа еще въ первой половинѣ XVI вѣка могла получить и распространить посредствомъ печати обстоятельныя свѣдѣнія о Россіи. Зная латинскій языкъ, они были въ состояніи передать образованнымъ Нѣмцамъ и Италіянцамъ желаемыя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ, которыя потомъ явились въ печати. Прежде у насъ употреблялись въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ чужими краями говорившіе по-италіянски Греки, пріѣзжавшіе въ Россію изъ Рима и Константинополя. Григорій Истома, кажется, первый изъ русскихъ толмачей научился языку латинскому. Ему Герберштейнъ обязанъ многими свѣдѣніями. Онъ былъ въ числѣ его толмачей не только въ Москвѣ въ 1517 году, но и сопутствовалъ ему потомъ (въ 1517 и 1518 г.) къ императору Максимилиану чрезъ Краковъ и Вѣну въ Инспрукъ и Галль и обратно оттуда въ Вѣну. Василій Власій былъ также въ 1517

*) Такъ г. Гамель называетъ этого толмача, вѣроятно по Герберштейну; но у Карамзина (И. Г. Р. т. VII, гл. IV) въ текстѣ и въ документахъ, приводимыхъ въ примѣчаніяхъ, онъ называется Власомъ или Власіемъ. Собранныя авторомъ, свѣдѣнія объ этихъ трехъ лицахъ мы помѣщаемъ въ видѣ отдѣльныхъ главъ въ концѣ книги.

г. толмачомъ у Герберштейна. Кромѣ латинскаго, онъ зналъ и по-нѣмецки; его должно считать источникомъ издавнаго въ 1525 году въ Тюбингенѣ Докт. Иоганомъ Фаберомъ (Гейгерлиномъ) «Описанія Религіи Руссовъ», которое эрцгерцогъ Фердинандъ (Фаберъ былъ у него секретаремъ, совѣтникомъ и духовнымъ отцомъ) тотчасъ по изданіи прислалъ къ Герберштейну, чтобы онъ дополнилъ его, сколько возможно, во время пребыванія своего въ Россіи. Герберштейнъ былъ тогда на дорогѣ въ Москву (во второй разъ); вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ возвращавшійся съ княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинскимъ отъ Карла V изъ Испаніи, Василій Власій, подъ диктовку котораго написана книжка, изданная за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Тюбингенѣ. Около того-же времени, именно 1525 и 1526, другой Русскій, Дмитрій Герасимовъ, котораго смѣшивали съ двумя соименными Греками, сообщилъ литератору Паоло Джіовіо въ Римѣ свѣдѣнія, для издавнаго имъ описанія Россіи, которое въ свое время было принято съ большимъ почетомъ и потомъ перепечатано въ изданіи Герберштейновыхъ Комментаріевъ. Зимою, предъ вторымъ пріѣздомъ Герберштейна въ Москву, Герасимовъ ѣздилъ въ Римъ, и въ 1526 году, возвратившись оттуда въ Москву, засталъ здѣсь Герберштейна. Сущность того, что Истома Власій и Герасимовъ сообщили о прежнихъ плаваніяхъ Русскихъ по Ледовитому морю, въ краткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Еще прежде, нежели Васко-де-Гама совершилъ свое первое путешествіе вокругъ южной оконечности Африки, Русскіе, по приказанію своего государя, сдумѣли найти дорогу моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи. Поводомъ къ тому послужили тогдашнія отношенія Швеціи къ Россіи.

Это плаваніе совершалось на небольшихъ ладьяхъ, которыя можно было переволакивать чрезъ неширокія косы. По выходѣ изъ Двины, держались праваго берега Бѣлаго моря, потомъ поворачивали въ лѣво на перерѣзъ къ Терскому берегу и плыли вдоль его на сѣверъ, «оставляя вправѣ Печорское море», до упомянутаго Святаго Носа. На западную сторону этой узкой косы, выдающейся въ море почти на десять морскихъ миль отъ

твердой земли въ сѣверо-западномъ направленіи, равно и на широкій берегъ, которымъ съ юга огибается Святоносская губа, напираетъ. потокъ прилива, идущій почти параллельно направленію тамошней части лапландскаго берега, именно въ сѣверо-западномъ направленіи, вслѣдствіе чего въ этомъ безвыходномъ закоулкѣ накапливается множество воды, которая, стремясь выйти вонъ, образуетъ вдоль западнаго края Святоносскаго мыса обратное теченіе. При концѣ мыса это теченіе встрѣчается подъ тупымъ угломъ съ общимъ направленіемъ морскаго прилива и производитъ сильное волненіе, называемое у насъ *сувоемъ* или *сулоемъ*, которое замѣтно, говорятъ, на пространствѣ десяти верствъ въ морѣ. Герберштейнъ описываетъ испытанную Истомой и его спутниками опасность плаванія по его разсказу; но какъ ему непонятна была причина необыкновеннаго движенія воды въ этомъ сувоѣ, то его описаніе вышло темно ¹⁾. Герберштейнъ не могъ также понять, что это за камень, которому, по словамъ Истомы, везшій его мореходъ принесъ въ жертву овсяное тѣсто съ масломъ, чтобы благополучно миновать его. Онъ не зналъ, что этотъ камень, называемый Воронуха, лежитъ едва лишь на кабельтовъ разстоянія отъ остроконечной и совершенно неизменной оконечности Святаго Носа и только во время половины морскаго отлива начинаетъ показываться надъ морскою поверхностью: Герберштейнъ воображалъ, что это должна быть огромная каменная масса, однимъ словомъ, гора ²⁾. А что Истома разу-

¹⁾ Er sagt: «Undter dem gepürg (Святой Носъ) sieht man wie das Moer einfelt und sich ver(f)leust, als anf sechs stund, und dan wider über sich heraus mit grossem sauss in die höch wallund aussfleust, und das in ewige zeit, von sechs zu sechs stunden wachsend, und ablauffend gesehen wirdt, so es dan in sechs stunden das Moer einflusst, zeucht so starckh an sich, dass die Schiff welche etwas in die nahent khumen, ye gar verzuckht, also das die zween (разумѣются Истома и Герольдъ) mit grosser mühe und arbeit sich darvor enthalten haben». «Neque (Истома) se unquam in maiori periculo fuisse aiebat. Nam gurgite subito as violenter navem, qua vehebantur, ad se attrahente, vix magno labore renitentibus remis sese evasisse». Гульзіусъ въ 1602 году еще думалъ, что Святой Носъ есть Нордкапъ. Передавая свѣдѣніе о плаваніи Истомы по Герберштейну, онъ говоритъ: «Von dannen sie zum Cap Heiligen Nasen kommen, so ohne Zweifel vom Plantio, Hondio und nachfolgenden Nord-Cap genannt wird, dabey ein wunderbarer Wirbel ist» и т. д.

²⁾ Герберштейнъ пишетъ: «Wie sy umb den Perg der heiligen Nasen, seind sy wider zu ainem Felsigen Perg khomen, da seind sy durch den Windt et-

мѣль подь этимъ камнемъ не другое что, а именно камень Воронуху, невидимый во время приливовъ, въ этомъ удостовѣряетъ насъ Антоній Дженкинсонъ. Во время перваго своего къ намъ путешествія въ 1557 году, онъ записалъ въ своемъ путевоиъ журналѣ: «7 июля прибыли мы къ мысу, называемому Svetinose, который образуетъ входъ въ губу Св. Николая. У этого мыса лежитъ большой камень (a great stone), которому проходящія ладьи (barques) обыкновенно приносятъ въ жертву масло, муку и другіе припасы, полагая, что въ случаѣ отказа въ этомъ приношеніи, ладьи и другія суда должны погибнуть, что часто и случалось». При такомъ прямомъ свидѣтельствѣ, насъ не должно вводить въ заблужденіе ошибочное названіе этого камня: Semes, сообщаемое Герберштейномъ. Въ слово Semes онъ легко могъ превратить написанное Истомой латинскими буквами слово semen, точно такъ-же, какъ изъ слова borsü (-ja sobaki) онъ сдѣлалъ до сихъ поръ не объясненное слово Kurtzi *).

Въ дальнѣйшемъ пути отъ Святаго Носа къ Вардэгусу, Истома и его товарищи, держались береговъ твердой земли,

liche tag aufgehhalten worden, so spricht der Scheffman, der Fels den es secht, Semes soverr wir den nit mit ainer vereherung ermildern, khumen mir nit leichtlich hinfür, als die baidt (Истома и Герольдъ) dem Schiffman darumb zuredten, schwig er darüber stil, sy seind vier gantzer tag also da aufgehhalten worden, erst hörte der Wind auf, und sy furen hin mit guettem Wind, sagt der Schifman wider, jr habt mein vermonung den Felsen zu sonfften verspot, hette aber ich den nit verehrt, wir wären noch nit herdan khumen, sy fragten jne wie er gethon und den verehret hette, sagt er wäre bey der nacht hienauff gestigen, und hette ain habermel mit ainem Putter abgemacht, und auf den Stain den sy sahen, gegossen». Superato S. Naso, ad quendam montem saxosum, quem circumire oportebat, pervenisse: ubi cum ventis reflantibus aliquot diebus detinerentur, nauta, Saxum (inquit) hoc quod cernitis, Semes appellant: quod nisi munere aliquo a nobis placatum fuerit, haud facile praeteribimus, quem Isthoma, ob vanam superstitionem se increpasse aiebat, iucepatus nauta subticuit, totoque illic quadriduo vi tempestatis retentos, ventis postea quiescentibus, solvisse. Cumque secundo iam flatu veherentur, nauclerum dixisse: Vos admonitionem meam de placando Semes saxo, tanquam vanam superstitionem irridebatis: at nisi ego noctu clam ascenso scopulo, Semes placassem, nequaquam transitus nobis concessus fuisset. Interrogatus, quid Semi obtulisset? avenae farinam butyro permixtam, super lapidem quem prominere vidimus, se fudisse dicebat».

*) Аделунгъ покушался объяснить это слово названіемъ: *курузая* собака, или средневѣковымъ латинскимъ: *canis cursalis*. Касательно же слова Semes могло быть, что Истома, кромѣ Святаго Носа, упоминалъ семь острововъ, мимо которыхъ онъ проплылъ, а Герберштейнъ, спутавшись въ своихъ

не имѣли надобности идти вокругъ большаго и далеко въ море выдающагося Рыбачьяго полуострова, а вошли прямо въ Мотовскую губу, образуемую материкомъ и этимъ полуостровомъ, проплыли его во всю длину до пристани, названной въ 1823 году капитанъ-лейтенантомъ, нынѣ адмираломъ, Литке, по имени своего корабля, Новою Землею, и здѣсь перенесли свои четыре ладьи вмѣстѣ съ поклажею на другую сторону перешейка, соединяющаго Рыбачій полуостровъ съ твердою землею, въ одну изъ двухъ Волоковскихъ губъ ¹⁾. За тѣмъ, обогнувъ Мурманскій Носъ, они по западному берегу Норвегіи прибыли въ Дронтегемъ, откуда отправились уже сухимъ путемъ, и до Бергена ѣхали на оленяхъ, а оттуда въ Копенгагенъ на лошадяхъ.

Въ такомъ направленіи въ 1496 г. совершилъ свое путешествіе Истома, а потомъ, по словамъ Герберштейна, и Власій. Послѣдній вышелъ на сухопутье лишь въ Бергенѣ ²⁾. Оба возвращались изъ Копенгагена чрезъ Балтійское море и Лифляндію. А въ 1501 году тѣмъ-же путемъ, только въ противоположномъ направленіи, совершилъ трудное плаваніе Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, возвращаясь въ Россію изъ Даніи ³⁾. Какъ съ Истомою (въ 1496 и 1507 г.), такъ и съ Траханіотомъ ѣхалъ посланникъ (Negold) датскаго короля, шотландскій уроженецъ, который въ русскихъ актахъ, равно и у Герберштейна, передающаго слова нашихъ толмачей, называется

замѣткахъ, принялъ слово *семь* за названіе камня Воронухи. Вообще русскія названія тогда очень искажались. Такъ Стефенъ Борро въ 1555 г. изъ названія: *Ивановскіе Кресты* сдѣлалъ Swan Crist, изъ мыса *Териберки* мысъ Sowerbeer.

¹⁾ Отъ слова: *волокъ*. Этотъ перешеекъ очень узокъ, и потому Рыбачій полуостровъ часто называется островомъ. Въ древнѣйшія времена, это названіе, вѣроятно, было бы правильно. Прибрежный край съ того мѣста, гдѣ Мотовская губа поворачиваетъ къ сѣверу и тамъ образуетъ удобное мѣсто для пристани на Новой Землѣ, называется Мотка; а Герберштейнъ называетъ этимъ именемъ весь Рыбачій полуостровъ. Еще ошибочнѣе онъ полагаетъ Вардэгусъ (у него Varthus) на Моткѣ, т. е. Рыбачьемъ полуостровѣ.

²⁾ Почти непростительно ошибается Герберштейнъ, когда говоритъ что «Дронте (Дронтегемъ) находится на разстояніи 200 миль къ сѣверу отъ Двины, а Бергенъ между горами прямо къ полуночи». — Истома ѣхалъ на Двину черезъ Новгородъ, а Власій изъ Москвы на Переяславль, Ростовъ, Ярославль и Вологду. Отъ Ростова онъ ѣхалъ по большей части водою.

³⁾ Объ этомъ лицѣ см. также особую статью въ концѣ книги.

своимъ крестнымъ именемъ — Давидомъ. Я догадываюсь, что его фамилія была Коккеръ (Cocker) или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, но ужь никакъ не Герольдъ и даже Герладъ, какъ неоднократно называется онъ не только у насъ, но и въ датскихъ сочиненіяхъ, на основаніи невѣрныхъ переводовъ.

Я уже высказалъ догадку, что Святой Носъ получилъ свое имя у древне-сѣверныхъ мореходовъ отъ Wattunäs, т. е., Водяной Носъ, отъ водоворота при его оконечности. Здѣсь надобно было обратить вниманіе на этотъ сувой, потому что онъ помѣшалъ Ю Уилльби продолжать путь на юговостокъ къ Бѣлому морю. Изъ веденнаго имъ журнала мы знаемъ, что 14 сентября онъ вошелъ въ губу у лапландскаго берега, гдѣ нашелъ удобныя якорныя мѣста. Нѣтъ сомнѣнія, что это была большая губа при островѣ Нокуевѣ. Долго ли онъ здѣсь пробылъ, у него не помянуто: вѣроятно, онъ оставилъ ее въ слѣдующій день или по крайней мѣрѣ 16 сентября, думая идти вдоль берега къ юго-востоку. Но тутъ онъ встрѣтилъ противный вѣтеръ. Принужденные лавировать, его два корабля неминуемо должны были попасть въ линію сувоя, простирающуюся отъ Святаго Носа въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи. А его два корабля, какъ мы видѣли, были наименьшаго объема изъ назначенныхъ въ экспедицію; большій изъ нихъ былъ только во 120 тоннъ. Такъ какъ вѣтеръ дулъ прямо противъ теченія прилива, то сувой былъ, безъ сомнѣнія, очень жестокъ, и серъ Ю, не зная, отъ чего такъ сильно мечетъ его корабли, 17 сентября, вѣроятно во время бывшаго рано утромъ этого дня прилива, далъ обоимъ кораблямъ приказаніе воротиться, намѣреваясь опять войти въ губу позади Нокуева, которую они только что оставили. Достигнуть ее въ тотъ-же день они, конечно, не могли; а входить въ нее ночью было не безопасно, потому что при обзорѣ ее онъ замѣтилъ небольшой камень, одиноко стоявшій посреди залива. Поэтому два корабля, *Esperanza* и *Confidentia*, вошли опять въ Нокуевскую губу только 18 сентября.

Тогда какъ плаваніе по сувою было для *Истомы* и, конечно, для многихъ другихъ изъ прежнихъ мореходовъ столь опасно; когда, можетъ быть, именно трудности и опасности этого пла-

ванія заставили Ю Уилльби воротиться въ гавань, въ наше время уже вовсе не такъ часто говорятъ объ нихъ. Это естественнымъ образомъ объясняется разницей въ величинѣ нынѣшнихъ и прежнихъ судовъ, усовершенствованіемъ искусства мореплаванія во всѣхъ его частяхъ, нынѣшнимъ запасомъ превосходныхъ морскихъ картъ и уясненіемъ причинъ и свойства самаго сувоя. Впрочемъ Діасъ, погибшій 1500 года, не имѣлъ столько основательныхъ причинъ называть достигнутую имъ, по моему мнѣнію, 1 мая 1487 года, южную оконечность Африки именемъ *Caro tormentoso*, сколько имѣли бы наши мореходы, плававшіе вокругъ Мурманскаго Носа, еслибы имъ вздумалось назвать Святой Носъ подобнымъ именемъ: потому что здѣсь страшный водоворотъ хотя и перемежается, за то непремѣнно возобновляется чрезъ каждые шесть часовъ періодически, тогда какъ Діасъ лишь случайно долженъ былъ бороться съ сильными противными вѣтрами.

Сувой Святаго Носа обстоятельно изображенъ въ одной неизданной запискѣ, посвященной Императору Александру Павловичу, которая содержитъ въ себѣ описаніе лапландскихъ береговъ, начиная отъ рыбопромышленнаго селенія на Лумбовской губѣ до такой-же деревни Плотны, находящейся у Святоносской губы за Иоаканскими островами. Изъ этого описанія видно, что сувой былъ очень опасенъ еще въ началѣ текущаго столѣтія, особенно для мелкихъ рыбацкихъ лодокъ. Какъ скоро они попадали въ него случайно, напр. въ туманную погоду, то, говорятъ, подвергались большой опасности и нерѣдко погибали. Записка эта составляетъ первую часть сочиненія, въ которомъ авторъ, бывшій польскій совѣтникъ посольства, Антонъ Пошманъ, намѣренъ былъ описать состояніе рыбной промышленности на этой части лапландскихъ береговъ; навтическая часть его основана, какъ кажется, на наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ флота лейтенанта Курдюкова, сдѣланныхъ имъ въ томъ краѣ въ теченіе 1800 года. Подлинникъ помянутой записки имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Замѣчаніе о Бѣломъ морѣ и берегѣ онаго (паче о берегѣ его отъ мѣстечка Плотны до Лумбовскаго селенія).» Во второй части авторъ предполагалъ сообщить ближайшія свѣдѣнія о ловѣ трески, сельдей и другихъ видовъ ры-

бы, и въ особенности предложить мѣры къ усиленію этого промысла. Объ опасностяхъ сувоя онъ говоритъ слѣдующее: «Съ «обѣихъ сторонъ вода, какъ молстромъ, притягиваетъ къ сувой, «волненіе же дѣлается чрезвычайное, какъ-бы бурунъ на ка- «меньяхъ. Чрезъ сей сувой весьма опасно проходить во «время прилива нечаеннымъ случаемъ въ туманѣ по ошибкѣ. «Промышленники на своихъ рыболовныхъ шнякахъ и даже на «парусныхъ лодьяхъ, попавши въ сію пучину, часто погибаютъ. «Необыкновенное оное волненіе начинается судно съ боку на бокъ «качать и напоследокъ заливается и потопляет(ся). Сила вѣтра «въ семъ случаѣ не дѣйствуетъ, а грѣсти и подавно нельзя, по- «тому что волненіе оное переломляетъ всѣ весла. Если иногда и «спасаются, то тогда, когда попадають при началѣ сего сувоя «или когда воды не столь сильно дѣйствуютъ, какъ-то: во время «четвертей мѣсяца, то выносить теченіемъ въ море къ N по сей «струѣ. Чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ менѣе сіе необыкновен- «ное волненіе и теченіе. Сей сувой дѣлается при приливѣ воды, а «при отливахъ воды спора ничего нѣтъ. Во время новолунія и пол- «нолунія сей сувой гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, нежели въ дру- «гое время. Удалые и смѣлые проходятъ и во время сего сувоя, «только близъ самаго Святаго Носа, такъ чтобъ едва веслами не «доставало до берега. Тутъ есть камень, Воронуха называемая: «такъ между имъ и берегомъ проскакиваютъ, только великой «опасности подвергаются, потому хоть немного оплошаютъ, то «тотчасъ утащить въ сію струю и если не залетѣтъ, то утащить въ море». Еще не такъ давно у береговыхъ мореходовъ было повѣрье, что у Святаго Носа водились черви, которые протачивали суда, и что они прогнаны заговоромъ.

Положительнымъ удостовѣреніемъ въ томъ, что Ю Уилльби входилъ именно въ губу, находящуюся къ западу отъ острова Нокуева, мы обязаны опять Антонію Дженкинсону, который 1557 въ своемъ путевоиъ журналѣ, подъ упомянутымъ 7-мъ іюля, у Святаго Носа присовокупилъ слѣдующее: «Отмѣчу, что вчера (6 іюля) мы прошли то мѣсто, гдѣ погибъ серъ Ю Уилльби со всѣми своими спутниками; мѣсто это называетъ Arzina геса, что значитъ: рѣка Арзина». Дженкинсонъ могъ знать это мѣсто, потому что при немъ былъ чело-

вѣкъ, который два года назадъ находился при устьѣ Двины въ то время, какъ погибли оба корабля Уилльби. Это былъ Робертъ Бестъ, служившій теперь толмачемъ. Краткое описаніе безыменной для иностранцевъ гавани или лучше бухты, оставленное самимъ Ю. Уилльби въ его журналѣ, вполнѣ идетъ къ губѣ, образуемой западною стороною острова Нокуева и противоположнымъ ему берегомъ. Тамъ говорится: «эта гавань вдается въ материкъ почти на двѣ лиги (leagues) въ длину, а шириною она къ полъ-лиги. Почва страны высока и камениста». По описанію 1842, капитанъ-лейтенанта Рейнеке, основанному на измѣреніяхъ лейтенанта Аванасьева 1840, западная Нокуевская губа углубляется внутрь страны почти на шесть съ половиною верстъ; шириною она, при входѣ, три версты, въ серединѣ полторы, и идетъ почти остриемъ къ югу. Каменистый островъ (во время отливовъ полуостровъ) на сѣверной сторонѣ, именно къ морю, составляетъ самую высокую почву въ этой части поморья. Тамъ Уилльби находилъ полную защиту отъ свирѣпствовавшего тогда юго-восточнаго вѣтра. Онъ могъ пройти до южной оконечности губы, гдѣ впадаетъ Дроздовка; но, вѣроятно, онъ, если не тотчасъ, такъ въ послѣдствіи бросилъ якорь въ малой губѣ при устьѣ Варзины, на западной сторонѣ большой губы; въ обѣихъ есть мѣста въ шесть саженъ глубины, каковую именно имѣло занимаемое его кораблями якорное мѣсто.

Ю Уилльби хотѣлъ въ этой губѣ дожидаться переменъ противнаго ему вѣтра; но этого не случилось. вмѣсто того настала очень дурная погода съ морозами и снѣгами; луна съ ночи на 22 сентября пошла на ущербъ; по истеченіи недѣли, серъ Ю потерялъ надежду на возможность продолжать плаваніе и рѣшился зимовать здѣсь. Три партіи, разосланныя въ разныя стороны на три и на четыре дня отыскивать людей, возвратились безъ успѣха. Рыбпромышленники уже убрались на зиму въ глубь страны. Дни становились все короче и съ 25 ноября наши мореходы уже не видѣли солнца даже въ полдень. Не наученные опытомъ, какъ защищать себя отъ холода, они не запаслись нужными для того вещами, потому что въ Англии въ то время не имѣли ни малѣйшаго понятія о зимѣ въ Россіи

и на глубокомъ сѣверѣ вообще, и такъ какъ притомъ окрестности Нокуевской губы вовсе безлѣсны, то весь экипажъ на обоихъ корабляхъ, состоявшій изъ 65 человекъ, замерзъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Многіе изъ нихъ заснули вѣчнымъ сномъ, конечно, въ длинную ночь отъ 25 ноября до 29 декабря; но Ю Уилльби, какъ видно изъ его записокъ, былъ еще живъ въ концѣ января 1554 года; такимъ образомъ до своей кончины онъ, вѣроятно, еще нѣсколько разъ около полудня видѣлъ солнце: но какія страшныя сцены освѣщало оно! Два вмерзшіе корабля, и на нихъ окоченѣлыя и вполнину занесенныя снѣгомъ знакомыя лица, на которыхъ невольно оставались взоры пережившихъ, но уже едва живыхъ товарищей, ожидавшихъ той-же участи, безъ всякой надежды на спасеніе и даже безъ утѣшеній религіи: духовникъ находился съ Чанслеромъ. На кораблѣ Уилльби было два хирурга: Александръ Гардинеръ и Ричардъ Мольтонъ. На Эсперанцѣ плыло два купца, а не шесть (какъ говоритъ Гаклейтъ) и три на Конфиденціи *).

*) Сорокъ три года спустя (1596—1597) на глубокомъ сѣверѣ Новой Земли, какого съ тѣхъ поръ никто не достигалъ, выдержали зиму, хотя съ большими страданіями, Яковъ Гемскеркъ и Вильгельмъ Баренцъ съ одиннадцатью другихъ Голландцевъ, которымъ удалось набрать прибитаго къ берегамъ лѣса для постройки жилищъ и для отопленія. Такъ какъ они уже не могли пользоваться своимъ засѣвшимъ во льду кораблемъ, то взяли съ него два бота (schuyt ende bock; scapha et linter) и снарядили ихъ такъ, что могли переправиться съ Новой Земли на лапландскіе берега. По прибытіи въ Колу, они, съ позволенія тамошняго воеводы (11 сентября 1597), поставили эти два бота въ гостиномъ дворѣ, для того, чтобы сохранить ихъ «въ память о своемъ неслыханномъ странствованіи». Этому обстоятельству мы обязаны видомъ тогдашней Колы съ ея гостинымъ дворомъ, среди котораго стояли большіе вѣсы. Разставшись еще у Канина Носа, боты по-одиначкѣ пристали къ лапландскому берегу близъ Нокуевской губы, въ которой замерзли Англичане 1553 — 1554. Гемскеркъ приплылъ прямо къ губѣ за островомъ Китаемъ, гдѣ находится Круглое Становище. Здѣсь онъ нашелъ ладью съ тринадцатью человекъ Русскихъ, которые приняли его съ товарищами гостепріимно. Другой ботъ еще прежде случайно присталъ къ берегу недалеко отъ этого мѣста, и оба бота соединились. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, они отдохнули и потому назвали это мѣсто бухтою Comfort; потомъ пустились въ путь далѣе. Они хотѣли добраться до Вардэгуса, но вѣтеръ заставилъ ихъ войти въ губу, находящуюся къ западу отъ Кольскаго залива, гдѣ они нашли жилое мѣсто съ тремя Лапландцами, которые подтвердили показанія рыба-

На необитаемые зимою берега Лапландіи лѣтомъ собирается много рыбопромышленниковъ, и ими-то были найдены 1554 въ

ковъ, встрѣченныхъ ими у Семи Острововъ и у Кильдина, что у Колы стоитъ голландскій корабль. Оказалось, что этимъ кораблемъ управлялъ бывшій съ ними, годъ тому назадъ, Іоганнъ Корнелисъ Рипъ (Rip). Они отправились на его корабль въ Голландію и могли потому оставить свои боты въ Колѣ.

Впрочемъ Кола въ то время отнюдь не была еще мѣстомъ въ значительнымъ постояннымъ населеніемъ. Лапландцы «съ Мурманскаго моря», крещенные въ 1533 г., были «сколы рѣки, стутолами и зевятаго носу», такъ говоритъ архивская лѣтопись. Для основанія двухъ церквей въ ихъ землѣ, во имя Благовѣщенія и Св. Николая, посланы были духовные изъ Новгорода. 1556, когда Стефенъ Борро, во время своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Кольскомъ заливѣ увидѣлъ приплывшія къ нему ладьи, числомъ до тридцати, и въ каждой изъ нихъ по меньшей мѣрѣ по двадцать-четыре человѣка, это были отнюдь не тамошніе все жители, а по большей части промышленники, прѣхавшіе для улова рыбы и моржей съ юга. Такъ было, должно быть, долго, прежде нежели образовалось значительное поселеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Кола; потому что въ 1565 году, когда присталъ туда для зимовья голландскій корабль, посланный Филиппу Винтеркѣнигу, уплывшему изъ Вардэгуса, все тамошнее селеніе состояло не болѣе какъ изъ трехъ домовъ, которыхъ жители, при видѣ корабля, убѣжали въ лѣсъ. Въ слѣдующихъ годахъ число жителей прибыло, и тамъ приставали еще корабли. До 1582 года, когда какіе-то датскіе корабли позволили себѣ произвести грабежъ въ Колѣ, тамъ не было воеводы; сборщики податей съ того сѣвернаго края жили обыкновенно въ Кандамакшѣ. Первый воевода Аверкій Ивановичъ построилъ въ 1582 году дворъ съ вѣсами для торговли съ Норвежцами, а второй воевода, Максакъ Ѳедоровичъ Судимонтовъ въ 1583 году построилъ острогъ съ башнями по угламъ, отъ котораго остатки видны донинѣ. Въ этотъ острогъ былъ перенесенъ Печенскій монастырь, разоренный Финляндцами въ 1590 году. Между острогомъ и гостинымъ дворомъ протекала тогда рѣка Кола, съ тѣхъ поръ проложившая себѣ русло дальше къ востоку, отъ чего образовался родъ острова, называемаго Монастырскимъ. Осенью 1595 года воеводой былъ Иванъ Самойловичъ Салмановъ: онъ-то вѣроятно и принялъ суда Голландцевъ. Съ помощію нынѣшнихъ картъ Лапландскихъ береговъ, которыми мы обязаны адмиралу Литке и капитанъ-лейтенанту Рейнеке, можно понять отдѣльные виды и карточки Герарда де-Фера (Veer), зимовавшаго на Новой Землѣ, такъ какъ прежде на картахъ названія рѣдко ставились на своемъ мѣстѣ. Въ иллюстрированныхъ описаніяхъ Фера, уже въ 1598 году изданныхъ на голландскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ (*Waerachtige Beschryvinge; Diarium Nauticum* и *Vraeye Description* и пр.), есть карта, изображающая берегъ отъ «Святаго Носа» до другой стороны Кольскаго залива. Нокуевскую губу нельзя не узнать на ней по скалѣ, находящейся въ серединѣ входа въ нее; да притомъ она снабжена названіемъ *Mokogef*. Къ сѣверо-западу отъ нея видны два бота, представляемые, стало быть, уже послѣ ихъ соединенія. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ иллюстрированнаго описанія Фера, напр. у Гульсіуса 1612 г., русская ладья и Гемскерковъ

Нокуевской губѣ два англійскіе корабля съ мертвыми людьми, съ товарами и снарядами. Царь Іоаннъ Васильевичъ, уже видѣвшій Чанслера, получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, повелѣлъ двинскому намѣстнику, князю Семену Ивановичу Микулинскому-Пункову, перевести на лодьяхъ (обыкновенныхъ судахъ тамошнихъ мореходовъ) все найденное на корабляхъ въ Холмогоры и хранить тамъ до времени за печатью. Исполненіе этого возложено на холмогорскаго градоначальника Фофана Макарова вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами (Косицынымъ, Посельскимъ и Епиховымъ). Исполнено весною 1555 года.

Въ свое время о печальной кончинѣ Ю Уилльби мало было писано въ Англии, съ одной стороны, потому, что въ то время, какъ состоялась эта экспедиція, представителемъ воллатонской фамиліи былъ тринадцатилѣтній юноша, Томасъ Уилль-

ботъ, на которомъ находился Феръ, являются въ круглой бухтѣ съ узкимъ входомъ, и Феръ сообщаетъ, что они на своемъ ботѣ проѣзжали между скалъ. Потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это Круглая губа, образуемая островомъ Китаемъ. На возвышеніи, опредѣленномъ Рейнеке въ 260 футъ, представлены два Голландца съ другаго бота, которые усматриваютъ ладью и Гемскерковъ ботъ, идущій изъ бухты, лежащей къ сѣверо-западу. Это должна быть, конечно, Дворовая губа. У Гульсіуса (1612) невѣрно, стоитъ здѣсь Mokogef; а Comfort значитъ у домовъ на Круглой губѣ, гдѣ и нынѣ находится Становище. Варзина ошибочно поставлена противъ Семи Острововъ. Далѣе опять стоятъ два бота въ губѣ на западѣ отъ Кольскаго залива, гдѣ представлено и упоминаемое въ описаніи жилище трехъ Лопарей съ большою собакой: вѣроятно, это Урская бухта. Другой Лопарь, нанятый по близости на возвышеніи, представляется проводникомъ Голландца, отправляющагося отсюда въ Колу или лучше къ кораблю. Этотъ корабль, бывшій подъ управленіемъ Рипа, стоитъ въ Кольскомъ заливѣ не очень далеко отъ острога и отъ двора съ вѣсами. Боты являются и еще одинъ разъ плывущими по заливу къ кораблю. Означена также и соловарня, находившая на три мили ниже Колы на правомъ берегу залива, и на одномъ изъ листовъ, помѣщенныхъ прежде, видно, какъ лодку перетаскиваютъ по землѣ шесть чело-вѣкъ. Иллюстраціи Фера порядочно знакомятъ съ устройствомъ тогдашнихъ русскихъ лодей. Конечно, нѣтъ нужды напоминать, что незабвенный для насъ Баренцъ умеръ на пути вскорѣ по отплытіи съ Новой Земли, и что Гемскеркъ есть тотъ самый, который ѣздилъ изъ Голландіи въ Индію въ экспедиціяхъ 1598 и 1601. Части этихъ экспедицій сильно содѣйствовали къ истребленію додо на остр. Маврикія. Гемскеркъ нашелъ себѣ смерть, будучи адмираломъ, въ 1607 году въ морской битвѣ при Гибралтарѣ. Онъ погребенъ въ старинной церкви въ Амстердамѣ, гдѣ и поставленъ ему памятникъ.

би, а по смерти его въ 1558 году — младшій его братъ Франсисъ, которому было не болѣе одиннадцати лѣтъ. Съ другой стороны, вниманіе Англіи увлечено было несравненно важнѣйшими обстоятельствами, политическими и церковными, при которыхъ судьба Ю Уилльби не могла возбудить къ себѣ участія публики. Въ слѣдъ за отъѣздомъ его изъ Англіи, царствовавшее тамъ спокойствіе было нарушено, и наступили времена, въ высшей степени бурныя. 6 іюля 1553 король Эдуардъ VI умеръ. 10 іюля Дженъ Грей провозглашена, безъ ея желанія, королевой. Всѣ взялись за оружіе. На тронъ возведена Марія. Герцогъ Нортomberлендскій казнень. Возстановленіе римско-католической церкви и предположеніе королевы выйти за Филиппа Испанскаго, сына императора Карла V, возбудившее опасенія за самостоятельность Англіи, произвели возмутительное движеніе. Віатъ вторгнулся въ Лондонъ, былъ схвачень и обезглавленъ. Тюрмы наполнены были знатными лицами, и въ то время, когда кровь сера Ю застывала въ его жилахъ у береговъ Лапландіи, кровь его двоюродной внуки, юной Дженъ Грей, пролилась на эшафотѣ въ Тоуэрѣ, почти въ одно время съ казнью ея мужа, лорда Гильфорда Додлея, за котораго она вышла за мужъ вскорѣ по отъѣздѣ Ю Уилльби въ экспедицію. Не много спустя, суждено было умереть такою-же смертію и ея отцу, Генриху Грею (брату Анны Уилльби) и его брату Томасу. Въ іюлѣ совершено бракосочетаніе Маріи съ Филиппомъ. Безчисленныя преслѣдованія протестантовъ, пылавшіе костры, на которыхъ сожигали мужчинъ и женщинъ, не исключая даже беременныхъ, инквизиціонные допросы, пытки и т. п., такъ волновали умы современниковъ, что ни вѣсть о такъ называемомъ открытіи Русской земли Чанслеромъ, ни позднѣйшее извѣстіе о трагической кончинѣ Уилльби съ его спутниками, не были въ состояніи остановить на себѣ общественное вниманіе ¹⁾.

¹⁾ Въ имѣніи Воллатонѣ, принадлежащемъ нынѣ лорду Миддельтону, хранится платье, снятое будто-бы съ замерзшаго тѣла Ю Уилльби. Пеннантъ рассказываетъ, что слуга въ Воллатонѣ, показывавшій портретъ Ю Уилльби, обыкновенно прибавлялъ, что этотъ портретъ представляетъ его въ томъ положеніи, въ какомъ онъ найденъ замерзшимъ. Тому, кто пережилъ

Третій корабль Каботовой экспедиціи, Эдуардъ Бонавентура, еще 30 іюля 1553 г. сильною бурей въ сѣверномъ морѣ былъ разлученъ съ тѣми двумя и цѣлую недѣлю ждалъ ихъ у Вардэгуса, гдѣ на этотъ случай назначено было сойтись всѣмъ вмѣстѣ. Потомъ онъ отплылъ въ Бѣлое море и присталъ близъ устья Двины. Кромѣ Ричарда Чанслера, Стефена Борро и Джона Бокленда, на немъ было еще 47 семь человекъ. Въ числѣ ихъ находился вышеупомянутый каптанъ Джонъ Стаффордъ, врачъ Томасъ Вальтеръ (въ одной ркп. Water); двое купцовъ: Джорджъ Бортонъ, производившій торговлю съ Капомъ, и Артуръ Эдуардсъ. Надобно еще назвать Джона Гассе, потому что онъ тогда уже написалъ кое-что о Россіи, а Артура Пета, Вильяма Борро, Ричарда Джонсона, Джона Седжвика и Эдуарда Пасси ¹⁾ потому, что они, равно какъ и Чанслеръ, Стефенъ Борро, Боклендъ и Эдуардсъ, въ послѣдствіи были у насъ въ другой разъ.

Неноксѣ досталось въ первый разъ угостить русскою хлѣбъ-солью нежданныхъ гостей изъ Англіи. А соль была здѣсь произведеніемъ собственной промышленности Неноксы ²⁾.

Монастырь Св. Николая Чудотворца, находящійся къ востоку отъ Неноксы, на самомъ Корельскомъ устьѣ Двины, былъ первымъ мѣстомъ, которое должны были посѣтить изъ Неноксы Англичане. Изъ описанія церкви и владѣній монастыря, составленнаго около двухъ лѣтъ до ихъ прибытія, мы знаемъ, что они тамъ видѣли и какія лица могли тамъ встрѣтить.

его изъ участниковъ экспедиціи, если только былъ такой, едвали могло прійти въ голову рисовать портретъ съ замерзшаго; а изъ видѣвшихъ его на мѣстѣ рыбаковъ также, конечно, никто не могъ этого сдѣлать. Впрочемъ, сцена 1553—1554 при Нокуевѣ заслуживала бы руки лучшаго художника, чѣмъ Джонъ Пинкертонъ, изобразившій ее на рисункѣ при сочиненіи: *A general collection of the best and most interesting voyages and travels*, том. I. 1808.

¹⁾ Фамилію Passy я встрѣчалъ еще у Гаклейта въ формѣ Расіе и догадываюсь, что Гаклейтъ въ другомъ, позднѣйшемъ случаѣ читалъ вмѣсто Расіе — Price. Въ такомъ случаѣ Эдуардъ Прайсъ во второй экспедиціи въ Россіи будетъ не кто другой, какъ тотъ-же самый Пасси.

²⁾ «Своеварка съ Ненокскихъ расольныхъ вытокъ». Въ Неноксѣ имѣлъ соляныя варницы монастырь Св. Николая. Грамотой царя Іоанна Васильевича 1545 ему дозволено было «соляныхъ пожилинъ (разсолу солянаго) искасти и трубы и варницы ставити и соль варити». Еще и нынѣ, какъ здѣсь, такъ и у Уны и въ другихъ окрестностяхъ, производится выварка соли.

Теперь Чанслеръ долженъ былъ принять характеръ англійскаго посланника. Взявъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ спутниковъ, онъ отправился по Малокурью и Двинѣ въ Холмогоры. Тамошній градоначальникъ, Фофанъ Макаровъ, и земскій судья донесли о прибытіи Англичанъ царю Іоанну Васильевичу. Корабль былъ, по ихъ распоряженію, переведенъ ¹⁾ на зимовье въ Унскую Губу, находящуюся къ западу отъ Неноксы, и Чанслеръ отправился 23 ноября въ саняхъ въ царскую столицу, не дождавшись отъ царя приглашенія или дозволенія, которое впрочемъ встрѣтило его изъ Москвы на дорогѣ.

Прибытіе Англичанъ въ Россію совпадаетъ съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ событій въ нашей исторіи. Не задолго предъ тѣмъ царь Іоаннъ Васильевичъ возвратился въ Москву со славою покорителя Казани. Астраханъ была принуждена открыть для Россіи ворота въ Каспійское море. Сибирь, не знавшая своей золотоносной почвы, обязалась, въ знакъ своего подданства, доставлять повелителю Россіи собольи и бѣличьи мѣха, и полудикія племена ея присягнули царю: это былъ первый шагъ къ покоренію неизмѣримой металлоносной страны, по которой мы дошли до Сѣверной Америки.

Черезъ двѣнадцать дней по прибытіи Чанслера въ Москву, царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, управлявшій тогда иностранными дѣлами ²⁾, объявилъ ему, что царь Іоаннъ

1) Это было въ октябрѣ. Зима была, вѣроятно, жестокая, потому что Чанслеръ рассказывалъ Адамсу въ Лондонѣ, что люди, оставленные имъ на кораблѣ, очень страдали отъ холода. «*Nautae certe nostri, qui in nave remanserant, ex inferiori stega in foros scandentes, tam subita lipothymia nonnunquam sunt correpti, ut intermortui subinde ruerent: tanta erat illic rigentis coeli inclementia.* — Въ Пертминской пустыни, основанной на Унской губѣ въ 1599 году, провелъ три дня Петръ Великій, во вторую свою поѣздку на Двину въ 1694 г., и сдѣлалъ тамъ деревянный крестъ съ надписью, который онъ самъ помогъ снести на морской берегъ и самъ поставилъ тамъ въ знакъ благодарнаго воспоминанія о своемъ спасеніи отъ опасности, которой онъ подвергался при переѣздѣ изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь, во время бури. Его спасеніемъ мы обязаны рѣшительности и ловкости лоцмана, Антипа Тимофеева, который счастливо направилъ лодку въ Унскую губу. Вспоминалъ ли тогда царь, что эта губа приняла 1553—1554 первый корабль, прибывшій къ берегамъ Россіи?

2) Впрочемъ въ бытность Чанслера въ Москвѣ онъ находился подъ судомъ по подозрѣнію въ Бакшинской ереси. Извѣстно, что онъ былъ казненъ 1570 году за мнимую измѣну отечеству въ пользу Польши.

Васильевичъ соизволяетъ допустить его къ себѣ, чѣмъ онъ не мало былъ обрадованъ. При приѣмѣ Чанслера присутствовалъ извѣстный любимецъ царя, Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ; Чанслера сопровождали купцы Бортонъ и Эдуардсъ ¹⁾. Онъ поднесъ царю открытую грамоту короля Эдуарда VI: экземпляры ея на разныхъ языкахъ даны были каждому кораблю экспедиціи ко всѣмъ владѣтелямъ странъ, къ которымъ случится пристать имъ на сѣверѣ и на востокѣ ²⁾. На первомъ планѣ въ этомъ письмѣ выставлялось желаніе Англіи заводить торговыя связи ³⁾. Послѣ аудіенціи, Чанслеръ съ обоими купцами удостоились чести быть приглашенными къ обѣду.

Чанслеръ тщательно старался развѣдывать торговыя дѣла Россіи, нужныя для Англіи. Результаты его наблюденій мы знаемъ изъ англійской его записки къ дядѣ своему, Христофору Фротингему (Frothingham), а Клементъ Адамсъ передалъ его рассказы на латинскомъ языкѣ ⁴⁾. Находившійся при Чансле-

¹⁾ Пинкертонъ, въ первомъ томѣ вышеупомянутаго сочиненія о путешествіяхъ, старался изобразить на картинѣ приѣмъ Чанслера съ обстановкой по рассказамъ самого Чанслера.

²⁾ *Ad Principes septentrionalem ac orientalem mundi plagam inhabitantes juxta mare glaciale nec non Indiam orientalem.*

³⁾ Въ немъ между прочимъ говорится: «мы предоставили почтенному и храброму мужу, Гугу Виллибею (Wilibeo) и прочимъ, съ нимъ находящимся, нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ, идти по ихъ усмотрѣнію въ страны, имъ прежде неизвѣстныя, чтобы искать того, чего у насъ нѣтъ, и привозить изъ нашихъ странъ то, чего нѣтъ въ тѣхъ странахъ. И такимъ образомъ произойдетъ выгода и для нихъ и для насъ, и будетъ постоянная дружба и ненарушимый союзъ между ими и нами, если они позволятъ намъ получать вещи, которыми изобилуютъ ихъ владѣнія, а мы будемъ отпускать къ нимъ изъ нашихъ владѣній тѣ вещи, которыхъ у нихъ нѣтъ». *Concessimus viro honorabili et forti Hugoni Wilibeo, et aliis qui cum eo sunt servis nostris fidis et charis, ut pro sua voluntate, in regiones eis prius incognitas eant, quaesituri ea quibus nos caremus, et adducant illis ex nostris terris id quod illi carent. Atque ita illis et nobis commodum inde accedat, sitque amicitia perpetua et foedus indissolubile inter illos et nos, dum permittent illi nos accipere de rebus quibus superabundant in regnis suis, et nos concedemus illis ex regnis nostris res, quibus destituuntur.*

⁴⁾ Чанслеръ, по словамъ Эдена (Eden), въ 1557 г. будто-бы сказывалъ ему, что въ Москвѣ онъ засталъ посланника изъ Персіи (the king of Persia called the great Sophie). Онъ носилъ алое платье и выгодно отзывался царю объ Англичанахъ, потому что знакомъ былъ нѣсколько съ Англіей и ея торговлей. (The ambassador was appareled all in scarlet, and spoke much to the Duke

рѣ Іоганъ Гассе описалъ, для англійскаго купечества, русскія монеты, вѣсы и мѣры; при чемъ онъ оставилъ нѣсколько замѣтокъ о русскихъ произведеніяхъ и указалъ выгодное мѣсто для основанія другаго торговаго дома или складочнаго мѣста англійскихъ товаровъ, кромѣ Москвы, въ Вологдѣ ¹⁾).

Вслѣдствіе просьбы Чанслера дозволить Англичанамъ завести торговыя связи съ Россіею, въ февралѣ 1554 года была изготовлена грамота царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI, который между тѣмъ уже въ прошломъ году 6 іюля умеръ ²⁾. Этой грамотой англійскіе купцы охотно допускаются въ Россію и уполномочиваются вести торговлю съ полною свободой. Этотъ любопытный документъ, первый изъ дошедшихъ въ Англію изъ Россіи, заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія еще и потому, что при изданіи англійскаго перевода его въ 1599 году Гаклейтъ дозволилъ себѣ пополнить титулъ царя Іоанна Васильевича изъ позднѣйшихъ грамотъ, вслѣдствіе чего Астрахань, Сибирь и Лифляндія являются въ этомъ титулѣ прежде, нежели это было и могло быть на дѣлѣ. Въ царской грамотѣ, писанной въ февралѣ 1554 года, не могли быть названы ни Астрахань, ни Сибирь, ни Лифляндія.

Напрасно искалъ я въ Англіи оригинала этой грамоты; но думаю, что нашелъ первый англійскій переводъ ея. Кромѣ того я снялъ для себя копию съ того перевода, которымъ пользовался Гаклейтъ. Эта рукопись сильно пострадала отъ огня; но то, чего въ ней не достаетъ, я могъ пополнить изъ списка, сдѣ-

in behalf of our men, of whose kingdom and trade he was not ignorant). Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ никакого свѣдѣнія о пріѣздѣ персидскаго посланника въ Москву въ 1553 — 1554 г. Самъ Чанслеръ и по словамъ его Адамсъ описываютъ пышность, съ какою отправлены были два посла въ Литву. Гассе сообщаетъ, что въ бытность Чанслера въ Москвѣ прибылъ «великій посолъ» изъ Лифляндіи (for the assurance of their priviledges). Это должно быть извѣстное посольство лифляндскаго геррмейстера и дерптскаго епископа.

1) И въ Вардэгусѣ онъ воспользовался своимъ пребываніемъ, чтобы ознакомиться съ тамошнимъ вѣсомъ. О трескѣ и лососяхъ онъ говоритъ, что эта рыба привозится въ Хелмогоры изъ одного мѣста, находящагося не вдалекѣ отъ Вардэгуса, и называющагося Mallums: это должно быть Малмусъ, то есть Кола.

2) Во столько времени не могло дойти изъ Англіи до Россіи извѣстіе о такомъ важномъ событіи: какая противоположность съ нынѣшнимъ (1846)!

ланнаго съ нея раньше. Всѣ три экземпляра свидѣтельствуютъ, что Гаклюйтъ, при изданіи своихъ «Principal Navigations» 1599 дозволилъ себѣ непростительную вольность. Тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ въ именахъ странъ, подвластныхъ царю, недоразумѣніе, онъ ставилъ вмѣсто ихъ выраженія изъ царскаго титула въ позднѣйшихъ грамотахъ, и такимъ образомъ Іоаннъ Васильевичъ уже въ началѣ 1554 года является у него царемъ (king) Астраханскимъ, государемъ и великимъ княземъ (lord and great duke) Лифляндскимъ и повелителемъ (commander) всей Сибири. Изъ этого Карамзинъ заключилъ, что царь уже въ то время (въ февралѣ 1554) дѣйствительно такъ именовалъ себя въ титулѣ, тогда какъ наши лѣтописи говорятъ о прибытіи посольства отъ обладателя Сибири, Едигера, въ Москву съ предложеніемъ своего подданства лишь подъ 1555 годомъ. Такъ какъ объ Астрахани и Лифляндіи Карамзинъ не упоминаетъ, то онъ считалъ, кажется, возможнымъ, что и эти страны внесены въ титулъ царя уже въ 1554.

Ошибки Гаклейта въ 1599 году тѣмъ разительнѣе, что самъ онъ прежде, въ сочиненіи 1589, нынѣ очень рѣдко, передалъ царскій титулъ правильно. Кажется, что онъ видѣлъ самый оригиналъ грамоты: потому что онъ описываетъ и русское письмо ея и привѣщенные къ ней печати съ изображеніемъ вооруженнаго всадника, сражающагося съ дракономъ. Грамота была написана на бумагѣ; при ней былъ нѣмецкій переводъ. Найденный мною древнѣйшій англійскій переводъ ея, кажется, сдѣланъ съ этого нѣмецкаго перевода, и притомъ лондонскимъ Нѣмцемъ. Я нашелъ его въ одной рукописи, которая принадлежала прежде герольдіи, а впоследствии была, между прочимъ, у Роберта Коттона, и наконецъ у знаменитаго антикварія Ричарда Гау (Gough), умершаго въ 1809 г. При продажѣ его имущества съ аукціона въ 1810, эта книга куплена для Британскаго Музея. На оборотѣ листа 175 и на слѣдующей страницѣ 176 листа напечатано:

The coppye of the lettre which was sente to Kinge Edward Ao. 1554. The almyghtie power of God with the feare of the hooly Trynytie: A right christian belever: we greatiste Lord theyre resquests they have fullye granntid, and have byn in our

John Vasselevitche: by the grace of god Emperour of all Russes: and greate Duke Volloidemersque: Moskosque: nogrottsque: kassanque: placestosque: Smallentsque: Tweresque: Iverdsque: permysque: vettsque: bolgorsque: and of other lands Emperour and greate Duke to newgorod in the lowe cuntrey: Chernegofsque: Rasnsque: Wollotsque: yerzeffsque: belsque: Rostosque: yeraslawsque: beloweshersque: udorsque: obdorske: ffondynski: with dyversse other lands: lorde on all the northe side and petitioner. In primis greattist and famous Edward Kinge of England: our gracious word, with good and frendlie remembrance in all reason from our christian faythfull greate taking awctoritie by commandment of the hyghest of our Awncestrye: this our lordlie writinge to A kynglie desyre, accordinge to the peticon of one Richard, trewlie sent with the reste of his fellowshipe when he shall trewlie com to you. By yt celf the 20 yere of our lordshippe, to our seacoste ys com folk in one shippe theade Rychard, withys felowshippe and have said that they arre frinds they have desyred to com within our lordlie dominion, and accordinge to lordlye howsse in presence of our sight and hathe desyred us accordinge to Your kinglie requests that we wold permytt Your marchants to travaile to our Subiects and dominions, to occupie withall manner of wares, without hynderance, Staye or Interrupcon, and hathe geven us Your lettre in which lettre ys written the like request, to manner of men in their dominions, where-soever they shal happen to com sent by Your trewe Servante Hughe Willoughbie the which Hughe Willoughbie in our dominions hathe not arryved and whereas Your sservante Rychard ys com to us, we wythe christian trewe assurance in no manner of wyse will refuse his petition, and by our faythfull grante, we will not forsake thye request, by the which Your ymbassett that Yow sent to us, the same thy Imbasset with good free will to passe to us and from us withowt anye hynderance or losse, with suche message as shall com to us, the same message to retourne to thie kingdom well awnswerid withall suche marchannts as shall com forthe of Your lande withall manner of ware, if they will traveile to occupie within our lordom, the same marchants with free merchandise in all our lordshippe, withall manner of

ware and uppon all manner of ware freelie to travele owt and in, without hynderance and losse accordinge to this our lettre, and a further assurance of our worde we have caused our Signet to be sett to this our lettre, written in our lordlie howsse and castle the Musco. In the yere 7042 (должно быть 7062) the monethe of februarye ¹).

1) Такъ какъ Гаклейтъ по обыкновенію позволялъ себѣ дѣлать въ переводѣ, которымъ пользовался, произвольныя перемѣны, то я передаю его въ подлинномъ видѣ, какъ онъ находится въ Британскомъ Музеѣ подъ Otto, E, стр. 49 и 50. Вызженные мѣста я дополняю изъ древнѣйшаго списка того же перевода въ Ландсдауновомъ собраніи 141, стр. 342, и отмѣчаю ихъ курсивомъ. The Allmightie power of God and the *incomprehensible* hollie Trinitie of our rightfull Christian *beliefe*. Wee greatest Lord Ivan Vassilewiche *by the* grace of God Emperour of all Russia *and great* Duke Vslademerskij, Moskouskij Nougordskij, *Cazanskij* Pskouskij Smollenskij Tuerdskij Yogorkij *Permskij* Veatskij Bolgarskij and other lands, *Emperor* and great Duke of Novago roda and in the *lowe* Countreys Cheringosskij Rezanskij Volotskij *Rzesskij* Belski; Rostouskij Yoroslaukij Belocherskij Oodorskij Obdorskij Condinskij and manie other *countries* Lord over all the north Cost greetinge. Before all right great and of honor worthye Edward Kinge of England our most hartie and of good zeale with good intent and frendlie desire and of our holie Christian faith and of great governance and in the light of great understanding our answeare by this our honorable wrightinge unto Your Kingelie Governanncce at the request of Your faithfull servannt Richard with his company as he shall wisely lett You knowe, is this. In the strength of xxtie yere of our governance be knowne at our sea Coast arived a schipp with one Richard and his Companie and said *that he was* desirous to come into our dominions *and according* to his request hath seene our lordshipp *and our heires* (тутъ было вѣроятно: eies, какъ у Гаклейта) and hath declared unto us Your Ma-ties *desire* that wee schould grannt unto Your subiects *to goe* and come and amonge our dominions *and subiects* to frequent free merkett with all sort of *merchandizes* and uppon the same to have wares for their *retorne* and they delivered unto us Your letters *which declared* the same request. And uppon that *we have given* order wheresoever Your faithfull servannt *Hugh* Willobe lande or touche in our dominions *to be* well enterteined which as yet is not arrived *the* which Your servannt Richard cann declare. *And we* with Christian beleife and faithfullness and *according* to Your hon-ble request and my ho-ble commandement will not leave it undonne. The which both wilbe You to send unto us with Your shipp *and* vessells when and as often they may with good assurance to see them harmeles. And yf You *send* me one of Your Ma-ties Councell to treat with us whereby Your countrey merchants maie with all kind of wares and wheare they will make ther *market* in our dominions and ther to have their *free market* with all free liberties throughe my whole *dominions* with all kinde of wares and of all kinde of *wares* to come and goe at ther pleasure without *any* of ther lett damage or impediment *according* and by this our Lettre or word with my seale and this my vill or Lettre wee have comanded to be undersealed. Written in our dominion *in our* Towne and our Pallace in the Castell of *Moscovie* in the yere seven thousande and sixtie the *second* month ffebruarye.

Чанслеръ и его спутники уѣхали изъ Москвы въ мартѣ 1554: выждавъ на Двинѣ благопріятной поры, они отплыли на Бонавентурѣ въ Англiю. На дорогѣ корабль имѣлъ несчастіе попасться Голландцамъ и былъ ими ограбленъ. Но экипажъ добрался до Лондона съ царскою грамотой на имя короля Эдуарда, вмѣсто котораго она поднесена королевѣ Маріи. Чанслеръ повсюду рассказывалъ, какъ благосклонно онъ былъ принятъ въ Москвѣ Іоанномъ Васильевичемъ.

Теперь изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ образовалось въ Лондонѣ новое общество, имѣвшее цѣлю открытіе неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ къ востоку и къ западу. Компанія эта была утверждена, 26 февраля 1555 года, Филиппомъ и Маріею особою грамотой (*charter*). Каботъ былъ на всю жизнь опредѣленъ въ президенты, и какъ Чанслеръ уже исходатайствовалъ у Іоанна Васильевича особенное покровительство Англичанамъ, то общество получило исключительную привилегію на торговлю съ Россіею¹⁾.

Въ Англiи старались представить прибытіе Чанслера въ

*) Это общество въ теченіе времени не разъ перемѣняло имя. Оно существуетъ еще и нынѣ подъ именемъ *Россійской компаніи* (*the Russia Company*), хотя уже и безъ прежнихъ привилегій. Я имѣю списокъ именъ всѣхъ его основателей, который нигдѣ еще не напечатанъ. Въ числѣ шести особъ изъ высшей аристократіи находится Вильямъ Говардъ (*Howard*), графъ Эффингамскій, тогдашній лордъ-адмиралъ англійскій. Въ новѣйшемъ изданіи сочиненія Борна (*Burne*): *Genealogical and heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the Brititsh Empire*) подъ статью: *Effingham*, объ немъ говорится, что въ 1553 г. онъ отправленъ былъ посланникомъ въ Московію и это было первое англійское посольство въ Россію. Это вовсе неосновательное мнѣніе въ слѣдующемъ изданіи *Peerage* надобно выбросить. Кромѣ шести лицъ изъ аристократіи, въ обществѣ было 184 другихъ членовъ, изъ которыхъ здѣсь можно упомянуть: Себастіана Кабота, Генриха Сиднея, Вилльяма Сесилля, Вилльяма Петера, Джоржда Барнса, Уильяма Герарда, Томаса Офлея старшаго и Джона Диммока: потому что они разнымъ образомъ содѣйствовали обществу; Ричарда Чанслера, Стефена Эбро (*Abrough* вм. *Vurgough*), Джона Бокленда, Артура Эдуардса, Джорджа Бортона, Томаса Бенистера и Джона Спарка, потому что они были въ Россіи. Списокъ первоначальныхъ членовъ, хранящійся въ Кдттоновомъ собраніи рукописей въ Британскомъ Музеѣ, къ сожалѣнію, на половину поврежденъ отъ огня, какъ и многія другія рукописи этого собранія, но недостающее въ этомъ спискѣ можно пополнить изъ копій, находящейся въ Ландсдауновомъ собраніи. Гаклейтъ удостоилъ упомянуть только имена лордовъ.

Неноксу настоящимъ открытіемъ Россіи, въ родѣ открытія Америки или другой, до тѣхъ поръ неизвѣстной страны¹⁾. Стѣдуетъ разсмотрѣть, не могли ли Уилльби и Чанслеръ имѣть, до своей экспедиціи, какое-либо свѣдѣніе о Бѣломъ морѣ, о Двинѣ и о сѣверо-восточныхъ краяхъ Россіи вообще?

Извѣстно, что древнѣйшее свѣдѣніе о плаваніи около Норвегіи вокругъ Мурманскаго Носа (названнаго съ 1553 года Нордъ-каломъ) сообщено англійскимъ королемъ Альфредомъ, который такъ-же хорошо владѣлъ перомъ, какъ и мечомъ, и котораго считаютъ основателемъ англійскаго флота. Это извѣстіе записалъ онъ со словъ Норвежца Отера, который во времена Рюрика, или вскорѣ послѣ того, вѣроятно, въ послѣднюю четверть IX вѣка, совершилъ морское путешествіе отъ западнаго берега Норвегіи въ Бѣлое море. Замѣчательно, что самое древнее описаніе морскаго пути къ нашимъ сѣвернымъ берегамъ оставлено намъ королемъ, точно также, какъ, съ другой стороны, почти столь-же древними извѣстіями о прежнихъ плаваніяхъ изъ Россіи по Черному морю мы обязаны императору Константину Багрянородному.

Для меня вовсе не такъ достовѣрно, какъ обыкновенно думаютъ, что Отеръ входилъ именно въ Двину, какъ Эрикъ Блодиксасъ Гаральдомъ Грефеллемъ, Тореръ Гундъ съ Карли и Гвастейномъ и мн. другіе, плававшіе въ Біармію до самаго начала монгольскаго періода (1252). Очень могло быть, что Отеръ былъ на Мезени. На Бѣломъ морѣ или, опредѣлительнѣе, при входѣ въ губу при устьѣ Мезени, влѣво есть островъ, издавна называемый: Моржовець, отъ моржей²⁾. Вправо

1) Еще въ 1598 году Гаклейтъ писалъ: Wil it not in all posteritie be as great a renowne unto our English nation, to have been the first discoverers of a Sea beyond the North Cape (never certainly knowen before) and of a convenient passage into the huge Empire of Russia by the bay of St. Nicolas and the river of Duina; as for the Portugales to have found a Sea beyond the Cape of Buona Esperanza and so consequently a passage by Sea into the East Indies; or for the Italians and Spaniards to have discovered unknowen landes somany hundred leagues Westward and Southwestward of the streets of Gibraltar, and of the pillars of Hercules?

2) Герберштейнъ пишетъ (1549): Mors, а переводчикъ его латинскаго сочиненія, Панталеонъ, (1633) къ этому имени отъ себя прибавляетъ: *или смерть*.

лежатъ Моржовыя Кошки, т. е. моржовыя песчаныя мели. Отеръ говоритъ, что слухъ о ловлѣ моржей былъ главною причиною путешествія: ибо моржовыя зубы — слоновая кость того времени — были очень цѣнны, а изъ моржовой кожи дѣлались канаты, употреблявшіеся на судахъ, — ясный намекъ на то, что судоходство по этимъ водамъ существовало уже издавна. Одинъ мезенскій житель, Алексѣй Федоровъ Окладниковъ, человекъ весьма опытный, увѣрялъ меня, что лѣтъ двадцать назадъ еще много били моржей у восточнаго берега воротъ Бѣлаго моря, между Кіей и Канинымъ Носомъ. Становищами служили рѣчки Сальницы и Большія Бугряницы. Герберштейнъ упоминаетъ о множествѣ моржей при устьѣ Печоры, а Чанслеръ говоритъ, что ловцы ихъ жили въ Пустозерскѣ. Первый пишетъ: «предъ устьемъ Печоры рассказываютъ объ удивительныхъ звѣряхъ, изъ коихъ одни называются *mors*, величиною съ быка, имѣютъ короткіе ноги, живутъ въ морѣ, имѣютъ на верхней челюсти два зуба. Бьютъ ихъ только ради прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ красивые черенки къ ножамъ. Московиты, Турки и Татары дѣлаютъ изъ нихъ къ своему оружію, особенно короткому, какъ мы носимъ кинжалы или ножи, рукоятки, собственно только для красоты, а не для увеличенія тяжести, чтобы чрезъ то ударъ оружіемъ былъ сильнѣе, какъ объ этомъ писалъ нѣкто» (Герберштейнъ намекаетъ здѣсь на Мѣховскаго, который высказалъ это мнѣніе въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *Sarmatia*); «покупаютъ зубы на вѣсъ и называютъ просто «рыбій зубъ». Еще и нынѣ самый обильный уловъ моржей бываетъ на Гуляевскихъ меляхъ у Печорской губы, на Вайгачѣ и у западнаго берега Новой Земли. А во время Отера моржей могло быть много у острова, получившаго отъ нихъ свое имя, и по берегамъ на югъ отъ Канина Носа.

Отеръ подарилъ королю Альфреду нѣсколько моржовыхъ зубовъ: это были первые предметы, привезенные съ нынѣшнихъ русскихъ береговъ въ Англію. Вѣроятно, Отеръ не только вынулъ зубы, но и снялъ съ моржей кожу, и вотъ древнѣй-

У поляка Мѣховскаго (1517) было: *pisces morss*. Чанслеръ говоритъ (1554): a fish called a *Morsse*, а Адамсъ (въ томъ-же году) прибавляетъ: *bellua Mors nominata*.

шія (сколько извѣстно) статьи вывоза изъ Бѣлаго моря въ Норвегію.

Мы не можемъ положительно доказать, чтобы Каботъ былъ знакомъ съ Альфредовымъ описаніемъ путешествія Отера, которое должно было имѣть для него столько интереса*). Но онъ могъ достать себѣ печатный италіянскій переводъ Герберштейнова сочиненія о Россіи (*Commentari della Moscovia*), въ которомъ находится описаніе плаванія нашего Истома и Датскаго герольда Давида вокругъ Мурманскаго Носа, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о Ледовитомъ морѣ, Двинѣ, Печорѣ и Оби. Эта книга напечатана въ 1550 году въ Венеціи, гдѣ Каботъ провелъ свои молодые годы. Къ ней приложена карта Россіи, составленная пьемонтскимъ космографомъ Джакомо Гастальдо, на которой показано какъ Ледовитое море (впрочемъ, собственно только часть Бѣлаго моря), такъ и рѣки Двина, Мезень, Печора, даже съ Цыльмой (гдѣ добываются руды) и съ Обью. Послѣдняя вытекаетъ изъ большаго озера на правомъ (восточномъ) краѣ карты, называемаго Китаемъ (*Kythao lago*), а въ книгѣ объ немъ говорится... *il lago de Kithai dal quale il gran Chane di Cathaia, il quale gli Moscowiti Czar Kythaiski appella-no, ha il nome*. Сколько интереса должны были имѣть такія географическія свѣдѣнія для виновника сѣверо-восточной экспедиціи! Трудно повѣрить, чтобы Каботъ не выписалъ себѣ эту книгу съ картой изъ Венеціи. О Финскихъ маркахъ и Вардэгусѣ Ю Уилльби и Чанслеръ заранѣе имѣли понятіе: потому что между ними было условлено, въ случаѣ, если корабли разойдутся въ сѣверномъ морѣ, дожидаться другъ друга въ Вардэгусѣ. А какъ у Герберштейна, въ разказѣ Истома о путешествіи его по Ледовитому морю, плаваніе между Вардэгусомъ и Двиною описано, то дорога туда была указана, и Каботъ могъ имѣть о томъ свѣдѣніе. А Дмитрій Герасимовъ, въ своемъ описаніи Россіи, внесенномъ въ книгу Герберштейна, объясняетъ, что если плыть изъ Двины вправо по берегу, то можно, вѣроятно, достигнуть Китая, и это свѣ-

*) Альфредово описаніе путешествія Отера я нашелъ въ Британскомъ Музеѣ, въ одной книгѣ, рядомъ съ дневникомъ Вильяма Сесия съ 1552 по 1557 годъ.

дѣніе было издано въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ Павломъ Джіовіо уже въ 1537, и потомъ въ 1545 и 1551 годахъ.

Германія получила разныя свѣдѣнія о Россіи еще въ 1488 г. отъ Поппеля, а съ 1489 по 1492 — отъ Юрія Траханиота, Халепы, Аксентьева, Кулешина, доктора Торна, Яропкина и Курицына. Въ 1489 году на имперскомъ сеймѣ римскому королю поднесены были собольи, горностаевые и бѣличьи мѣха. Вскорѣ потомъ собольими и бѣличьими мѣхами платили вмѣсто денегъ металлургамъ и другимъ мастерамъ, нанимаемымъ въ Россію. Поппель тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Германію послалъ кого-то на сѣверо-востокъ Россіи, чтобы привезти оттуда одного человѣка изъ племени Вогуловъ, «питающихся сырымъ мясомъ», и живаго лося для германскаго императора Фридриха III. Въ 1492 году пріѣзжалъ въ Москву Михаилъ Снупсъ, чтобы отправиться на Обь и осмотрѣть тамошній край въ географическомъ и вообще въ ученое отношеніи. Но царь Іоаннъ Васильевичъ не соизволилъ разрѣшить этого путешествія.

У Рамузіо мы находимъ, что какой-то Русскій, показывая тамошнему ученому карту, объяснялъ, что по Ледовитому морю, можетъ быть, можно проѣхать до острововъ и земель, гдѣ растутъ пряности, т. е. до Индіи. Это могъ быть Василій Власій, возвращавшійся съ княземъ Иваномъ Ярославскимъ-Засѣкинымъ изъ Испаніи; а если не онъ, такъ Дмитрій Герасимовъ, бывшій тамъ въ 1525 г. на пути въ Римъ съ Паоло (Centurione), или въ 1526 г. на возвратномъ пути оттуда съ Іоанномъ Францискомъ де Потенція, назначеннымъ Папою въ епископы города Скары, котораго, впрочемъ, Густавъ Ваза не принялъ.

Что русскіе мѣха во времена Каботовой экспедиціи въ Англіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, издавна были въ большомъ употребленіи, свидѣтельствуютъ многіе изъ англійскихъ портретовъ, а писанные Гансомъ Гольбейномъ между 1526 и 1554 годами. Для примѣра назову здѣсь портреты: епископа кентерберійскаго, Варгема, умершаго 1532 г., канцлера Томаса Мора, казненнаго 1535 г., и королевы Анны Боленъ, казненной 1536 г.

Польская королева Елена Иоанновна, въ концѣ 1503 года, просила отца своего, великаго князя Иоанна Васильевича, прислать ей черныхъ соболей съ передними и задними лапами и съ когтями. Иоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ ей въ мартѣ 1504 года, что у соболей отрѣзываютъ лапы тамъ, гдѣ ихъ ловятъ, на мѣстѣ, но что онъ далъ приказаніе соотвѣтственно ея желанію и пришлетъ ей соболей тотчасъ по полученіи *).

II. ВТОРАЯ АНГЛІЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ РОССІЮ.

Грамота Филиппа и Маріи къ Иоанну Грозному. — Первые агенты англійской торговли въ Россіи. — Киллинвортъ — Статьи отпуска изъ Англій и вывоза изъ Россіи съ ихъ цѣнами. — Первый привозъ англійскихъ суконъ въ 1557. — Сукно Лундышъ. — Ричардъ Грей въ 1557 г. въ Холмогорахъ и въ 1558 въ Москвѣ. — Ярмонка въ Лампожнѣ — Макарьевъ своего времени. — Генрихъ Ленъ и свѣдѣнія, сообщенныя имъ о русской торговлѣ. — Христофоръ Гудсонъ въ Нижнемъ Новгородѣ и потомъ въ Москвѣ. — Высокія цѣны Англійскихъ товаровъ; цѣна рубля въ сравненіи съ фунтомъ стерлинговъ. — Въ 1567 Гудсонъ въ Нарвѣ. — Польскіе пираты и взятіе ихъ Вил. Борро — Характеристика Иоанна Грознаго. — Смотръ войскъ и артиллерійскія экзерциціи. — Описаніе царской короны и скипетра. — Томасъ Гаутри и другіе. — Русскія книги въ Англій. — Приемъ «корабельныхъ гостей» въ Москвѣ — Проектъ торговыхъ привилегій, но пока еще не утвержденный царемъ.

Въ апрѣлѣ 1555 Чанслеръ снова былъ отравленъ на Эдуардѣ Бонавентурѣ въ Россію. Его снабдили королевскою грамотою отъ 1 апрѣля, отъ имени Филиппа и Маріи къ царю Иоанну Васильевичу, написанною на греческомъ, польскомъ и италіянскомъ языкахъ. Грамота содержала въ себѣ благодарность за благосклонный приемъ Чанслера въ бытность его въ Москвѣ, и просьбу опять принять его и находящихся при немъ

*) Герберштейнъ въ 1527 году везъ съ собою изъ Москвы въ Германію живыхъ горностаевъ и бѣлокъ; но три послѣднія погибли у него дорогой въ Дубровнѣ. «Ich bracht mit mir, пишетъ онъ, Lebendige Feech und Harnel zu nachts undter meinem Pet hat der Harnel drei Feech zu todt gepissen und am genickh ausgefressen».

людей милостиво и оказать покровительство торговлѣ*). Стефень Борро на этотъ разъ остался въ Англіи. Бывшій его помощникъ, Джонъ Боклендъ, теперь самъ правилъ кораблемъ. Чанслеръ взялъ съ собою одного изъ своихъ сыновей. Поѣхали также два купца, въ первый разъ назначенные въ торговые агенты въ Россіи. Одинъ изъ нихъ назывался Джорджъ Киллингвортъ, другой Ричардъ Грей.

Киллингвортъ былъ купецъ, торговавшій сукномъ въ Лондонѣ. Компанія рассчитывала тогда особенно на хорошій сбытъ сукна въ Россію. Опытъ показалъ, что она не ошиблась. Въ то время овечья шуба въ Россіи начала уступать кафтану. Въ Лондонѣ сукно, отправляемое въ Россію (broadcloth), обыкновеннаго цвѣта, обходилось компаніи въ 5 фунтовъ ст. 9 шилл. за кусокъ, но алое сукно въ 17 ф. 13 ш. 6 пенсовъ, а тонкое фіолетовое въ 18 ф. 6 ш. 6 п. Рубль ходилъ тогда за 16 шилл. 8 пенс.; но настоящую цѣну его полагали только въ 12 или 13 шиллинговъ. Въ Москвѣ я часто находилъ въ жалованныхъ царскихъ грамотахъ выраженіе «сукно лундышъ»: это значитъ не что иное, какъ «Лондонское сукно». Въ Кембриджѣ я нашелъ рукопись, изъ которой я узналъ, что сортъ суконъ, вывозимыхъ въ Россію, самими англійскими купцами впоследствии

*) Въ англійской черновой этого письма я нахожу подтвержденіе моей догадкѣ о древности одного изъ переводовъ царской грамоты 1554 года, потому что здѣсь встрѣчаются мѣстами тѣ-же самыя выраженія, какъ въ томъ переводѣ, напр. въ слѣдующемъ мѣстѣ: Your Maiestie have granted that all marchants with al maner of wares, if they wil travel or occupie within your dominions, the same marchants with their marchandises in al your lordship may freely, and at their libertie travaile out and in without hinderance or any manner of losse: farther that our ambassadours shall with free good will passe to and from you without any hinderance or losse, with such message as shall come unto you, and to return the same to our kingdomes well answered. И такъ тотъ переводъ былъ официальный, котораго держались при составленіи отвѣта. Изъ этой черновой видно, что въ первое посѣщеніе Москвы Чанслеромъ, вмѣстѣ съ нимъ были на аудіенціи и на обѣдѣ у царя нѣкоторые изъ его спутниковъ, потому что тамъ говорится: your Majestie did call Chancelour and certaine of his companу to your emperiall presence and speech, entertaigned and banqueted them with all humanitie und gentleness. Изъ королевской привелегии отъ 26 февраля 1555 видно, что это были купцы, стало быть Дж. Бортонъ и Арт. Эдуардсъ. Lord John Basilivich Emperour of all Russia, did not onely admitte the Captaine and marchants our Subjects into his protection and princely presence, but also received and intertained them very graciously and honourably.

назывался *Lundish cloth*. Первый значительный отпускъ суконь изъ Англии (209 кусковъ) прибылъ на Двину въ 1557 году. Тутъ-же было доставлено 518 кусковъ каразеи изъ Гемпшира, которая въ Лондонѣ стоила 4 ф. 6 ш. за кусокъ. Изъ нихъ не меньше 400 кусковъ было голубаго — вѣроятно, любимаго тогда — цвѣта; изъ остальныхъ кусковъ 43 было синяго, 53 краснаго, 15 зеленаго, 5 инбирнаго, и 2 желтаго. Прислано было также нѣсколько хлопчатобумажныхъ издѣлій (21 кусокъ въ трехъ кипахъ, цѣною въ 9 ф. 10 ш.), оловянной посуды (9 бочекъ), сахару и т. д. Цѣны русскихъ произведеній были тогда въ Лондонѣ: воскъ 4 ф., сало 16 шилл., ленъ отъ 20 до 28 шиллинговъ за центнеръ; ворвань 9 фунтовъ за тонну. Въ первые годы компанія хотѣла ограничиться преимущественно упомянутыми здѣсь статьями. Коноплю и деготь она предполагала вывозить въ видѣ смоляныхъ канатовъ и веревокъ. Пушной товаръ она брала не безъ разбора; директоръ писалъ: «что касается соболей и другихъ дорогихъ мѣховъ, то они будутъ не всякому по карману». Тотчасъ по прибытіи въ Москву (1555), Киллингвортъ купилъ пять центнеровъ льняной пряжи для отсылки въ Англию, по восьми съ четвертью пенсовъ за фунтъ. Компанія слышала, вѣроятно, отъ Непеи, либо отъ Роберта Беста, что въ Россіи и въ Татаріи обрабатываютъ много стали, и что татарская сталь лучшаго качества. Потому дирекція компаніи просила въ 1557 г. прислать образчики. Здѣсь разумѣется, вѣроятно, устюжскій и тульскій укладъ. Послѣдній могъ быть названъ татарскимъ потому, что онъ обрабатывался преимущественно за линіею засѣкъ, которою Россія ограждала себя отъ Татаръ. Во всякомъ случаѣ, въ историческомъ отношеніи замѣчательно, что Англія требовала нѣкогда сталь изъ Россіи. Нѣмецкая сталь была тогда въ Лондонѣ гораздо дороже, чѣмъ въ 1551 году, при уничтоженіи монополіи Ганзы. Въ Лондонъ дошли также слухи, что Россія богата мѣдью; требовали образчиковъ ея и обстоятельныхъ свѣдѣній. Вообще компанія желала получить образцы произведеній не только русской природы и русской промышленности, но и фабричныхъ матеріаловъ, вывозимыхъ изъ Татаріи и Турціи. Въ Лондонъ посланы изъ Москвы три рубля монетой, для опредѣле-

нія настоящей цѣнности. Киллингвортъ только около двухъ лѣтъ завѣдывалъ торговлею въ Москвѣ. Онъ сдѣлалъ поѣздки въ Новгородъ, Псковъ, Холмогоры и т. д. Въ первый пріѣздъ его въ Вологду 1555 одинъ купецъ предлагалъ ему 12 рублей за кусокъ сукна (broadcloth) и 4 алтына за фунтъ сахару: онъ не продалъ за эту цѣну. За наемъ дома въ Вологдѣ, въ которомъ онъ сложилъ наибольшую часть привезенныхъ товаровъ, заплатилъ онъ, отъ половины сентября до Пасхи 1556, десять рублей.

Другой начальникъ торговли, Ричардъ Грей, завѣдывалъ устройствомъ канатной фабрики въ Холмогорахъ, на которую мастеровые присланы были въ 1557 году изъ Лондона. 14 апрѣля 1558 года ему, вмѣстѣ съ Робертомъ Бестомъ, показывали въ Москвѣ царскую корону съ большимъ рубиномъ на стержнѣ, драгоценные камни, впрочемъ большею частію не шлифованные, и царскія одежды, украшенныя крупнымъ жемчугомъ и большими камнями. При этомъ его просили навѣдываться въ Англію, куда предстояло ему возвратиться, нельзя ли тамъ купить подобные или еще лучшіе камни, жемчугъ и золототканныя матеріи и т. п. для царской казны. Въ февралѣ 1559 года Грей былъ въ Холмогорахъ и собирался ѣхать на ярмонку въ Лампожню. Мѣстечко это, находившееся на острову, на 18 верстъ выше нынѣшняго уѣзднаго города Мезени, было тогда очень значительно въ торговомъ отношеніи. Это было Макарьевъ своего времени: тамъ происходила мѣна товаровъ, принадлежавшихъ краямъ Россіи по сую сторону Двины, на добычу промысловъ Новой Земли, Вайгача и другихъ острововъ, страны Самоѣдской, Югры и вообще всего извѣстнаго тогда сѣверо-востока. На Лампоженскую ярмонку, которая была дважды въ годъ привозились на оленяхъ, изъ Пустозерска и другихъ мѣсть, всѣ роды пушныхъ товаровъ, олени шкуры, рыбы, т. е. моржовые зубы. Вымѣненные товары отправлялись чрезъ Пинегу въ Холмогоры, откуда большею частію пріѣзжали русскіе купцы на ярмонку; отсюда назначенные въ отпускъ въ чужіе края, до открытія двинскаго пути Англичанами, отправлялись въ Новгородъ; а Россія снабжалась ими чрезъ Вологду и Москву. Джонъ Гассе уже въ 1554 г. поставилъ Лампожню между Пи-

негой и Пустозерскомъ (Penninge, Lampas and Powstoser). Онъ говоритъ, что изъ Холмогоръ привозятъ для мѣнковой продажи, между прочимъ, сукна, оловянную и мѣдную посуду (cloth, tinne, batrie). Чанслеръ выставляетъ пушной товаръ и говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ «рыбимъ зубомъ», для продажи привозится на оленяхъ (on harts), въ «Лампасъ», а отсюда закупленное отправляется въ Холмогоры, гдѣ въ Николинъ день бываетъ ярмонка. Адамсъ, на основаніи его рассказовъ, пишетъ, что товары возятъ въ Лампожню на спинѣ оленей (Mercimoniam cervorum dorsis ad oppidum Lampas feruntur). Чанслеръ не такъ опредѣлительно выразилъ это своимъ «on harts». Но онъ ошибался, если думалъ, что товары навьючиваютъ на оленей: ихъ возили на саяняхъ, въ которыя запрягали оленей. Отъ Ричарда Джонсона мы узнаемъ, что въ Лампожнѣ дважды въ годъ была ярмонка. Грей пишетъ, что въ 1559 г. въ Лампожнѣ съѣздъ будетъ больше, чѣмъ въ предыдущіе десять лѣтъ (this lent (1559) cometh to Lampas such a number of men of divers nations with wares, as hath not been seen these ten yeeres); особенно упоминаетъ онъ объ Юграхъ (thither come many out of Ugori): называетъ холмогорскихъ купцовъ, которые туда уже уѣхали, и самъ онъ хотѣлъ туда взять съ собою для обмѣна нѣсколько суконъ (каразей). Лампожня невѣрно показывается на нашихъ картахъ. Истинное положеніе ея на Лампоженскомъ острову, самомъ южномъ и самомъ большемъ изъ дюжины извѣстныхъ по именамъ острововъ на рѣкѣ Мезени, дающихъ превосходные луга; неширокая часть этой рѣки, обмывающая острова съ востока, называется здѣсь Курьей Губой. На южномъ концѣ двѣнадцативерстнаго протяженія этого острова лежитъ село Лампожня съ двумя церквами; насупротивъ ея съ запада впадаетъ въ Мезень рѣчка Шукша. Зимняя дорога идетъ отсюда черезъ четыре станціи въ уѣздный городъ Пинегу. Нынѣ въ Лампожнѣ находится волостное правленіе. О древней торговлѣ въ этомъ селеніи надобно бы сдѣлать изслѣдованіе. Можетъ быть, сюда наѣзжали мореходы, ѣздившіе въ Біармію. Говорятъ, что весною, при высокой водѣ, старыя строенія иногда сносятся. Имя Лампожни произошло, по видимому, изъ сложенія съ словомъ: пожня. Въ грамотѣ царя Іоанна В., данной Само-

ѣдамъ 1545, говорится: «Самоѣдцы пріѣзжаютъ на Лампожню торговати съ Русаки... да съ тое жъ деи съ Лампожни Лампожничичи дають мнѣ великому князю въ казну по три рубли на годъ... и чтобы имъ пріѣзжая на Лампожню торговати было гдѣ ставитися а наддадутъ надъ старымъ оброкомъ полтину» и т. д.

Кромѣ Киллингворта и Грея, съ Чанслеромъ отправлено было еще нѣсколько Англичанъ, большею частію молодыхъ людей, для завѣдыванія торговыми дѣлами въ Москвѣ и во внутреннихъ краяхъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: потому что они оставили намъ свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи русской торговли и о другихъ предметахъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Генрихъ Ленъ (Lane) былъ назначенъ въ 1557 г. третьимъ агентомъ, и мы обязаны ему многими свѣдѣніями объ основаніи англійской торговли. Часть этихъ свѣдѣній записана была имъ самимъ, другая сообщена въ письмахъ, писанныхъ имъ для печати. Сначала онъ былъ назначенъ въ агенты компаніи собственно для Холмогоръ, но потомъ въ томъ-же званіи находился въ Москвѣ. Онъ выѣхалъ изъ Россіи 1560 г.

Ленъ былъ человѣкъ образованный. Онъ сообщилъ разныя свѣдѣнія о первомъ пребываніи Англичанъ въ Россіи, и, что особенно любопытно, описалъ аугедіенцію въ 1555 г., при которой онъ присутствовалъ. Онъ упоминаетъ, что Стефенъ и Вильямъ Борро первые занесли на карту островъ Вайгачъ (an island called Waigatz first by them put into the carde or mappe). При другомъ случаѣ онъ пишетъ, что предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы въ 1560 г. возникъ между Шираемъ-Костромицкимъ и другими русскими купцами торговый споръ, который рѣшенъ былъ жеребьемъ въ пользу Англійской компаніи. Онъ отправился въ Англію съ Дженкинсономъ. Въ 1566 г. онъ былъ агентомъ компаніи въ Антверпенѣ и Амстердамѣ. Уже за годъ до того Итальянецъ Рафаэль Барберини старался завести торговлю съ Россіею изъ Антверпена; въ 1564 г. Ленъ успѣлъ испросить у царя Іоанна Васильевича на это привилегію. Въ 1567 г., когда въ Англію прибыли русскіе купцы Твердиковъ и Погорѣлой, онъ слу-

жилъ имъ, сколько могъ, толмачемъ на аудіенціи, которую они имѣли у королевы Елизаветы. Впослѣдствіи, именно позднѣе 1582 г., упоминая о мѣхахъ, привезенныхъ ими въ подарокъ отъ царя королевѣ, онъ сильно защищалъ употребленіе мѣховъ, осуждая въ то-же время шелковыя ткани, которыя начали входить въ употребленіе. Столь интересныя для насъ письма Англичанъ изъ Россіи, напечатанныя Гаклейтомъ, сообщены большею частію Леномъ.

Христофоръ Гудсонъ былъ главнымъ агентомъ сперва въ Нижнемъ-Новгородѣ, а потомъ два года въ Москвѣ, гдѣ, какъ видно изъ одного собственноручнаго письма его (къ Сесилию), онъ продавалъ нѣкоторые товары въ двадцать разъ дороже стоимости ихъ для компаніи. Самъ онъ писалъ свою фамилію Hoddesdon. Въ Лондонѣ онъ служилъ купеческимъ прикащикомъ у Джорджа Барнса, а въ Москвѣ прожилъ семь лѣтъ. Упомянутое письмо его я нашелъ въ бумагахъ Пеписа въ Магдалининской коллегіи (Magdalen college), въ Кембриджѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ (Nisnovgorod in the confynes of Russia) продавалъ онъ сукно, стоившее на мѣстѣ со всѣми издержками только шесть фунтовъ стерлинговъ, по семнадцати рублей за кусокъ, что, по собственнымъ словамъ его, составляло на тогдашнія деньги почти тройную цѣну. Стало-быть, рубль почти равенъ былъ фунту стерлинговъ. А въ Москвѣ, по его-же словамъ, товары, стоившіе 6,608 ф. ст., проданы за 13,644, т. е. съ прибылью болѣе ста процентовъ. Въ 1562 году онъ возвратился въ Англію и велъ свою собственную торговлю. Но черезъ четыре года онъ опять понадобился компаніи для расширенія торговли въ Нарвѣ. У меня есть копіи писемъ королевы Елизаветы отъ 16 марта 1566 года къ королямъ датскому и шведскому, которыми она, по причинѣ бывшей тогда войны, испрашиваетъ Гудсону ихъ покровительства. Въ этихъ письмахъ онъ называется: Christophorus Hoddesdon, mercator londoniensis, spectatae quidem et probitatis et fidei vir. Елизавета писала объ этомъ къ обоимъ королямъ даже еще раньше, именно 4 декабря 1555 года. Обоихъ завѣряетъ она, что корабли компаніи не будутъ возить къ Московитамъ никакихъ предметовъ, нужныхъ для военныхъ дѣйствій. Въ 1567 г. Гуд-

сонъ опять былъ посланъ въ Нарву, и съ нимъ отправлено на 11,000 ф. ст. сукна, каразей и соли *). Гудсонъ сообщаетъ, что, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства того времени, онъ доставилъ компаниі сорокъ процентовъ прибыли. Въ 1569 г. онъ ѣздилъ изъ Лондона въ Нарву съ грузомъ товаровъ на трехъ корабляхъ: онъ былъ тамъ главнымъ распорядителемъ заведенной имъ торговли. Съ возвращавшимися кораблями писалъ онъ компаниі, чтобы въ слѣдующую весну (1570) она прислала тринадцать кораблей, которые онъ все надѣется нагрузить товарами. Онъ совѣтовалъ хорошо снабдить корабли огнестрѣльнымъ оружіемъ, потому что на слѣдующее лѣто надобно опасаться множества корсаровъ: въ последнее плаваніе въ Нарву самъ онъ встрѣтилъ ихъ нѣсколько. Начальство надъ этой купеческой флотиліей, отправленной по желанію Гудсона, было поручено Вильяму Борро. 10 іюля она дѣйствительно встрѣтила у острова большаго Тютерса (Tuttee) шесть кораблей польскихъ корсаровъ. Одинъ изъ нихъ ушелъ, другой сожженъ, а остальные четыре съ 83 человекъ экипажа Борро привелъ въ Нарву, гдѣ эти плѣнники, за исключеніемъ одного, прежде спасаго жизнь многимъ Англичанамъ, были выданы воеводѣ. Донесеніе объ этомъ происшествіи къ царю подписано Гудсономъ, какъ начальникомъ факторіи, вмѣстѣ съ Борро. Позднѣе Гудсонъ имѣлъ съ компаниєю непріятности: она обвиняла его, что онъ, занимаясь ея дѣлами, производилъ обороты въ свою собственную пользу, и требовала отъ него въ вознагражденіе за то сто фунтовъ штрафа. Объ этомъ писалъ онъ въ письмѣ, найденномъ мною въ Кембриджѣ, къ «Syssele», который въ 1571 сдѣлался лордомъ (барономъ) Борлейгомъ (Burleigh). Гудсонъ упоминаетъ здѣсь, что онъ ѣздилъ въ Россію въ 1553 г., и потомъ черезъ два года, въ 1555, онъ былъ посланъ изъ Москвы съ сукномъ въ Нижній Новгородъ. Онъ

*) Отъ 18 апрѣля этого года директоры компаниі писали изъ Лондона къ тогдашнему агенту своему въ Москвѣ, Вильяму Роулею: «We have sent M. Cristopher Hoodson this yere to the Narve (whome we think to be arrived ther by this time) about 200 clothes, 200 kersales, seven ships laden with salt and other wares to the valeve of L 11,000 and shippes to the burdon of about 1,300 tonnes ther to be laden and the wares solde and the (w)hole retourne to be made this sommer if it be possible».

сдѣлалъ ошибку: потому что онъ прїѣзжалъ въ Россію только въ 1555 г.

Робертъ Бестъ уже въ 1556—1557 г. былъ въ состояніи служить толмачемъ для нашего посланника Непеи и для Дженкинсона. Первому онъ оказалъ полезныя услуги послѣ кораблекрушенія у шотландскаго берега. По моему мнѣнію, Бесту принадлежитъ сочиненіе одной анонимной записки, напечатанной у Гаклюйта. Эта статья содержитъ въ себѣ описаніе путешествія Непеи и его англійскихъ спутниковъ отъ Никольскаго монастыря въ Москву, также многихъ церемоніальныхъ прїемовъ и обѣдовъ у царя и поѣздки Беста въ богатую Троицко-Сергіеву Лавру; далѣе, заключенія о самомъ царѣ, объ обрядахъ освященія воды и въ вербное воскресенье въ Москвѣ, о крещеніи, бракѣ и погребеніи въ Россіи вообще, и наконецъ изображеніе артиллерійскихъ экзерцицій, которыя тогда каждый годъ бывали въ Москвѣ. Такъ какъ авторъ былъ неизвѣстенъ, то на эти свѣдѣнія мало обращали вниманія, и потому я сообщаю здѣсь нѣкоторыя въ извлеченіи. Слово: царь онъ пишетъ для своихъ соотечественниковъ: *Otesare*, и говоритъ: «это слово, по объясненію нынѣшнихъ толмачей его величества, значитъ: императоръ, и, стало быть, онъ называется нынѣ императоромъ и великимъ княземъ». Враги, которыхъ у него не мало, боятся его не меньше, чѣмъ жаворонки (*iarks*) сокола (*the hobbie, Falco subbuteo*)... Я думаю, въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ государя, котораго его подданные, дворянскаго и простаго сословія, боялись бы больше и вмѣстѣ съ тѣмъ больше любили... Онъ не очень любитъ соколиную и псовую охоту и другія забавы, ни инструменты или музыку; но находитъ для себя благороднѣйшее наслажденіе въ двухъ вещахъ: во первыхъ, въ богослуженіи — онъ, безспорно, очень усерденъ въ своей вѣрѣ — и во вторыхъ, какъ бы покорить и завоевать своихъ непріятелей». Такъ описывалъ Англичанинъ царя Іоанна Васильевича въ 1558 году. На стѣнахъ Троицкаго монастыря Бестъ нашелъ пушки (*it is walled about withe brick very strongly like a castle and much ordinance of brasse upon the walls of the same*), и въ десяти погребахъ огромныя бочки (*of an unmeasurable bigness and sise; they conteine six or seven*

tinne a piесе). Всякую зиму въ Москвѣ бывали пробы огне-стрѣльнаго оружія. Тяжелыя орудія привозили на назначенное къ тому мѣсто и стрѣляли въ деревянные дома, нарочно для того построенные и наполненные землею. Изъ ружей стрѣляли въ ледяныя глыбы въ шесть футовъ вышины и два фута толщины, которыя ставились въ рядъ длиною около четверти мили. При такихъ опытахъ стрѣльбы Бестъ, вѣроятно, со Стэндишемъ и другими прибывшими тогда въ Москву Англичанами, былъ 12 декабря 1557 г. Царь Іоаннъ Васильевичъ пріѣхалъ туда верхомъ. На головѣ у него была красная шапка, унизанная жемчугомъ и дорогими каменьями, платье было изъ матеріи съ роскошно-вытканными цвѣтами. Бояре и другіе дворяне, въ парчевыхъ одеждахъ, ѣхали впереди его по трое въ рядъ, а въ головѣ поѣзда шло пять тысячъ пищальниковъ, по пяти въ рядъ, каждый съ пищалью на лѣвомъ плечѣ и съ фителемъ въ правой рукѣ. Для пищальниковъ были построены прямо противъ ледяныхъ глыбъ, на разстояніи около 25 сажень, невысокіе подмостки, на которые они и помѣстились¹⁾. Когда царь занялъ назначенное ему мѣсто, пищальники начали стрѣлять въ ледъ и продолжали до тѣхъ поръ, пока глыбы не были совсѣмъ разбиты. Потомъ палили изъ мортиръ, затѣмъ изъ тяжелыхъ орудій разбивали дома ядрами. Начинали съ орудій меньшаго калибра и оканчивали самыми большими: это повторено трижды²⁾. Кстати замѣчу, что между первымъ и вторымъ пріѣздомъ Чанслера въ Москву от-

1) The Emperors Majestie and all his nobility came into the field on horsebacke, in most goodly order, having very fine Jennets and Turkie horses garnished' with gold and silver abundantly. The Emperors Majestie having on him a gowne of riche tissue, and a cape of skarlet on his head, set not only with pearles, but also with a great number of rich and costly stones. His noble men were all in gownes of cloth and gold which did ride before him in good order by three and three, and before them there went 5000 harquebusiers, which went by five and five in a rank in very good order, every (one) of them carying his gun upon his left shoulder, and his match in his right hand, and in this order they marched into the field where the ordinance was planted.

2) They have faire ordinance of brasse of all sorts, bases, faulcons, minions-sakers, culverings, cannons double and royall, basiliskes long and large, they have six great pieces whose shot is a yard of height, which shot a man may easily discern as they flee: they have also a great many of mortar pieces or potguns, out of which pieces they shoot wild fire.

лита здѣсь, въ сентябрѣ 1554 г., пушка, которая вѣсила 1,200 пудовъ и имѣла отверзтіе въ 15 вершковъ въ поперечникѣ. Въ вылитомъ на ней титулѣ царя Казань значитъ между Новгородомъ и Псковомъ. Другая пушка была только-что сдѣлана предъ вторымъ приѣздомъ Чанслера, именно въ сентябрѣ 1555 г. Вѣсу въ ней было 1,020 пудовъ; ея отверзтіе въ 14 вершковъ въ поперечникѣ. Въ царскомъ титулѣ на ней Астрахань стоитъ между Казанью и Псковомъ. Странно, что Чанслеръ рассказываетъ о завоеваніи Астрахани уже по возвращеніи своемъ въ Лондонъ изъ перваго путешествія въ Москву въ 1554 г. Эденъ, въ своемъ переводѣ «Декадъ» Петра Мартира, изданномъ 1555 г., говоритъ: «Въ бытность Ричарда Чанслера въ Москвѣ (1553—1554), царствующій нынѣ великій князь Джонъ Васильичъ покорилъ всѣхъ Татаръ съ ихъ странами и областями даже до великаго и торговаго города Астрахани и Каспійскаго моря». Чанслеръ разумѣлъ, должно быть, предварительное покореніе Астрахани въ 1552 году; о самомъ же взятіи города Астрахани Іоаннъ Васильевичъ получилъ извѣстіе лишь 29 августа 1554 г., а Чанслеръ былъ въ Москвѣ еще въ мартѣ, въ концѣ же августа, по всей вѣроятности, отплылъ уже изъ устья Двины въ Англію. Можно бы еще сослаться на то, что о Чанслерѣ нерѣдко говорятъ, будто онъ трижды приѣзжалъ въ Россію; это говорится даже въ царской грамотѣ 1570 г. Еслибъ онъ дѣйствительно отъѣзжалъ на короткое время въ Англію какъ-нибудь зимою 1555—1556 года, то все же книга Эдена тогда была уже напечатана.

Бестъ описываетъ царскую корону, которую ему показывали, вмѣстѣ съ другими драгоценностями и нарядами, предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы (14 апрѣля 1558 г.). «Корона его величества» — говоритъ онъ — «съуживается къ верху, весьма изящно сдѣланному (изъ золота), обильно украшена богатыми и дорогими камнями, между которыми одинъ есть рубинъ, утвержденный на ладонь выше маковки на тонкой проволоцѣ; онъ величиною съ хорошій бобъ; корона подбита прекраснымъ чернымъ соболемъ, стоящимъ, какъ говорятъ, сорокъ рублей». О царскомъ скипетрѣ Бестъ говоритъ: «скипетръ работы золотокованной, хорошо убранъ богатыми дра-

гоцѣнными каменьями.» Генрихъ Ленъ рассказываетъ, что одинъ Англичанинъ, ревностный патриотъ (a strong willing englishman) за интересы англійской компаніи, вызвался въ 1560 г. итти съ вышеупомянутыми русскими купцами (Шираемъ Костромицкимъ и др.) на законный кулачный поединокъ. Они отправили чрезъ нее въ Англію русскія произведенія и требовали за нихъ больше, чѣмъ приходилось имъ по счету, составленному агентомъ Леномъ. Вызовъ Беста не былъ принятъ русскими купцами и дѣло рѣшено потомъ жеребьемъ. У меня есть копія письма королевы Елизаветы отъ 21 апрѣля 1565 г. къ доктору Алберту Кнопперу, совѣтнику короля датскаго Фридриха II, которымъ она проситъ его, въ случаѣ нужды, оказать помощь Роберту Бесту и Вильяму Роулею, которые тогда были отправлены Россійскою компаніею въ Нарву съ грузомъ суконъ. Копію письма отъ 24 янв. 1571, привезеннаго Робертомъ Бестомъ, я нашелъ въ публичной библіотекѣ въ Кембриджѣ. Въ немъ Бестъ не названъ по имени. Королева говоритъ: *De his singulis caeterisque rebus serenitatem vestram magis certiozem facere poterit is qui has praefert* (объ этомъ и о прочемъ можетъ обстоятельнѣе доложить вашей свѣтлости податель сего письма). Въ письмѣ къ шведскому королю Іоанну, которымъ снабженъ былъ Бестъ, онъ не названъ по имени, но означенъ только словами: *praesens hic nuncius*. Впослѣдствіи, именно въ началѣ 1571 года, Бестъ былъ посланъ королевою Елизаветою съ письмомъ къ царю Іоанну Васильевичу, который, какъ увидимъ, тогда не очень былъ расположенъ къ королевѣ за то, что не получилъ отъ нея отвѣта на откровенныя объясненія, переданныя ей еще въ 1567 году чрезъ Дженкинсона. Негодуя на то, онъ отнялъ въ 1570 г. у англійской компаніи ея привилегіи. Объ этомъ тотчасъ дано извѣстіе въ лондонъ и директоры компаніи сдѣлали королевѣ представленіе, въ слѣдствіе чего Робертъ Бестъ немедленно долженъ былъ уѣхать изъ Россіи черезъ Швецію. Царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ королевѣ не раньше, какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пожара Москвы, изъ Александровской слободы въ августѣ 1571. Изъ этого письма видно между прочимъ, что онъ самъ говаривалъ съ Робертомъ (Бестомъ). Въ англійскомъ пере-

водѣ читается: having asked your ambassador Robert he hath spoken unto us by the same words that were wrytten in your letter and we have caused annswere to be gyven unto hym upon his talke accordinge, as we have wrytten unto you in our letter. Дальнѣйшія подробности будутъ на своемъ мѣстѣ.

Томасъ Гаутри былъ нѣкоторое время агентомъ компаніи въ Вологдѣ. Въ Англіи мнѣ случалось встрѣчать нѣкоторыя напоминанія объ немъ. Въ библіотекѣ Троицкой коллегіи (Trinity college) я нашелъ рукописную книжечку, принадлежавшую этому Гаутри въ Вологдѣ. Она содержитъ: 1) *Начало ученія дѣтямъ* и 2) *Nauka krótka ku czytaniu pisma polskiego*. Рукою Гаутри подписано: Thomas Hawthree of London mar channt of the Moscovia. Потомъ другою рукою: So sayeth the worthie merchant of the Winchcombe with the winching paunted spoons and brass cups. Это одна изъ книгъ, значащихся въ *Catalogus librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae* (1697) за № 626, подъ заглавіемъ: 3 Books in the Russian language. Между рукописями Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ я нашелъ книжку, подъ заглавіемъ: *Сказанія книгъ дѣяній апостольскихъ написана Лукою Евангелистомъ*. Здѣсь Гаутри подписалъ (разумѣется, по Англійски): *Эта книга стоитъ одинъ рубль одинъ алтынъ и двѣ денги*; *писана въ Холмогорахъ, переплетена въ Вологдѣ 7 ноября 1557 года*. Эта книжка подарена Оксфордской библіотекѣ лейбъ-медикомъ Елизаветы, докторомъ Лансело (Lancelot) Броуномъ. Въ упомянутомъ каталогѣ она стоитъ за № 2903, подъ заглавіемъ: *Liber lingua Russica seu Moscovitica MS*. Такъ какъ Гаутри вскорѣ послѣ 1557 года пріѣзжалъ въ Англію, то, вѣроятно, онъ въ то время оставилъ эти книжки своимъ друзьямъ и знакомымъ на память. Въ 1560 г. онъ опять пріѣхалъ въ Россію. Въ 1567 году онъ, вмѣстѣ съ Дженкинсономъ, скрѣпилъ своею подписью переводъ испрошенныхъ тогда привилегій, сдѣланный Раффомъ Рутгеромъ (Raffe Rutter); черезъ годъ послѣ того, въ 1568, онъ названъ въ письмѣ королевы Елизаветы къ царю отъ 16 сентября въ числѣ тѣхъ, которые отъ имени компаніи торгуютъ въ свою пользу. Въ томъ-же числѣ поименованъ и Николай Чанслеръ (единственный сынъ Ричарда Чанслера). Въ Ашмолевомъ музеѣ въ

Оксфордѣ я нашемъ еще нѣсколько замѣтокъ, писанныхъ въ Холмогорахъ, въ 1557 г. По разсказу Третьяка Афнутія Собоилова (Trytiak Afnuti of Soboylove), вода въ Переяславскомъ озерѣ 16 мая (1557) три раза прибывала, вслѣдствіе чего совершенъ былъ крестный ходъ и проч. 13 іюня въ Холмогорахъ при сильномъ жарѣ свирѣпствовала страшная буря. Она разразилась въ разныхъ мѣстахъ, произвела пожаръ и побила людей въ слободѣ и въ царскомъ насадѣ (in a posad of thempereors) и т. д. Я упоминаю объ этомъ потому, что случайно мы имѣемъ свѣдѣніе о состояніи погоды въ то-же самое время на 2° 34' дальше къ сѣверу, у восточнаго края лапландскаго берега, у Трехъ Острововъ. Стефенъ Борро, бывший тогда съ братомъ своимъ Вильямомъ въ экспедиціи для отысканія кораблей: *Confidentia*, *Esperanza* и *Philipp and Mary*, не пришедшихъ въ Англию, пишетъ въ своемъ журналѣ, что 10 іюня вечеромъ у мыса Орлова (который онъ называетъ *Sar Race*), при бурѣ съ сѣвера, послѣ сильнаго тумана сдѣлалось такъ холодно, что паруса и канаты обледенѣли, и слава Богу, что они могли добраться до Трехъ Острововъ, бывшихъ за двѣ мили отъ нихъ къ югу, и стали тамъ на якорѣ. Буря и холодъ были не только до 13 числа, въ которое въ Архангельскѣ былъ сильный зной, но продолжались до 16 іюня: по причинѣ накопившагося льда Борро нашелъ возможность отплыть только на слѣдующій день.

Извѣстно также имя Ричарда Джодда (*Judde*), вѣроятно, родственника серу Андрею Джодду, дѣятельному члену компаніи въ Лондонѣ.

Кромѣ поименованныхъ агентовъ, въ первый разъ уже съ Чанслеромъ пріѣхали въ Россію слѣдующія лица: а) Артуръ Эдуардсъ, купецъ, ѣздившій черезъ Россію въ Персію сперва въ 1565 г. съ Ричардомъ Джонсономъ и потомъ въ 1579; въ этомъ-же году онъ кончилъ свою жизнь въ Астрахани. б) Ричардъ Джонсонъ. Въ 1556 г. онъ совершилъ, говорятъ, поѣздку на Вайгачъ съ Борро. Въ началѣ 1557 онъ былъ у Самоѣдовъ, а въ началѣ 1558 въ Новгородѣ. Въ тотъ же годъ онъ ѣздилъ съ Дженкинсономъ въ Бухарію, а послѣ, въ 1565, былъ начальникомъ третьей экспедиціи въ Персію.

в) Джонъ Седжвикъ, закупавшій 1557—1558 лень и коноплю въ Новгородѣ. Онъ платилъ полтора рубля за берковецъ конопли, а за бѣлый лень — три рубля. Въ Вологдѣ конопля стоила два съ половиной — за берковецъ. г) Эдуардъ Прайсъ, если это имя то-же, что Пасси, какъ замѣчено выше (стр. 24, прим. 1).

Кромѣ Эдуарда Бонавентуры, былъ еще посланъ изъ Лондона корабль: «Филиппъ и Марія», подъ командою капитана Джона Гоулета (Howlet). На этомъ кораблѣ находился Джонъ Брукъ (Brooke), которому поручено было изслѣдовать, нельзя ли въ Вардэгусѣ основать пунктъ для англійской торговли. Прибылъ ли этотъ корабль въ устье Двины, нигдѣ определенно не говорится. А Эдуардъ вошелъ въ нее 23 июня. Его грузъ былъ перевезенъ на судахъ, нанятыхъ въ Холмогорахъ, въ Вологду, куда они прибыли 11 сентября. Часть Англичанъ должна была остановиться здѣсь, а Чанслеръ отправился въ Москву, куда и прибылъ 4 октября. Киллингвортъ пишетъ, что онъ, Чанслеръ, Ленъ, Прайсъ и Бестъ пріѣхали въ Москву въ одно время. Но Ленъ вмѣсто двухъ послѣднихъ называется Эдуардса. Я нашелъ еще письмо Гудсона отъ 7 ноября 1555 г. изъ Ярославля. Онъ пишетъ, что въ этотъ день было на рынкѣ до трехъ тысячъ осетровъ (sturgeons) и одного онъ купилъ за семь алтынъ. Въ Данцигѣ онъ платилъ за осетра худшаго качества девять марокъ: это былъ, конечно, *Acipenser Sturio Linn.*, а наши были большею частію, безъ сомнѣнія, *Acipenser Güldenstädtii Brandt.*

Дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый пригласилъ главныя лица къ себѣ на домъ, принялъ очень вѣжливо, спросилъ у нихъ королевскую грамоту для предварительнаго просмотра, назначилъ имъ помѣщеніе и содержаніе и исходатайствовалъ на 10 октября аудіенцію, на которой они поднесли царю письмо Филиппа и Маріи. Отправленные царю дары*) еще не были привезены и только объявлены. Отправка была поручена

*) Сахаръ и «Hollocke» (?). Послѣдняго впрочемъ не удалось привести въ Москву: сани, на которыхъ везли его, дорогою опрокинулись и бочка разбилась.

одному дворянину въ Вологдѣ (можетъ-быть Непѣѣ). Въ 1555 г. зима стала очень поздно; погода была такая теплая, какой не помнили самые долголѣвные старожилы. Потому дорога въ ноябрѣ была еще очень плоха и англійскіе товары должны были долго лежать въ Вологдѣ. Киллингвортъ пишетъ, что царь каждому изъ нихъ подавалъ руку, а по словамъ Лена, онъ допускалъ ихъ къ рукѣ. Послѣ аудіенціи Англичане приглашены были къ обѣду, на которомъ былъ митрополитъ Макарій. Ихъ называли «корабельными гостями» и посадили за столомъ насупротивъ царя, который потчивалъ ихъ разными кушаньями и напитками, называя каждого по имени (а не по фамиліи). Послѣ обѣда царь подозвалъ ихъ къ себѣ и угощалъ напитками. При этомъ случаѣ онъ любовался прекрасной, густой и окладистой бѣлокурой бородой Киллингворта, которая, по свидѣтельству Лена, была въ два фута и два дюйма длиною. Царь указалъ на нее митрополиту Макарію, и тотъ замѣтилъ, что это «Божій даръ». Въ наше время довольно странно слышать, что въ Москвѣ удивлялись бородѣ Англичанина. Герберштейна на аудіенціи въ 1527 г. великій князь Василій Іоанновичъ, обрившій себѣ бороду по вступленіи во второй бракъ, спросилъ: брилъ ли онъ когда-нибудь свою бороду. Герберштейнъ понялъ и тотчасъ отвѣтилъ: «брилъ».

О грамотѣ Филиппа и Маріи въ архивской лѣтописи говорится: «въ грамотахъ писалъ (цѣсарѣва Карлусова сынъ аглинскій Филипъ король и его королева Марія) ко царю и великому князю съ великою любовію и похвалою и царемъ его благочестивымъ нарѣчая во многихъ государствахъ и челомъ бьетъ испрошеніемъ о всякой добре». Царь хорошо принялъ эту грамоту, и Чанслеръ съ Килингвортомъ принялись обдумывать мѣры, чтобы утвердить англійскую торговлю въ Россіи на твердомъ основаніи и получить обширнѣйшія торговья привилегіи, въ чемъ имъ радушно содѣйствовали возведенный тогда въ окольничіе Алексѣй Ѳеодоровичъ Адашевъ и еще болѣе дьякъ Висковатый. У послѣдняго нерѣдко бывали для разсужденія объ этомъ дѣлѣ собранія, на которыхъ присутствовали и русскіе купцы. Найдено нужнымъ тотчасъ основать факторіи въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ.

Обыкновенно думаютъ, что царь Іоаннъ Васильевичъ, въ слѣдствіе ходатайства Чанслера и Киллингворта, въ 1555 и 1556 гг. подтвердилъ новымъ документомъ прежнія привилегіи Англичанъ на свободную торговлю безъ таможи и пошлинъ, и даровалъ многія личныя преимущества. Но положительнаго доказательства на это не имѣется. Я не могъ найти оригинала царской привилегіи 1555 или 1556 года. Что же выдаютъ за привилегію, дарованную лондонской компаніи въ 1555 г. и что въ такомъ значеніи выставлено у Гаклейта, то, очевидно, надобно считать только проектомъ или предложеніемъ, написаннымъ Англичанами. Дѣйствительно, въ письмѣ отъ 27 ноября 1555 г., отправленномъ при содѣйствіи Висковатаго чрезъ Данцигъ въ Лондонъ, Киллингвортъ говоритъ: «Итальянцы совѣтовали намъ остерегаться того, кому мы поручили сдѣлать копію съ привилегій, которыя мы желали бы имѣть, чтобы на русскомъ языкѣ не было написано иначе, чѣмъ у насъ. Такимъ образомъ сперва Русскій написалъ намъ сокращенное изложеніе для царя, въ которомъ было сказано, что мы желаемъ рѣшительныхъ привилегій; дьякъ, посмотрѣвъ это изложеніе, представилъ его царю, и когда мы опять явились къ нему, его величество (his grace) приказалъ намъ самимъ написать наши мысли, а онъ посмотритъ; такъ мы и сдѣлали. Но его величество такъ озабоченъ приготовленіями къ войнѣ, что мы не имѣемъ еще никакого отвѣта». Ниже онъ, намекая на привилегію, изъясняетъ только надежду скорѣ получить ее ¹⁾.

Преимущества, изложенныя въ запискѣ, почитаемой за официальную привилегію, значительны. О свободѣ торговли въ ней говорится: «Мы даруемъ полную волю и право производить всякаго рода торговлю свободно и покойно безъ всякаго стѣсненія, препятствія, пошлинъ, налоговъ, стѣснительныхъ формъ, и т. д. ²⁾».

1) If wee were dispatched heere of that we tary for, as I doubt not but we shalbe shortly (you know what I meane) then as soon as we have made sale, I doe intend to goe to Novogrode and to Plesko, whence all the great number of the best tow flaxe cometh и т. д.

2) Without any restraint, impeachment, price, exaction, prest, straight costume, toll, imposition or subsidie to be demanded, taxed or paid, or at any time hereafter to be demanded, taxed, set, levied or inferred upon them и т. д.

III. ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ АНГЛІЮ.

Третья экспедиція Англичанъ въ Россію и неудачная попытка на дальнѣйшее сѣверо-восточное плаваніе. — Русскій лоцманъ на англійскомъ суднѣ. — Возвращеніе англійскихъ кораблей изъ Бѣлаго моря и отправленіе дворянина Осипа Непѣи въ Лондонъ (1556). — Кораблекрушеніе у шотландскаго берега: гибель Чанслера и нѣкоторыхъ лицъ изъ свиты Непѣи. — Экспедиція Ст. Борро для развѣдокъ объ отплывшихъ корабляхъ. — Затруднительное положеніе Непѣи въ Шотландіи, и мѣры, принятыя англійскою королевою. — Встрѣча и пребываніе Непѣи въ Лондонѣ. — Приемъ при дворѣ. — Банкетъ, данный Россійскою компаніею въ честь Непѣи. — Грамота Филиппа и Маріи къ Іоанну В. — Возвращеніе Непѣи и прибытіе Дженкинсона съ мастеровыми и торговыми людьми (1557).

Согласно инструкціи, данной лондонскою компаніею, «Эдуардъ Бонавентура», подъ начальствомъ Джона Бокленда, возвратился въ Англію лѣтомъ 1555 года. Если прахъ Уилльби былъ перевезенъ на родину, то всего скорѣе это могло быть теперь. Въ слѣдующую весну, именно въ концѣ апрѣля 1556 г., этотъ корабль опять былъ отправленъ въ Россію, съ товарами и съ новымъ экипажемъ для кораблей Уилльби: «*Bona Ésperanza*» и «*Bona Confidentia*» (и опять на погибель!). Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ корабль «*Philipp and Mary*», въ прошломъ же году возвратившійся въ Англію. Тѣ два корабля, бывъ снабжены у о. Нокуева новымъ экипажемъ, приведены были къ устью Двины.

Джонъ Боклендъ былъ капитаномъ «Эдуарда», а Стефену Борро велѣно просто ѣхать съ нимъ до Вардэгуса. Оттуда «Эдуардъ» съ Боклендомъ долженъ былъ продолжать плаваніе, а Борро поручено, на данномъ ему для этой цѣли суднѣ (*Pinasse*), предпринять путешествіе на востокъ, для открытія путей, и достигнуть по крайней мѣрѣ Оби.

Въ этой экспедиціи, снаряженной Каботомъ совокупно съ обществомъ, теперь уже сформировавшимся и привилегированнымъ, Стефена Борро сопровождалъ младшій братъ его, Вильямъ, который участвовалъ уже въ экспедиціи 1553 года, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, и въ послѣдствіи также приобрѣлъ извѣстность въ Англійскомъ мореходствѣ, и какъ братъ его Стефенъ *).

Съ нимъ отправилось еще восемь особъ. Если въ числѣ ихъ былъ Ричардъ Джонсонъ, то надо полагать, что онъ возвратился въ Лондонъ зимою 1555 — 1556 г.

9 іюня Стефенъ Борро вошелъ на суднѣ Searchthrift не далеко въ Кольскій заливъ, который онъ называетъ рѣкою Колой. Здѣсь онъ починивалъ свое судно, а потомъ, и по уходѣ, принужденъ былъ противными вѣтрами опять воротиться туда

*) Прежде они писали свою фамилію: Aboough. Вильямъ привезъ къ намъ въ 1566 г. Дженкинсона (см. ниже). Съ ними же позднѣе прибылъ на Двину англійскій посланникъ Томасъ Рандольфъ съ своею многочисленною свитой. Я видѣлъ инструкцію, собственноручно написанную Вильямомъ Борро для Джемса Басендина (иначе Bassington), Джемса Вудкока (Woodkocke) и Ричарда Броуна, которымъ поручено было совершить въ 1569 г. путешествіе для розысковъ на востокъ отъ Печоры. Гаклейтъ ошибочно ставитъ подъ этой инструкціей 1 августа 1588: вмѣсто этого года долженъ стоять 1568. Въ 1570 году, какъ уже сказано выше, онъ велъ тринадцать купеческихъ кораблей въ Нарву и на пути взялъ нѣсколько корсарскихъ кораблей. Аделунгъ ошибочно говоритъ, что при этомъ былъ Христофоръ Годсдонъ. Въ 1574 и 1575 Вильямъ Борро былъ агентомъ компаніи въ Россіи. Онъ ѣздилъ отъ Никольской пристани въ Москву, отсюда въ Нарву, потомъ обратно къ Никольскому монастырю и составилъ карту Россіи, посвященную имъ кородеви Елизаветѣ. Въ посвященіи онъ говоритъ: «Каждое мѣсто поставлено въ настоящей долготѣ и широтѣ, какъ до-сихъ-поръ никто еще не дѣлалъ». Вильямъ Борро, бывавшій и во Франціи въ Рошелѣ, во многихъ случаяхъ давалъ совѣты Россійской компаніи, по ея желанію, на пр. 1576, о торговлѣ съ Нарвой и Колой, равно и съ другими мѣстами лапландскаго поморья, о наилучшемъ времени отправленія кораблей въ Никольскую пристань. Когда въ 1580 году Петъ и Джекманъ предприняли путешествіе въ Китай, онъ составилъ для нихъ инструкцію. Въ англійскомъ морскомъ управленіи онъ занималъ мѣсто контролера (Comptroller of the Navy). Сынъ Стефена Борро, Христофоръ ѣздилъ въ 1579 — 1581 гг. съ Артуромъ Эдуардсомъ и съ 21 другихъ лицъ черезъ Астрахань (гдѣ Эдуардъ умеръ) въ Персію. Въ 1584 онъ возвратился въ Англию. Въ 1587 г. къ его мнѣнію прибѣгала Muscovia Company во время раздоровъ между ея агентами.

и пробить до 22 іюня: въ это время вблизи его судна собралось множество людей, отпралявшихся на моржовый промысел и на ловъ лососей въ море противъ устья Печоры. Вмѣстѣ съ ними и онъ вышелъ изъ Кольскаго залива.

Путешествіе Борро на Вайгачъ *) довольно извѣстно и мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на его описаніи; но я не могу не замолвить слова въ оправданіе одного честнаго русскаго моряка того времени, на котораго недавно наведенъ ложный свѣтъ по ошибкѣ отъ недостаточнаго знанія русскаго языка, въ Эрмановомъ нѣмецкомъ переводѣ превосходной книги адмирала Литке. Въ числѣ мореходовъ, съ которыми Борро познакомился во время своей стоянки въ Кольскомъ заливѣ, былъ нѣкто, по имени Гаврила, изъ духовнаго званія, который, нанявшись къ нему въ лоцмана, по русскому добродушію, старался услуживать чужестранцу всѣми мѣрами, и дѣйствительно былъ для него существенно полезенъ. Борро говоритъ о нашемъ Гаврилѣ на многихъ страницахъ своего путевого журнала, воздавая ему полную справедливость. Адмиралъ Литке, совокупляя все это въ одинъ взглядъ, говоритъ: «Борро не могъ нахвалиться услужливостью сего Гаврилы». А въ переводѣ Эрмана вышло: «не могъ похвалиться (или точнѣе: «Борро не очень былъ доволенъ услужливостью Гаврилы» *hatte sich der Dienstfertigkeit dieses Gawrilo nicht sehr zu erfreuen*).

Побывавъ не только на Вайгачѣ, но достигнувъ даже береговъ Новой-Земли, Стефенъ Борро 22 августа принужденъ былъ отказаться итти далѣе и 11 сентября возвратился въ Холмогоры, откладывая попытку достигнуть Оби до весны 1557 года. Мы увидимъ, почему онъ не исполнилъ этого намѣренія.

Ричардъ Джонсонъ, который, какъ полагаютъ, соучествовалъ Борро въ этой экспедиціи, въ началѣ 1557 года былъ у Самоѣдовъ и впослѣдствіи описалъ мнимыя ихъ чародѣйства. Онъ сообщилъ также нѣкоторыя географическія свѣдѣнія: такъ

*) Онъ составилъ карту этого путешествія, которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла. Въ Англии я встрѣтилъ только бѣглый очеркъ положенія Вайгача наскоро набросанный его рукою, и не преминулъ скопировать его.

наприм. онъ говоритъ: «На востокѣ-сѣверовостокѣ Россіи лежитъ Лампожня, гдѣ Русскіе, Татары и Самоѣды сѣзжаются дважды въ годъ и промѣниваютъ товары на товары. Къ сѣверовостоку отъ Лампожни лежитъ страна Самоѣдовъ, по рѣкѣ Печорѣ. А къ сѣверовостоку отъ рѣки Печоры лежитъ Вайгачъ. Противъ Вайгача лежитъ страна, называемая Новою Землею, которая велика, но мы вовсе не видали народа, а видѣли бѣлыхъ лисицъ и бѣлыхъ медвѣдей: тамъ мы довольно потерпѣли». Изъ этихъ словъ видно, что онъ дѣйствительно былъ тамъ.

Въ іюлѣ 1556 года при устьѣ Двины стояли на якорѣ выше упомянутые нами четыре англійскіе корабля. Именно: Эдуардъ Бонавентура и *Philipp and Mary* только-что прибыли изъ Англіи, а *Bona Esperanza* и *Bona Confidentia* снабжены новой прислугою въ Нокуевскомъ заливѣ.

2 августа всѣ четыре корабля вмѣстѣ отплыли въ Англію. На Эдуардѣ Бонавентурѣ, подъ управленіемъ Джона Бокленда, находился, вмѣстѣ съ Ричардомъ Чанслеромъ и его сыномъ, вологодскій дворянинъ Осипъ Григорьевичъ Непѣя*), отправленный (въ первый разъ) посланникомъ отъ царя Іоанна Васильевича къ Филиппу и Маріи, со свитой изъ шестнадцати человѣкъ Русскихъ: царь отпустилъ его изъ Москвы еще 25 марта. Купеческій прикащикъ Робертъ Бестъ служилъ ему толмачомъ. На Эсперанцѣ ѣхали два холмогорскіе купца, вышеупомянутый градской голова Фофанъ Макаровъ и Михаилъ Григорьевъ съ восемью Русскихъ, чтобы завести прямыя торговыя связи съ Англіей. На Эдуардѣ Бонавентурѣ было нагружено русскихъ товаровъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ Непѣѣ и помянутымъ двумъ холмогорскимъ купцамъ, на двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, на Эсперанцѣ — на шесть тысячъ. Какъ Эсперанца, такъ и Конфиденція и *Philipp and Mary* были въ Сѣверномъ морѣ прибиты бурей къ Норвежскому берегу у Дронтгейма. Тамъ Конфиденція, на кото-

*) А не Неѣловъ, какъ пишетъ Полевой. Онъ избранъ былъ въ посольство, вѣроятно, потому, что въ Вологдѣ предположено было основать англійскій торговый домъ.

рой въ 1553—1554 погибъ весь экипажъ отъ холода, разбилась о камень и погибла со всѣмъ грузомъ и экипажемъ. Объ Эсперанцѣ, на которой Ю Уилльби погибъ съ своими спутниками, а теперь плыло десять человѣкъ Русскихъ, кромѣ четырнадцати Англичанъ, никогда не могли узнать, гдѣ этотъ корабль, по уходѣ изъ Дронтегеймскаго Фіорда, потерпѣлъ кораблекрушеніе, и мы не можемъ даже приблизительно указать мѣсто, гдѣ поглощены были океаномъ русскіе купцы, въ первый разъ хотѣвшіе побывать въ Лондонѣ.

Эдуардъ Бонавентура, послѣ долгаго странствованія по прихоти вѣтровъ, былъ наконецъ прибитъ къ шотландскому берегу и 10 ноября бросилъ якорь въ бухтѣ при Питслиго у сѣвернаго берега Эбердиншира. Ночью якорь не выдержалъ и корабль разбился, при чемъ Ричардъ Чанслеръ съ своимъ сыномъ и семью Русскими изъ свиты Непѣи, пустившіеся къ берегу на ботѣ, потонули; но посланникъ какимъ-то чудомъ спасся. Капитанъ корабля, Джонъ Боклендъ, равно и Робертъ Бестъ, толмачъ Непѣи, также избѣжали гибели. Почти весь грузъ, въ томъ числѣ и подарки царя королю и королевѣ — прекрасный соколъ съ охотничьими снарядами и дорогой мѣхъ — погибли; всего же болѣе достойна сожалѣнія утрата свѣдѣній, которыя Чанслеръ и его спутники собрали о нашемъ отечествѣ съ іюня 1555 до августа 1556 года.

Такъ кончили свое поприще первые три корабля, посланные въ 1553 г. изъ Англіи: два изъ нихъ, на которыхъ весь экипажъ погибъ отъ холода въ Нокуевской Губѣ, были поглощены океаномъ; съ третьяго едва спаслась только часть людей. Корабли, вмерзавшіе зимою, вѣроятно, сильно страдали отъ того, что ихъ не очищали отъ льда. По предложенію Кабота передъ отъѣздомъ, ихъ обшили свинцомъ, чтобы предотвратить вредное дѣйствіе морской воды. Это были первые корабли, обшитые такимъ образомъ въ Англіи; но въ Испаніи это дѣлалось уже прежде.

Philipp and Mary зимовалъ въ гавани у Дронтегейма. Онъ прибылъ въ Темзу 18 апрѣля 1557 года, когда его считали давно погибшимъ.

Въ декабрѣ 1556 года о судьбѣ Эдуарда Бонавентуры

дано знать въ Лондонъ черезъ письма; но о трехъ другихъ корабляхъ, вышедшихъ изъ устья Двины 2 августа, не было никакихъ слуховъ. Объ этомъ, вѣроятно, дано было знать зимою въ Холмогоры, вслѣдствіе чего Стефенъ Борро весною 1557 года пустился на поиски ихъ по берегамъ Лапландіи, и вотъ почему не состоялась вторая его экспедиція за Новую Землю къ рѣкѣ Оби.

Надобно замѣтить, что эти поиски отнюдь не были возложены на Стефена Борро изъ Лондона. Напротивъ того, директоры компаніи писали въ маѣ 1557 года, чтобы онъ во всякомъ случаѣ предпринялъ плаваніе къ Оби. «Мы узнали» — говорится въ этомъ письмѣ — «что Стефенъ Борро воротился съ Searchthrift изъ своего путешествія для открытій, и зимуетъ въ Холмогорахъ, намѣреваясь въ будущемъ іюнѣ отплыть для поисковъ рѣки Оби. Молимъ Бога о помощи ему и надѣемся имѣть отъ него въ этотъ годъ добрыя вѣсти... Желаемъ, чтобы Стефенъ Борро продолжалъ свое путешествіе для открытій.» Но, послѣ прошлогодняго опыта, Борро какъ будто потерялъ охоту еще разъ отважиться на восточное путешествіе. Въ 1560 году онъ управлялъ однимъ изъ трехъ кораблей (по имени Swallow), отправленныхъ на Двину изъ Темзы. Артуръ Петъ былъ тогда капитаномъ корабля Jesus. При этомъ случаѣ прибылъ въ Россію Николай Чанслеръ, единственный сынъ погибшаго Ричарда Чанслера. - О плаваніи Борро на Двину въ 1569 г. было уже упомянуто. Въ Англіи онъ былъ однимъ изъ надзирателей надъ кораблями въ Medway Water, гдѣ въ числѣ другихъ мѣстностей находится Чатамъ.

23 мая 1557 года, Стефенъ Борро, опять въ сопровожденіи своего брата Вильяма, вышелъ на суднѣ Searchthrift изъ Холмогоръ въ море, плылъ отъ Святаго Носа близъ лапландскихъ береговъ и 28 іюня достигъ Вардегусской бухты, не выдавъ никакого слѣда отыскиваемыхъ кораблей и не получивъ никакого объ нихъ слуха. На возвратномъ пути сильный противный вѣтеръ принудилъ его зайти въ заливъ у западной оконечности полуострова Рыбачьяго. Здѣсь нашелъ онъ судно изъ Дронтгейма и узналъ отъ его владѣльца, сына тамошняго бургомистра, о несчастіи, постигшемъ корабль Vona Confidentia. На

этомъ суднѣ были паруса, выброшенные съ мачтою на берегъ въ Дронтгеймскомъ Фіордѣ. Ему сказали еще, что Philipprand Maqu зимоваль у Дронтгейма и въ мартѣ отправился въ Англию, куда и прибылъ, какъ мы видѣли, благополучно (18 апрѣля).

Непѣя, послѣ кораблекрушенія въ Шотландіи, долженъ былъ бороться съ большими непріятностями. Толмачъ его, Бестъ, конечно, былъ ему весьма полезенъ. Когда 3 декабря извѣстіе о бѣдствіи корабля получено было компаніей, объ этомъ донесено было королевѣ Маріи. Королева (ея супругъ былъ тогда въ отъѣздѣ на материкъ) писала ко вдовствующей шотландской королевѣ Маріи, матери Маріи Стюартъ, и просила ее оказать помощь Непѣѣ и его спутникамъ. Для той же цѣли отправлены были изъ Лондона докторъ правъ Лоренсъ Госси (Hussie) и Джорджъ Джильпинъ съ толмачемъ (Talmatsch or Speechman). Эти лица встрѣтили Непѣю 23 декабря уже въ Эдинбургѣ, гдѣ и представили письмо своей королевы правительницѣ Шотландіи. Послѣдняя приказала отправить герольда съ нѣсколькими комиссарами на бухту Питслиго, чтобы сберець выкидываемыя водою вещи съ корабля отъ расхищенія. Но эта помощь явилась поздно: спасены лишь бездѣлицы; цѣнныя же вещи пропали. Непѣя, въ сопровожденіи двухъ помянутыхъ лондонскихъ господъ, отправился 14 февраля 1557 года изъ Эдинбурга; 18 февраля вступилъ онъ на англійскую почву у Бервика на Твидѣ и здѣсь былъ встрѣченъ лордомъ Томасомъ Уартономъ (Wharton), командиромъ (Warden) восточной части шотландскихъ границъ. 27 февраля въ двѣнадцати миляхъ отъ Лондона онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ осьмнадцатью купцами, выѣхавшими верхомъ, которые проводили его въ домъ одного изъ нихъ, находившійся въ четырехъ миляхъ отъ Лондона, гдѣ Непѣя, принявъ разные подарки, поднесенные ему, переночеваль. 28 февраля его встрѣтили, при Эйлингтонѣ, лордъ-виконтъ Монтегю съ лордомъ-маіоромъ и двумя альдерменами въ красномъ платьѣ и въ сопровожденіи ста сорока человѣкъ членовъ Россійской компаніи и многочисленной прислуги, и привѣтствовалъ его отъ имени королевы, сопровождали до Лондона. Дорогой, для его развлечения, импровизированъ былъ провожавшими родъ охо-

ты на лисицъ. Отъ заставы Сити (на сѣверной сторонѣ отъ Смитфильда) виконтъ Монтегю и лордъ-маіоръ Томасъ Офлей (Offley) ѣхали по обѣ стороны Непѣи до дома купца Джона Диммока на улицѣ Фенчорчъ (Fenchurch), назначеннаго ему для жительства.

Англійскіе историки пишутъ, что Непѣя жилъ въ Denmarkhouse. Но такого дома не было. Я полагаю, что Denmark есть ошибочное чтеніе слова Dimmock. Джонъ Диммокъ, родомъ изъ Нижней Германіи, принадлежалъ въ Лондонѣ къ гильдіи суконныхъ торговцевъ. Въ царствованіе Генриха VIII и Эдуарда VI онъ исполнялъ разныя порученія правительства на материкѣ Европы. Я видѣлъ письмо къ нему отъ его брата изъ Антверпена отъ 16 марта 1538 года, въ которомъ говорится о покупкѣ пороха и тогдашнихъ ружей, называемыхъ halfe huckboshes (пищали). Въ 1548 году, вмѣстѣ съ посланникомъ Филиппомъ Гобби, тайно производилъ онъ въ Фрисландіи наборъ двухъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, которыхъ предполагали употребить противъ Шотландіи: за годъ до того было уже двѣ тысячи человѣкъ завербовано. Онъ любилъ услуживать иностраннымъ посланникамъ въ Лондонѣ. Въ январѣ 1561 г. онъ предпринялъ, съ разрѣшенія королевы Елизаветы, путешествіе въ Швецію для продажи королю Эриху VIII нѣкоторыхъ драгоценностей. При этомъ случаѣ онъ имѣлъ смѣлость представить королю возможность снова искать руки королевы Елизаветы, хотя объ этомъ прекращены уже были всѣ переговоры. Онъ велѣлъ художнику, котораго привезъ съ собою, написать портретъ короля и внушилъ королю послать королевѣ подарки. Елизавета, узнавъ объ этомъ отъ шведскаго посланника Діонисія Беуррѣуса, велѣла Диммока, тотчасъ по возвращеніи его, посадить подъ арестъ, и 22 іюня 1561 г. писала Эриху, что она не давала никакихъ порученій Диммоку. Отсюда объясняется, почему Сесиль поручилъ 21 іюля того же года лорду-маіору Лондона уничтожить всѣ картины въ книгахъ, которыя представляютъ портреты Елизаветы и Эриха. Въ декабрѣ 1565 г. Елизавета еще разъ писала къ Эриху, чтобы онъ повелѣлъ заплатить сумму, причитающуюся за нѣкоторыя вещи, Диммоку, который сидѣлъ тогда въ долговой тюрьмѣ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Филиппа изъ Фландріи (бывшемъ отнюдь не 20 мая, какъ пишутъ во многихъ книгахъ, между прочимъ и въ *L'art vérifier les dates etc.*), именно 25 марта, Непѣя былъ приглашенъ въ Вестминстерскій дворецъ. Лордъ Монтегю проводилъ его по Темзѣ на красивомъ яликѣ до Вестминстерской набережной лѣсницы, гдѣ послѣ построенъ былъ мостъ. Здѣсь встрѣтили его шесть лордовъ и привели въ парадныя залы, гдѣ его, до принятія въ королевской аудіенцъ-залѣ, должны были занимать первые сановники королевства. Это были государственный канцлеръ архіепископъ іоркскій Николай Гетъ (Heath), государственный казначей маркизъ Вильямъ Паулетъ, хранитель королевской печати баронъ Вильямъ Педжетъ, великій адмиралъ баронъ эффингемскій Вильямъ Говардъ и епископъ элійскій Томасъ Тирльби (Thirleby). На аудіенціи Непѣя поднесъ королю и королевѣ грамоту царя Іоанна Васильевича, сказалъ краткую рѣчь, которая была повторена по-англійски (можетъ быть, Робертомъ Бестомъ) и по-испански, и представилъ два сѣрока собольихъ мѣховъ (привезенныхъ, можетъ быть, Чанслеромъ въ 1554 г.). По окончаніи аудіенціи, Непѣя тѣмъ же путемъ возвратился въ Сити.

Не смотря на всѣ поиски, я не могъ найти этой грамоты ни въ оригиналѣ, ни въ спискѣ или въ переводѣ. Въ отвѣтѣ Филиппа и Маріи, писанномъ на латинскомъ языкѣ секретаремъ по этому языку, Роджеромъ Эшемомъ (Asham), сказано, что грамота царя исполнена увѣреній въ дружествѣ. «Мы получили письмо ваше, исполненное любви и дружбы, привезенное достолюбезнымъ мужемъ Осипомъ Непѣею... Мы увидѣли изъ вашего письма, что вы даровали нашимъ купцамъ и другимъ нашимъ англійскимъ подданнымъ, производящимъ торговлю въ какой-либо части вашихъ владѣній, привилегіи, льготы и обезпеченія» *).

*) *Accipimus litteras vestras, amoris et amicitie plenas per dilectum virum (а не vestrum, какъ написалъ переписчикъ для А. Тургенева) nuntium et legatum Osiph Neream (а не Erea, какъ стоитъ въ томъ же спискѣ) ad nos delatas... Intelligimus... ex litteris vestris... vos de vestra liberalitate varia privilegia, libertates et munitates mercatoribus nostris et aliis etiam nostri Anglie subditis qui in aliqua ditionis Vestre parte mercaturam exercent dedisse et concessisse.*

Черезъ два дня послѣ аудіенціи, Непѣю посѣтили въ его квартирѣ Томасъ Тирльби и первый секретарь ихъ величествъ Вильямъ Петеръ, чтобы переговорить о дѣлѣ. Эти два лица разумѣются въ письмѣ къ царю, тамъ, гдѣ говорится о совѣтникахъ: *Fecimus ut que ab illo (Nepesa) vestro nomine proponerentur, per certos nostros consiliarios quibus negotium ut cum illo tractarent prolixè et diligenter perpenderentur.* 23 апрѣля Непея имѣлъ прощальную аудіенцію, на которую онъ введенъ былъ графомъ шрюберійскимъ Тальботомъ и лордомъ Ломлеемъ. Послѣ того онъ былъ еще въ присутствіи ихъ величествъ и въ сопровожденіи герцога норфолькскаго, Томаса Говарда, равно и помянутыхъ, на праздникъ ордена Подвязки. 29 того же апрѣля члены Россійской компаніи дали ему балъ въ залахъ гильдіи суконщиковъ (*Drapers-Hall*), въ Трогмортонной улицѣ (*a notable supper, garnished with musicke, enterludes and bankets*). Когда пили за здоровье Непѣи, ему было объявлено, что компанія принимаетъ на себя всѣ издержки его пути и пребыванія въ Шотландіи и Англии. Современникъ, описавшій то, что сдѣлано Россійскою компаніею для Непѣи, прибавляетъ: «ничего подобнаго не бывало въ прежнія времена, ни въ исторіи».

1 мая Томасъ Тирльби и Вильямъ Петеръ принесли Непеѣ грамоту короля и королевы къ царю Иоанну, и назначенные ему, равно и самому Непѣѣ, подарки. Она, какъ я сказала, писана на латинскомъ языкѣ и сочинена Роджеромъ Эшемомъ. Въ ней говорится: «Надѣмся, что основаніе взаимной дружбы, хорошо и счастливо положенное и утвержденное такимъ образомъ, принесетъ великіе и обильные плоды, какъ братской нашей и нашихъ преемниковъ любви и крѣпкой дружбы, такъ и связи непрерывною между нашими подданными торговлею. И съ великою надеждою полагаемъ, что какъ Богъ по безпредѣльной своей благости и милости открылъ въ наши времена этотъ морской путь и прежде неизвѣстное плаваніе, такъ и на будущее время онъ обратитъ этотъ путь и будетъ споспѣшествовать ему въ честь и славу своего имени, къ возрастанію христіанской католической церкви, къ общественной пользѣ и во благо подданныхъ обѣихъ сторонъ и государствъ... И какъ по-

сланникъ вашъ Осипъ Непѣя, ведшій себя у насъ въ своемъ посольствѣ разумно и разсудительно, уже рѣшился возвратиться къ вамъ, то онъ можетъ отлично изложить самъ и, надѣмся, подробно изложить, съ какимъ расположеніемъ пребываемъ мы въ этой новой открытой связи между нашими и вашими подданными и между областями и городами обоихъ государствъ»¹⁾.

Кромѣ разныхъ матерій и суконъ, царю были подарены превосходныя латы съ шишакомъ, обложеннымъ кармазиннымъ бархатомъ и позолоченными иглами (a notable pair of Brigandines with a Murrion covered with crimson velvet and gilt nailes). Еще отправлена была чета живыхъ львовъ.

Впрочемъ, подъ конецъ пребыванія Непѣи въ Лондонѣ, члены Россійской компаніи были имъ не совсѣмъ довольны. Въ припискѣ отъ 10 мая 1557 года къ письму, отправленному къ своимъ московскимъ агентамъ уже раньше, они говорятъ: «Теперь мы находимъ посланника уже не такъ доступнымъ убѣжденію, какъ надѣялись прежде. Онъ очень недовѣрчивъ и думаетъ, что каждый хочетъ обмануть его. Потому вы должны внимательно обдумать, какъ намъ поступать съ нимъ или съ кѣмъ-либо другимъ подобнымъ и дѣлать торговыя условія чисто, записывая ихъ на бумагу».

3 мая Непѣя выѣхалъ изъ Лондона въ Гревзендъ, чтобы оттуда отплыть въ Россію на кораблѣ Primerose²⁾.

1) Speramus hoc fundamentum mutue amicitie hoc modo bene et feliciter jactum et stabilitum magnos et uberes fructus tum fraterni inter nos et successores nostros amoris et amicitie firme tum perpetui inter subditos nostros commercii coniunctionem allaturum. Et in magnam spem adducimus fore ut sicut Deus ex sua infinita bonitate et favore nostris temporibus hanc mari viam et navigationem antea incognitam aperuit sic etiam imposterum in suum honorem et gloriam ad incrementum christiane et catholice Religionis, ad publicum commodum et utriusque partis subditorum et regnorum bonum sit eam conservaturus et prosperaturus.—Et aquoniam vester legatus Osiph Nepea, qui se hic apud nos in sua legatione prudenter et considerate gessit, jam ad vos redire instituit, qui optime exponere potest, et ut speramus prolixè vobis exponet, quo animo sumus erga hoc commercium nuper inter nostros vestrosque subditos et utriusque ditionis regna et urbes repertum.

2) Это былъ одинъ изъ трехъ кораблей, о спускѣ которыхъ король Эдуардъ VI, во время пребыванія въ Детфордѣ, упомянулъ въ своемъ дневникѣ подъ 6 іюля 1551. 12 августа 1553 г. Праймрозъ отплылъ вмѣстѣ съ кораблемъ

Вмѣстѣ съ Непѣей ѣхали въ Россію изъ Англіи ловкій и дѣятельный агентъ, извѣстный Антоній Дженкинсонъ, который и послѣ пріѣзжалъ къ намъ нѣсколько разъ. Робертъ Бестъ опять былъ толмачемъ. Ёхалъ также врачъ (докторъ Стэндишъ), аптекарь и нѣсколько разныхъ ремесленниковъ. Два бочара должны были готовить бочки для отправки въ Англію ворвани, сала и другихъ предметовъ. Въ числѣ спасенныхъ съ Эдуарда Бонавентуры вещей, привезенныхъ въ Лондонъ 10 мая 1557 года, были русскія бочки: эти бочки оказались лучше англійскихъ, которыхъ также отправлено было 140 штукъ, частью въ доскахъ, съ отплывавшими кораблями на Двину. Эта отправка сдѣлана была изъ предосторожности: директоры компаніи, какъ писали они, не знали навѣрное, есть ли въ Россіи достаточное количество лѣсу, годнаго для бочекъ!

Семь мастеровъ канатнаго и веревочнаго дѣла (главный назывался Робертъ Бонтингъ, Bunting) присланы были для заведенія канатнаго двора, и выдѣлыванія всякаго рода канатовъ и веревокъ, для отвоза въ Англію, гдѣ они были тогда въ высокой цѣнѣ. Пріѣхали также скорнякъ Аллардъ, для сортированія пушнаго товара, и нѣкто Леонардъ Бріанъ, чтобы развѣдать, есть ли въ «Перміи или Печорѣ» тису (Taxus baccata), годный для вывоза въ Англію. Объ этомъ директоры Россійской компаніи писали: «Мы слышали, что въ странѣ Перміи или около Печоры множество тису, равно и въ странѣ Угорской: желательно бы развѣдать объ этомъ, потому что этотъ родъ дерева особенно нуженъ для нашего государства. Для этого мы посылаемъ къ вамъ молодаго человѣка, по имени Леонарда Бріана, который имѣетъ нѣкоторыя познанія въ лѣсномъ товарѣ, чтобы онъ показалъ вамъ, какъ рубить и колоть этотъ лѣсъ. Такимъ образомъ наше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вы, если есть тамъ запасъ и если онъ окажется хорошимъ,

Леон и пинкою (Pinasse) Мон изъ Портсмута въ Гвинею. Эта экспедиція была снаряжена Барнсомъ и Гарретомъ вскорѣ послѣ китайской экспедиціи, которая достигла нашихъ береговъ. Оба корабля даны были королемъ. Странно, что эту экспедицію, не достигшую своей цѣли по неисправности капитана Уайндгема (Wyndham), не разъ смѣшивали, и смѣшиваютъ даже Страйпъ (Strype) и Камбель, съ путешествіемъ Уилльби.

заготовили хорошее количество на будущій годъ къ пріѣзду нашихъ кораблей. Пусть одинъ изъ бочаровъ поѣдетъ съ Брианомъ рубить и колоть тисъ, какъ ему тамъ будетъ угодно». Листья русской пихты (*Abies sibirica*) такъ похожи на тисовые, что ее называли *Yew-leaved Fir*. Замѣчу кстати, что во время третьей экспедиціи въ Персію (1565—1567) Англичане много видѣли тису у Шамахи, гдѣ изъ нея дѣлали луки. Артуръ Эдуардсъ писалъ объ этомъ отъ 26 апрѣля 1565 г. въ Лондонъ: «Должно вамъ знать, что здѣсь множество тису для обручей. Я велѣлъ купить три воза, чтобы дознаться правды; но деревья были срублены въ текущемъ апрѣлѣ, когда въ нихъ былъ сокъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я не упускалъ говорить тамошнимъ жителямъ, чтобы они навезли мнѣ этого дерева. Вашъ агентъ пошлетъ вамъ его для образчика». Такъ какъ на глубокомъ сѣверѣ тисъ не растетъ, то надобно полагать, что за тисъ принялъ кто-нибудь пихту (*Abies sibirica Ledeb.*), дерево однородное съ елью (*Pinus піcea*) и похожее листьями на тисъ. Эту ошибку, можетъ быть, надобно приписать нашему Непѣѣ, который могъ видѣть тисъ въ Англии зимою и слѣдовательно безъ плода, и зная русскую пихту, сказалъ, что такое дерево растетъ въ Россіи.

На помянутыхъ корабляхъ въ Россію отправлено было также десять человекъ молодыхъ людей для изученія торговли. Въ числѣ ихъ находился Томасъ Алькокъ (*Alcock*), котораго уже зимою отправили обратно въ Англію чрезъ Смоленскъ и Данцигъ; но онъ задержанъ былъ въ Польшѣ. Тамъ онъ объявилъ, что посланъ въ Лондонъ съ порученіемъ снарядить въ будущую весну 1558 г. корабль, чтобы еще разъ попытаться найти дорогу въ Китай, и какъ зима тепла, то на сѣверномъ морѣ будетъ меньше пловучихъ льдовъ, и потому можно ожидать хорошаго результата. Въ упрекъ ему говорили, что Англичане возятъ въ Россію много военныхъ снарядовъ (*thousands of ordinance, as also of harneis, swordes, with other munitions of warre, artificers, copper etc*). Онъ отвѣчалъ, что Англичане привезли въ Россію только сотню старыхъ панцирей, кое-какъ исправленныхъ (*such olde thinges newe scowred as no man in Englande woulde weare*). У Алькока было сорокъ алтынъ рус-

скою монетою, которыхъ большую половину послали съ нимъ изъ Москвы Англичане для передачи на память своимъ родственникамъ; а онъ пишетъ, что эти монеты у него отняты. Подумаешь, что алтыны были биты уже въ 1557 г., между тѣмъ, сколько я знаю, ни въ одномъ собраніи нѣтъ ни одного алтына того времени. Вышеупомянутый агентъ Ричардъ Грей послалъ своей женѣ и дочери двѣ болгарскія монеты. Отъ 26 декабря 1558 королева Елизавета писала объ Алькокѣ къ польскому королю Сигизмунду, равно и къ его намѣстнику въ Литвѣ и къ виленскому губернатору, и просила ихъ отпустить Алькока. Въ январѣ 1560 онъ, по дорогѣ въ Россію, находился въ Стокгольмѣ: ѣхать черезъ Польшу ему было не дозволено.

Вмѣстѣ съ Непѣей возвратились въ отечество и тѣ изъ русскихъ его спутниковъ, которымъ удалось спастись отъ кораблекрушенія у береговъ Шотландіи. Ихъ уцѣлѣло девять человекъ, и намъ остались слѣдующія имена ихъ: Исакъ Ивашенко (Iwesscheneke), Дмитрій, Ермолай (Gorbolones), Семень, Ерофей, Степанъ, Лука, Андрей и Фома.

Не смотря на испытанное въ послѣднюю поѣздку кораблекрушеніе, Джонъ Боклендъ не побоялся взять въ свое распоряженіе корабль *Primgose*, на которомъ отправлялись Непѣя и Дженкинсонъ. Въ продолженіе этого плаванія, *Primgose* былъ адмиральскимъ кораблемъ и Дженкинсонъ считался на немъ капитаномъ; кромѣ того онъ носилъ титулъ *Captaine general of the flote*. Кромѣ этого корабля, тогда же отплыли къ намъ еще три: *John Evangelist*, *Anna* и *Trinitie*, подъ начальствомъ Лауренса Роундаля (*Roundall*), Давида Филли (*Philly*) и Джона Робинса. О товарахъ, привезенныхъ этими кораблями, я уже говорилъ. При самомъ началѣ плаванія *Primgose* едва не погибъ. Опасались также неприятностей въ Вардэгусѣ. Потому для Непѣи была не малая радость, когда онъ ступилъ наконецъ на твердую землю у монастыря Св. Николая: это было 12 іюля. Онъ пробылъ тамъ съ другими, прибывшими изъ Англій, недѣлю. Потомъ всѣ они, исключая Дженкинсона, отправились въ путь въ Москву, куда прибыли 12 сентября, и 14 имѣли аудіенцію, на которой цѣловали у царя правую руку; а послѣ приглашены были къ обѣду.

Черезъ два дня царь прислалъ доктору Стэндишу и прочимъ новоприбывшимъ англичанамъ по лошади для ѣзды по городу. 18 сентября Стэндишъ получилъ соболемъ шубу. 1 октября онъ опять обѣдалъ у царя; 11-го получилъ 70 рублей, а аптекарь и прочіе по 30. 3 ноября, потомъ 6 и 25 декабря 1557 и 6 января 1558 онъ опять обѣдалъ у царя.

IV. ПОПЫТКИ АНГЛИЧАНЪ — ИЗЪ РОССІИ ПРОНИКНУТЬ НА ВОСТОКЪ СУХИМЪ ПУТЕМЪ, ПРИ СОДѢЙСТВІИ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Путевыя замѣтки Дженкинсона и прибытіе его въ Москву въ 1557 г. — Неудачная экспедиція проникнуть въ Китай чрезъ Бухарію 1558. — Возвращеніе Дженкинсона въ Москву (1559) и въ Лондонъ (1560). — Вторичный пріѣздъ его въ Москву (1561) и экспедиція въ Персію 1562—1563. — Третій пріѣздъ Дженкинсона въ Москву 1566, для противодѣйствія Рафаэлю Барберини, агенту антверпенскихъ купцовъ. — Свѣдѣнія о Барберини и его «Записка о Московіи». — Условія союзнаго договора съ Англіей, предложенныя царемъ Іоанномъ В. — Привилегія, данная царемъ лондонской компаніи на торговлю въ Россіи 1567.

Дженкинсонъ, отправивъ корабли изъ устья Двины обратно въ Англію 1 августа, 3 числа этого мѣсяца пріѣхалъ въ Холмогоры, отсюда отплылъ на небольшомъ ботѣ вверхъ по Двинѣ, и въ тотъ-же день сдѣлалъ замѣтку объ алебастровыхъ горахъ при впаденіи Пинеги и о сосновыхъ деревьяхъ, лежащихъ тамъ на землѣ съ незапамятныхъ временъ (pine apple trees lying along within the ground, which by report have lien since Noes flood). Между Пинегой и Емцомъ, видѣлъ онъ дехтярное и смоляное производства и выдѣлку поташа. При Тотмѣ и Сухонѣ онъ описываетъ трудность плаванія на насадахъ и дощаникахъ, которые употреблялись для перевозки соли отъ мѣста выварки на берегу моря въ Вологду. На пути изъ Холмогоръ до Вологды не заходилъ онъ ни въ одинъ домъ: топоръ, кремень съ огнивомъ и кстель были при немъ неразлучно. 1 декабря онъ отправился изъ Вологды на саняхъ, чрезъ Ярославль, Ростовъ и Переяславль въ Москву, и прибылъ туда 6

декабря. Въ этотъ праздникъ было уже поздно представляться ко двору: онъ имѣлъ аудіенцію въ Рождество Христово и обѣдалъ у царя. Изъ его записокъ не видно, чтобы на этомъ обѣдѣ были другія лица, прибывшія изъ Англіи. 6 января (1558) онъ въ русскомъ платьѣ былъ на освященіи воды: царь узналъ его и опять пригласилъ къ себѣ обѣдать. Во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ (12 апрѣля) онъ опять обѣдалъ у царя вмѣстѣ съ Ричардомъ Греемъ и, вѣроятно, съ Робертомъ Бестомъ и док. Стэндишемъ. Послѣ обѣда испросилъ онъ соизволеніе царя на предположенную имъ экспедицію въ Китай, которая, впрочемъ, окончилась Бухаріей.

Цѣлью его отправленія въ Россію была именно эта экспедиція. Когда попытка Борро проникнуть моремъ какъ можно дальше на востокъ осталась безъ успѣха, стали думать, нельзя ли достигнуть Китая сухимъ путемъ и именно чрезъ Бухарію? На западъ доходили слухи, что изъ Китая ходятъ въ Бухарію караваны.

Выборъ предводителя этой экспедиціи естественнымъ образомъ палъ на такого бывалаго и многосторонно образованнаго человѣка, каковъ былъ Дженкинсонъ. Въ ноябрѣ 1553 г., въ то время какъ Чанслеръ въ первый разъ былъ на Двинѣ, Дженкинсонъ находился въ Алеппо. Ему мы обязаны любопытнымъ описаніемъ сильнаго войска, которое султанъ велъ противъ Персіи. Изъ тысячи нажей въ золототканыхъ одеждахъ половина вооружена была пищалями, другая луками и стрѣлами. «За великимъ Туркомъ слѣдовали шесть молодыхъ женщинъ верхомъ на бѣлыхъ лошадяхъ...., съ небольшими луками въ рукахъ; около каждой по сторонамъ было по два эвнуха» и пр.

Проектъ Дженкинсона понравился царю Іоанну. Безъ просьбы со стороны королевы Елизаветы, онъ не только изъявилъ свое соизволеніе на проѣздъ чрезъ недавно покоренное царство Астраханское, но и далъ повелѣніе всѣмъ воеводамъ вдоль Волги оказывать Дженкинсону вспоможеніе; кромѣ того царь снабдилъ его рекомендаціями къ владѣтельнымъ особамъ по ту сторону Каспійскаго моря.

Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Москвы 23 апрѣля 1558 г.

По Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ до Астрахани его сопровождали Ричардъ и Робертъ Джонсоны. На этомъ пути онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ много любопытнаго. Страну между Казанью и Камой по лѣвую сторону Волги онъ называетъ Vachen. Миллеръ (S. R. G. VII, 435) говоритъ: «Я не умѣю объяснить этого имени; однакожь надобно замѣтить его, потому что оно, можетъ быть, для другихъ послужить поводомъ къ изысканіямъ». Можно подивиться, что исторіографъ «Вотяковъ» не узналъ Вятчанъ въ англійскомъ правописаніи этого имени. Въ другомъ мѣстѣ, Дженкинсонъ, исчисляя свои путешествія, пишетъ Vachin. Точно такъ-же пишется въ его картѣ Россіи, уже въ 1562 г. изданной въ Лондонѣ. Здѣсь видно, что область, которую онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ, не простирается до Волги, а лежитъ по рѣкѣ Вяткѣ.

Изъ Астрахани Дженкинсонъ поплылъ черезъ Каспійское море, на которомъ до сихъ поръ еще не развѣвалось христіанскаго флага (у Дженкинсона онъ представлялъ красный Георгіевскій крестъ), и добрался до Бухаріи. Тамъ онъ узналъ, что сообщеніе съ Китаемъ, по причинѣ военныхъ тревогъ, прекращено уже три года; это заставило его отказаться отъ своего плана. 2 сентября 1559 г. онъ опять былъ въ Москвѣ, черезъ два дня имѣлъ у царя аудіенцію, допущенъ имъ къ рукѣ, поднесъ ему хвостъ яка изъ Китая и татарскій бубень; затѣмъ приглашенъ былъ къ обѣду. 9 мая (1560) онъ пріѣхалъ въ Холмогоры и вскорѣ отплылъ оттуда съ Генрихомъ Леномъ въ Англию. Мѣсто Лена въ Москвѣ занялъ Томасъ Гловеръ; онъ былъ агентомъ компаніи до 1566 года; но потомъ измѣнилъ ей, выпросивъ себѣ съ нѣкоторыми другими лицами особенную привилегію на торговлю. Сынъ его, Томасъ Гловеръ, былъ впоследствии англійскимъ посланникомъ въ Константинополь.

Въ слѣдующій 1561 годъ Дженкинсонъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву. Теперь цѣлью его была Персія. Ему поручено было также отправить кого-нибудь (на-пр Ричарда Джонсона) изъ Холмогоръ на востокъ сухимъ путемъ: потому что отъ Русскихъ будто-бы слышали, что, черезъ тридцать или сорокъ дней пути туда, пріѣдешь къ открытому морю. Изъ этого

предположенія ничего не вышло. Странствованія Англичанъ на востокъ простирались тогда отъ Холмогоръ черезъ Пинегу только до Лампожни и Мезенской слободы (230 верстъ), куда съѣзжались для торговъ Самоѣды, и потомъ отъ Лампожни вдоль Мезени черезъ Погорѣльскую и Зезапольскую въ Юрому (115 верстъ), гдѣ они закупали для Англiи лосинныя кожи.

Дженкинсонъ прибылъ къ Двинѣ на корабль the Swallow. Компания прислала съ нимъ запертый сундукъ съ драгоценными вещами, которыхъ часть назначена была въ подарокъ царю и его старшему сыну Иоанну. Въ сундукѣ были драгоценныя камни, золототканныя матерiи, алое сукно и т. д. Королева Елизавета, грамотой отъ 25 апрѣля (на латинскомъ языкѣ), благодарила царя за благосклонный прiемъ, оказанный Дженкинсону, и за содѣйствiе его предпрiятiямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она просила царя, чтобы онъ продолжилъ Дженкинсону, теперь уже состоящему на ея службѣ (*nostrum jam famulatum*), свое милостивое покровительство и снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ персидскому шаху Тамаспу. Такое письмо къ послѣднему она и сама дала Дженкинсону *).

Дженкинсонъ прибылъ въ Москву 20 августа, когда Иоаннъ Васильевичъ готовился вступить въ бракъ съ прекрасною черкешенкою Марьею Темрюковной, и когда вслѣдствiе того, въ теченiе трехъ дней, по всему городу ворота были заперты и никто изъ жителей, тамошнихъ и прiѣзжихъ, не смѣлъ выйти изъ дому. Дженкинсонъ, говоря объ этомъ, прибавляетъ: «*the cause thereof unto this day not being known*». Такъ какъ онъ упорно отказывался выпустить изъ рукъ письмо королевы до представленiя его царю лично, то ему стали дѣлать проволочки; не смотря на то, онъ впослѣдствiи добился

*) Я имѣлъ въ рукахъ слѣдующее объ этомъ распоряженiе хранителя королевской печати, Николая Бекона: «*Primo Junii 1561. To Thomas Cotton the under Clerk of the Hanaper in the Court of Chancery. — Ye shall allowe for certaine lace myngled with gold and silver putt to several letters patents sent by the Quenes Majestie as well to the Emperour of Russia as to the Sophie which lace amounteth in yards to the number of viij after the rate of vj s. viij d. for every yard and this letter shalbe your discharge. N. Bacon.*» Этотъ Беконъ былъ, какъ извѣстно, отецъ (лорда) Франсиса Бекона, которому было тогда четыре мѣсяца.

аудиенціи у царя и былъ имъ приглашенъ къ обѣду. На счетъ отправления въ Персію ему опять стали дѣлать затрудненія, и онъ взялъ уже паспортъ на обратный путь въ Англію, какъ вдругъ, благодаря ходатайству Непѣи, дѣло получило желанный оборотъ. 15 марта 1562 онъ вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ опять обѣдалъ у царя, который не только снабдилъ его обѣщанными рекомандательными письмами, но и почтилъ разными порученіями.

27 апрѣля онъ оставилъ Москву и вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ ѣхалъ внизъ по Волгѣ. Его сопровождалъ англичанинъ Эдуардъ Кларкъ. Заключенный предъ тѣмъ миръ съ Турками былъ причиною того, что усилія Дженкинсона завести торговыя дѣла Англій съ Персією не вполне увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, потому что Персія получала тогда сукна и другіе товары чрезъ Турцію. 20 августа 1563 года Дженкинсонъ возвратился въ Москву. Онъ здавъ въ казну купленные для царя драгоценныя камни и шелковыя ткани, и давъ отчетъ о исполненіи другихъ порученій. Царь изъявилъ ему свое полное удовольствіе и обѣщалъ впредь давать ему свои порученія.

Пользуясь расположеніемъ царя, Дженкинсонъ испросилъ новую привилегію, провелъ зиму въ Москвѣ, послалъ Эдуарда Кларка сухимъ путемъ въ Англію, оправилъ 10 мая 1564 новую экспедицію въ Персію, оставилъ Москву 28 іюня, сѣлъ на корабль (опять the Swallow) при устьѣ Двины и 18 сентября прибылъ въ Лондонъ.

Помянутая экспедиція въ Персію возложена была на Томаса Алькока, Джорджа Ренна (Wrenne) и Ричарда Чейни (Cheinie). Путешествіе водою началось теперь не отъ Москвы, а отъ Ярославля. Алькокъ былъ убитъ близъ Шамахи. Въ 1565 г. отправлена была агентомъ Гловеромъ экспедиція въ Персію подъ начальствомъ Ричарда Джонсона, а Артуръ Эдуардсъ, бывшій гораздо способнѣе Джонсона, сдѣлался его подчиненнымъ. Директоры компаніи писали 1567: «Удивляемся, что Ричардъ Джонсонъ отправленъ въ Персію начальникомъ экспедиціи, тогда какъ, по нашему мнѣнію, онъ не способенъ къ этой должности или, по крайней мѣрѣ, не такъ

способенъ, какъ другой». Они требовали, чтобы экспедиція составила карту Каспійскаго моря. «Намъ желательно имѣть морскую карту, составленную на основаніи плаванія по Каспійскому морю съ письменнымъ показаніемъ курсовъ, глубинъ, примѣтъ, опасныхъ мѣстъ, измѣненій компаса и широты мѣстъ, качества пристаней.... Пусть Джонсонъ составитъ карту Каспійскаго моря и плаванія внизъ по Волгѣ». Для путешествія 1565 г. построено было судно въ Ярославлѣ, а для будущихъ поѣздокъ Эдуардъ предлагалъ построить бѣльшаго размѣра, выписавъ для этого мастера изъ Англіи.

4 мая 1566 г. Дженкинсонъ опять былъ къ намъ отправленъ и прибылъ на Двину 10 іюня на корабль *Harpy*. 26 іюня писалъ онъ изъ Холмогоръ къ Вильяму Сесилю чрезъ Вильяма Борро, возвращавшагося тогда съ кораблями. Онъ сообщаетъ ему разныя новости о политическихъ дѣлахъ Россіи и о дѣлахъ царя. Между прочимъ онъ пишетъ, что царь строитъ крѣпость, величиною въ 2400 сажень; камень на эту постройку везтъ изъ-за 500 миль; перевозка его стоитъ по 12 пфеннинговъ за центнеръ. Это былъ Вологодскій кремль. Дженкинсонъ послалъ Сесилю съ Борро лося (a strange beast called a *lousche* and bred in the country of Casan in Tartarie). Мимоходомъ замѣчу, что въ первые годы холмогорскіе агенты нерѣдко посылали директорамъ компаниі лосей и бѣлыхъ медвѣдей за рѣдкость. Съ 1559 г. на это требовалось разрѣшеніе царя.

Главною причиною новой поѣздки Дженкинсона были домогательства итальянца Рафаэля Барберини, жителя города Антверпена, который все еще былъ значительнѣйшимъ торговымъ мѣстомъ. Онъ былъ дядей знаменитому папѣ Урбану VIII. Въ 1564 г. онъ добился отъ королевы Елизаветы рекомендательнаго письма къ царю Іоанну Васильевичу. Другое письмо, впрочемъ не столь ему полезное, получилъ онъ отъ Филиппа II, короля испанскаго (и бывшаго англійскаго). Съ этими рекомендаціями онъ явился въ Москву лѣтомъ 1564. Одинъ торговый домъ въ Антверпенѣ условился съ нимъ дѣлиться пополамъ барышами, если ему удастся выхлопотать у царя привилегію на свободную торговлю съ Россіей. Царь не только согласился на это, но и помогъ ему получить такія-же

милости отъ датскаго короля Фридриха II и отъ шведскаго Эриха XIV. Лѣтомъ 1565, едва успѣлъ Барберини возвратиться въ Антверпенъ, какъ оттуда отправленъ былъ въ Нарву корабль (съ солью и съ серебряною монетою). Англичане донесли объ этомъ въ Лондонъ и директоры компаніи доложили о томъ королевѣ. Вслѣдствіе того, теперь, съ Дженкинсономъ Елизавета писала (отъ 20 апрѣля 1566) къ Іоанну Васильевичу, что въ Барберини она рекомендовала ему только путешественника, но отнюдь не купца.

Рафаэль Барберини былъ младшій сынъ Карла Барберини. Братъ его, Францъ, былъ ученый юристъ и жилъ въ Римѣ. Онъ занимался воспитаніемъ дѣтей своего брата, Антонія, изъ которыхъ старшій, Мафей, достигъ высшихъ духовныхъ степеней и въ 1623 г. возведенъ на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. 10 іюня 1564 г. Рафаэль писалъ изъ Антверпена къ Францу въ Римъ: «Скажу вамъ вкратцѣ, какой случай представился мнѣ ѣхать въ Московію, чтобы устроить дѣла съ ея государемъ, за что мнѣ подарено на первый разъ 400 D. (?) и предоставлена половинная доля отъ этого дѣла». Онъ просилъ брата: «Не говорите никому, что я поѣхалъ въ Швецію за какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ моего собственнаго, какъ я писалъ всѣмъ и каждому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ родныхъ, чтобы не помѣшалъ кто моему проекту... Я отправляюсь въ Ивановъ день».

Въ Англіи я нашелъ черновое письмо королевы Елизаветы къ Іоанну Васильевичу отъ 20 іюня 1564 г. Она пишетъ: «Ваше особенное къ намъ и къ нашимъ (поданнымъ) расположеніе дастъ намъ поводъ въ настоящее время рекомендовать этимъ письмомъ вашему величеству Рафаэля Барберина, хотя итальянца, но по нѣкоторымъ причинамъ очень намъ угоднаго. Итакъ просимъ, чтобы ваше величество оказывали сему чело-вѣку благосклонность, какъ вашею милостію и благоволеніемъ, такъ, если понадобится, и вашею властію и повелѣніемъ, а ваши подданные оказывали бы ему чело-вѣколюбіе, и чтобы ему и его людямъ со всѣмъ добромъ свободно и безопасно было ѣздить по вашимъ царствамъ и областямъ, проѣзжать и оставаться въ

нихъ, сколько ему заблагоразсудится, и отъѣзжать изъ нихъ и уѣзжать, когда ему и его людямъ будетъ угодно» *).

Лордъ Монтегю, 1557 встрѣчавшій и провожавшій нашего посланника Непѣю въ Лондонѣ, до того бывшій въ Римѣ, а послѣ въ Мадритѣ, въ мартѣ 1564 г. былъ отправленъ Елизаветою, вмѣстѣ съ даровитымъ дипломатомъ докт. Воттономъ и государственнымъ человѣкомъ Вальтеромъ Гаддомъ (Haddon), чтобы устроить съ комиссіонерами испанскаго короля торговля дѣла между Англіей и Нидерландами. Вѣроятно, чрезъ лорда Монтегю получилъ Барберини рекомендательное письмо Елизаветы къ Іоанну Васильевичу. Въ Москвѣ Барберини пользовался разными знаками царскаго вниманія, и когда у царя былъ на аудіенціи посольскій тестя его изъ Черкесіи, вмѣстѣ съ посольствомъ императора Фердинанда и магистра ордена Вольфганга (для освобожденія Фюрстенберга), въ то время представленъ былъ царю и Барберини; и впослѣдствіи онъ обѣдывалъ съ ними въ грановитой палатѣ. Возвратившись лѣтомъ 1565 въ Антверпенъ, писалъ онъ 21 іюля къ брату своему Францу: «Получивъ привилегіи и охранную грамоту для себя и для моихъ соотечественниковъ въ странѣ Московитской, я надѣюсь, что впредь буду въ состояніи сдѣлать вамъ добро: потому-что, во первыхъ, я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, какими владеютъ немногіе, и во-вторыхъ имѣю паспорта и охранныя грамоты отъ королей датскаго и шведскаго — вещи, которыя я цѣню и которыя значатъ много. Потому, чтобы не потерять благопріятнаго случая, я отправилъ 11-го текущаго мѣсяца (іюля 1565) корабль съ товарами и чистыми деньгами на Х. М. (10,000) D. (?), который, Богъ дастъ, дойдетъ и возвратится благополучно. Надѣюсь, что на этомъ поприщѣ я буду имѣть успѣхъ, и что Богъ вознаградитъ все мое семейство». Къ

*) *Vestrum erga nos et nostros singulare studium facit ut libenter etiam hoc tempore Raphaelem Barberinum, virum quidem Italum, sed nobis, certis nominibus, valde charum, his nostris literis Vestrae Maiestati commendemus. Petimus itaque ut hic vir vestra bona gratia atque voluntate, et jussu etiam atque auctoritate, si opus fuerit, benigne a Vestra Maiestate, humaniter a Vestris subditis tractetur. Utque sibi ac suis, cum bonis universis tutum liberumque sit per Vestra regna atque provincias ire, transire istic morari quam diu placuerit et inde abire et recedere quandocunque illi ac suis libitum fuerit.*

письму 8 сентября онъ прибавляетъ: «Не знаю, что сказать кромѣ того, что я едва живъ, ожидая, чтобы Богъ, по своей благодати, велѣлъ благополучно дойти кораблю, который я отправилъ. На него моя надежда». И еще въ августѣ писалъ онъ къ своему отцу: «Теперь, когда я знаю, что вамъ должно быть извѣстно, что я отправилъ корабль въ Нарву, скажу вамъ, что я получилъ письмо отъ суперкарга» (онъ прошелъ Зундъ). «Если Богу будетъ угодно, чтобы онъ возвратился благополучно, то я увѣренъ, что получу за мой рискъ вдвое, и буду доволенъ, потому что тамъ у меня грузъ соли, который по первоначальной цѣнѣ стоитъ 1,500 D. Дозволеніе провезти его есть великая милость, которую я получилъ отъ короля датскаго по настоянію московита: онъ далъ мнѣ письма къ сказанному королю, которыя сильно говорили въ мою пользу и такія-же къ королю шведскому, чтобы мой корабль имѣлъ свободный пропускъ». Россія была тогда въ добромъ согласіи съ Даніей. По договору 1562 г., русскіе имѣли право содержать торговые дома въ Копенгагенѣ и въ Висби на Готландѣ, а датчане — въ Новгородѣ и Иванъ-городѣ (Нарвѣ). Въ 1564 Іоаннъ Васильевичъ заключилъ миръ съ Эрихомъ XIV. «Московитъ» — продолжаетъ Барберини въ томъ-же письмѣ — «даровалъ мнѣ большія привилегіи, льготы, изъятія, для меня лично, для моего корабля, для моихъ людей, такъ что я ни за что не плачу ни копейки. Тогда какъ всякій, кто пріѣзжаетъ въ эту страну, не можетъ оставить ея, царь повелѣлъ, чтобы мои люди были во всемъ свободны. Такимъ образомъ я вижу для себя открытую дорогу къ счастію, и еслибы я захотѣлъ служить царю, какъ тѣ Феррарцы, которые, какъ я много разъ слышалъ, были тамъ плѣнниками, то я полагаю, мнѣ было бы очень хорошо, кромѣ неудобствъ тамошней страны; но я не рѣшусь ѣхать туда, если не заставитъ необходимость, потому что знаю, что мнѣ нельзя бы было выѣхать оттуда».

Въ то время Барберини составилъ для друзей краткое описаніе Россіи: эта «Реляція о Московіи» (*Relazione di Moscovia*) хранится въ рукописи въ Барбериніевской библіотекѣ въ Римѣ и была напечатана въ 1658 г. Мы обязаны Барберини рукописными замѣтками о торговыхъ статьяхъ, которыя

онъ находилъ въ то время стоящими вывоза въ Россію, и многимъ изъ нихъ видимъ у него цѣны. Въ 1564 г. въ Москвѣ пудъ сахару стоилъ 60 алтынъ, квасцовъ отъ 55 до 60, бразильское дерево 30, золотая проволока 18 талеровъ за фунтъ, жемчугъ (крупный бѣлый) два рубля унція, талеръ 50 денегъ. Барберини описываетъ, какіе надобно заготовлять для царя панцири, конскую сбрую, попоны для лошадей и полости для саней и другія вещи. Онъ совѣтуетъ отправлять въ Россію индѣйскихъ пѣтуховъ и куръ, турецкіе бобы, цвѣтную капусту и тыквенныя сѣмена, *vini buoni e grandi, ma non dolci*, бумагу большаго формата для начавшагося тогда (Апостоломъ») кнгопечатанія въ Москвѣ, «марказитъ» для композиціи, изъ которой дѣлаются типографскія буквы.

Отъ 20 апрѣля 1566 королева Елизавета писала съ Дженкинсономъ къ Іоанну Васильевичу: «мы видимъ, что ваше величество такъ внимательны къ нашимъ письмамъ, что всегда оказываете, по ихъ содержанію, большія милости нашимъ подданнымъ, а иногда, по благосклонности къ намъ, чужимъ даруете больше, чѣмъ мы просимъ для насъ самихъ. Такъ было въ одинъ изъ прежнихъ годовъ съ итальянцемъ Рафаэлемъ Барберини, котораго мы рекомендовали вашему величеству какъ путешественника, а отнюдь не какъ купца. Но объ этомъ итальянцѣ, какъ онъ осмѣлился во зло употребить и наше рекомендательное письмо и благосклонность вашего величества, и о другихъ дѣлахъ касательно возстановившихся между нами сношеній, любезный нашъ слуга, Антоній Дженкинсонъ, подробнѣе объяснитъ вамъ наши задушевные мысли лично своимъ языкомъ, но нашими словами» *).

*) Въ слѣдующемъ 1567 году въ Нидерланды прибылъ изъ Испаніи, какъ извѣстно, герцогъ Альба. Барберини (бывшій кавалеромъ ордена св. Стефана) поступилъ подъ его начальство или, лучше, подъ начальство Вителли въ военную службу. Тогдашнія письма его къ брату послужили источникомъ для исторіи бывшей въ то время войны. Въ 1569 г. онъ былъ отправленъ къ королевѣ Елизаветѣ въ Англію, и т. д. Основателемъ извѣстности дома Барберини былъ его племянникъ, папа Урбанъ VIII. Кто не слыхалъ о палацѣ этой фамиліи въ Римѣ? Богатая, но теперь, къ сожалѣнію, закрытая бібліотека съ рукописными сокровищами основана старшимъ племянникомъ Рафаэля, кардиналомъ Францискомъ Барберини.

Дженкинсону поручено было объяснитьсь съ царемъ на счетъ Барберини и вести дѣло къ тому, чтобы въ Россіи не дозволено было торговать никому изъ иностранцевъ, кромѣ привелигированной англійской компаніи. Желали также — прежнему привилегію, данную царемъ на торговлю въ Россіи, распространить отсюда на Бахарію и Персію.

Дженкинсонъ прибылъ въ Москву 23 августа, и 1 сентября имѣлъ аудіенцію. Въ то время царь заложилъ новый дворець въ Москвѣ, крѣпость въ Вологдѣ и много зданій въ слободѣ Александровской; вслѣдствіе того онъ поручилъ Дженкинсону завербовать въ Англіи искуснаго архитектора (*an architecture which can make castells, townes and palaces*), выписать также врача и аптекаря, и мастеровъ, умѣющихъ отыскивать серебро и золото (*masters such as are conning (a не coming) to seke ought gold and silver*). Мнѣ кажется, съ этими порученіями ѣздилъ въ Лондонъ Дженкинсонъ зимою 1566—1567 г.

Въ письмѣ отъ 18 мая 1567 года королева Елизавета проситъ царя Іоанна, повелѣтъ выдать привилегію, о которой говорено было въ прошломъ году, и увѣдомляетъ его, что она разрѣшила отправиться въ Россію лицамъ, которыя онъ требовалъ. Дѣйствительно, тогда-же (1567) прибыли къ намъ докторъ (Reynolds), аптекарь (Thomas Carver?), инженеръ (Humphry Lock) съ помощникомъ (John Finton), золотыхъ дѣлъ мастеръ и пробиреръ (*goldsmythe and goldefiner Thomas Green*) и другіе мастеровые.

4 марта и 20 мая 1568 г. Локкъ между прочимъ писалъ къ Вильяму Сесилю. «Я долженъ дѣлать для императора такія вещи, изготовить такія орудія для его войнъ, чтобы онъ могъ покорить ими всякаго государя, который возстанетъ на него съ враждебными замыслами, и если я открою ему эти замыслы, то буду имѣть много земли и денегъ; но имѣніе, зломъ пріобрѣтенное, низвергаетъ человѣка въ адъ». Далѣе, онъ объясняетъ, что могъ бы завести въ Англіи весьма выгодныя соловарни, но не завелъ, опасаясь, чтобы этимъ не воспользовались другіе. 1 іюля 1568 г. онъ писалъ, что въ концѣ мая прибыли докторъ, аптекарь и хирургъ. «Доктору пожаловано (въ англійскомъ:

jolyvatyd) 200, аптекарю (potykarue) 100, хирургу 50 рублей. 19 мая 1572 г. Локкъ писалъ къ графу Лейстерскому, лорду Роберту Додлею, что онъ не знаетъ, будетъ ли царь продолжать свои постройки, и изъявлялъ желаніе возвратиться въ Англію.

Лондонская компанія прислала еще трехъ веревочныхъ мастеровъ: Роберта Вильсона, Роберта Бленда и Джона Бошеля. Первый былъ взятъ на четыре года, съ жалованьемъ по 9 фунт. ст. въ годъ, прочіе — по пяти фунтовъ за первые три года и по шести фунтовъ за три слѣдующіе. Я не знаю, не тогда ли же пріѣхалъ Франсисъ Одеръ (Ouldre), управлявшій заведенною у насъ фабрикою для выдѣлки простаго толстаго холста (poldavy).

Царь Іоанъ Васильевичъ объявилъ Дженкинсону, что онъ желаетъ: 1) заключить дружественный союзъ съ королевою Елизаветою (which shall be the beginning of further matter to be done); 2) чтобы она была другомъ его друзьямъ и врагомъ его враговъ; онъ съ своей стороны обѣщаетъ тоже; 3) особенно же онъ желаетъ, чтобы королева не дружилась съ королемъ польскимъ. Сигизмундъ, говорилъ онъ, старается вредить ей и ея народу. Недавно онъ присылалъ къ англійскимъ купцамъ въ Москву шпіона съ письмомъ, предлагая расположеннымъ къ нему, королю, Русскимъ помощь деньгами и другими способами. Это было сдѣлано, по мнѣнію царя, съ намѣреніемъ заподозрить англійскихъ купцовъ; разстроить доброе согласіе между Русскими и Англичанами и тѣмъ уничтожить возникающую между обѣими націями торговлю; 4) чтобы королева позволила пріѣзжать въ Россію людямъ, знающимъ кораблестроеніе и мореплаваніе (masters which can make shippes and sayle them), и 5) отправлять къ намъ изъ Англіи артиллерійскіе и другіе военные снаряды; 6) утвердить съ обѣихъ сторонъ клятвою, что государю одной страны можно будетъ уѣхать къ другому, въ случаѣ, еслибы принудили его къ тому смуты въ его государствѣ; эта статья должна оставаться тайною; 7) для заключенія такого союза королева должна прислать особу высокаго званія; 8) царь желаетъ получить рѣшеніе королевы на все это къ Петрову дню (29 іюня) 1568. Кромѣ то-

го Дженкинсонъ получилъ еще порученія, которыя онъ долженъ передать изустно. Здѣсь, должно быть, начались тайные переговоры о сватовствѣ царя къ королевѣ.

Желаемая торговая привилегія была дана 22 сентября 1557. Она содержитъ позволеніе вести торговлю въ Казани и Астрахани, въ Нарвѣ и Дерптѣ, въ Булгаріи, въ Шамахѣ и т. д. Гавани на Ледовитомъ и Бѣломъ моряхъ должны быть закрыты для всѣхъ купцовъ, не принадлежащихъ къ лондонской компаніи. Дома компаніи въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ укрѣплены за нею.

Директоры компаніи велѣли 1566 года осмотрѣть путь отъ устья Двины до Новагорода и Нарвы, касательно удобствъ его для возки товаровъ водою и сухопутьемъ. Въ слѣдствіе того еще въ іюль того-же года Томасъ Соутгемъ и Джонъ Спаркъ совершили поѣздку, которая не лишена интереса. Они отправились изъ Холмогоръ на ладьяхъ къ Соловецкому монастырю (котораго настоятель, Филиппъ, былъ только что возведенъ въ санъ всероссійскаго митрополита), взяли тамъ вожатаго для первой и труднѣйшей части дороги, вошли у Сороки въ устье Выга и потомъ плыли на трехъ небольшихъ лодкахъ вверхъ по Выгу, сколько было можно. Здѣсь имъ часто приводилось перетаскивать свои товары и лодки по сушѣ. Наконецъ они прибыли въ Воецъ, переплыли вдоль Воецкое озеро (Выгъ-озеро) къ рѣчкѣ Телѣгиной, шли этой рѣчкой вверхъ, сколько было можно, а оттуда на телѣгахъ въ Повѣнецъ. Здѣсь они поплыли по Онежскому озеру, чрезъ Свирь въ Ладожское озеро и по Волхову въ Новгородъ, гдѣ встрѣтили вновь прибывшата изъ Англіи чрезъ Нарву агента Вильяма Роулея, который не рѣшался ѣхать въ Москву, потому что тамъ была моровая язва. Въ результатѣ путешествія Соутгема и Спарка оказалось, что между Повѣнцомъ и Новгородомъ товары должно отправлять водою; но въ Повѣнецъ и Сумы ихъ должно перевозить сухимъ путемъ зимою. Изъ Сумъ въ Новгородъ тогда много перевозилось на саняхъ соли, вывариваемой на Бѣломъ морѣ.

V.

Второе русское посольство въ Англію; первые русскіе купцы въ Лондонѣ: Твердиговъ и Погорѣлый; первая царская грамота въ Англію. Многочисленность членовъ Россійской компаніи; нарушеніе ея привилегіи англійскими купцами въ Нарвѣ. — Противодѣйствіе Сигизмунда, короля польскаго, торговому союзу Англіи съ Россіей. — Защита привилегій компаніи; отправленіе агента компаніи Миддельтона въ Москву. — Посольство Рандольфа съ цѣлію поддержать торговый союзъ съ Россіей и проникнуть въ Персію. — Новый актъ привилегіи; возвращеніе Рандольфа и отправленіе въ Лондонъ, посланникомъ, дворянина Савина. — Принятіе англійской факторіи въ Москвѣ въ вѣдомство Опричины. Право Англичанъ добывать и обрабатывать желѣзную руду въ Россіи и передѣлывать иностранную монету въ русскую. — Водвореніе Англичанъ на Бѣломъ морѣ. — Статьи вывоза изъ Россіи съ ихъ цѣнами.

Въ 1567 году, царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ двоихъ московскихъ купцовъ, Степана Твердикова и Федота Погарѣлаго, въ Лондонъ. Твердиговъ ѣздилъ до того времени въ Антверпенъ и тамъ имѣлъ сношенія съ Симономъ фонъ-Салингеромъ и Корнелиусомъ де-Мейеромъ. Въ 1566 г. эти двое пріѣхали отъ лапландскаго берега въ устье Онеги, откуда, переодѣвшись въ русское платье, прибыли чрезъ Каргополь въ Москву и явились къ Твердигову, какъ своему знакомцу, посоветоваться, какъ довести до царя жалобу за убіеніе одного изъ ихъ людей. Теперь онъ, какъ человѣкъ бывалый, избранъ былъ, вмѣстѣ съ Погорѣлымъ, для посольства въ Англію: это были первые русскіе купцы, видѣвшіе Лондонъ, гдѣ между прочимъ строилась тогда первая биржа, подъ надзоромъ Томаса Грешема, который въ то время (1567—1568) часто жилъ въ Лондонѣ. Наши купцы прибыли въ Лондонъ въ августѣ и остановились въ домѣ компаніи въ Ситингъ-ленѣ. Имъ поручено было промѣнять пушной товаръ на драгоцѣнные

камни и другіе предметы роскоши для царской казны. Они снабжены были царскою грамотой, писанной въ апрѣлѣ, на двухъ языкахъ — русскомъ и нѣмецкомъ. Въ нѣмецкой редакціи я отыскалъ ее. Это самая старшая изъ грамотъ русскихъ государей въ Англии. Въ ней недостаетъ только полного царскаго титула, который сохранился лишь съ словъ: *Obdorski, Condinski* и т. д. (*).

На наружной сторонѣ написано: Елисавети Божіею милостию Королевне аглинскіе земли Францовъ хиберской и иныхъ». Печать хорошо сохранилась.

Переводъ грамоты. «Обдорскій, Кондинскій и всей Сибирской земли Повелитель и Государь Лифляндской земли и иныхъ, Елисаветѣ Королевѣ Англии, Франціи и Гиберніи и иныхъ, честнѣйшему и сіятельнѣйшему Королевскому Величеству здравія. Послали мы въ вашу землю нашихъ купцовъ Стефана Твердикю и Федота Погорѣла и съ

*) Вотъ весь сохранившійся текстъ грамоты въ правописаніи оригинала: *Obdorski, Condinski und aller Sieberschen Lande, und Norden seiden befeller und Her des Lifflendischen Landes und anderer Elisabethen Konigine zu Engellant Franckrich und Hiberni und anderer. — Dem Erlichen und Leuchtlichem Konickrich Gesundheit. Wir haben gesanth zu euger Landes seitten unser Kauffleut Steffan Twerdiko und Fedota Pogorela und mit inen haben wir gesanth wahre aus unserm Schatze und sie sollen in eugern Konickreiche zu unserm Schatze kauffen, Saphir und robine, und Kleidewerk was inn unsern Schatze dinet, und wonn die unsere Kauffleut komen in euger Konickreich und so wolt ihr ihnen lassenn geben frey und wolt inen lassen mit eugern Leutten und aus andern Herschafftten leutten welchere zihenn in euger Konickreich mit inen kauff schlan und beutten mit wahr, und furkauffen was inen befallen in unserm Schatze nutze, auch Zoll tamgi und fur uberfur und von hoffen und von herbergen und andere welchere Gerechtheit von unserer wahr und von diesen unsern Kauffleuten und von ihren Leutten wolt ihr nicht lassen nemen glich also wie auch wir in unser herschafftva von eugern Leutten keinerlei Gerechtheit nicht lassen nemen und wos inen wurth zutragen zu zihen in ander Lande umb unser Bedarfs halber und so wolph ihr inenn freiheit geben und won diese unser Kauffleute haben erhandelt, und zuurüge zihen zu unns und so wolt ihr sie durch euger Landt beleit sagen lassen das innen nich muchte schaden von imanden oder aufhaltunge geschen und in euger schiffe wolt ihr sie lassen schiffen das sie muchten zu unser Herschafft gesunth komen. Geschriben in unser Herschafft hoffe der Stadt Moskauw, im ihare von Schaffung der Welth 7075 im Aprile in dictum 10 unser Herschafft (въ англійскомъ переводѣ: our age) im 34 und unser Keiserthum Russischem im 20 Casanschem im 15 Astrachanschen im 13.*

«ними послали мы товары изъ нашей казны, и должны они купить въ вашемъ королевствѣ для нашей казны сафиръ и рубины и одежды, что пригодно для нашей казны; и когда наши купцы придутъ въ ваше королевство, вы позволите имъ ходить свободно и съ вашими людьми и которые люди изъ другихъ государствъ приѣзжаютъ, съ ними производить торгъ товарами и закупать что имъ приказано, для нашей казны пригодное; и платежа тамги и за провозъ и съ дворовъ и съ таможенъ и другой какой законъ съ нашихъ товаровъ отъ сихъ нашихъ купцовъ и отъ ихъ людей не извольте брать, какъ и мы въ нашемъ царствѣ никакой правды не приказываемъ брать; и что имъ надобно будетъ достать въ иной землѣ для нашей потребности, въ томъ извольте имъ дать свободу, и что оныя наши купцы закупятъ и поѣдутъ обратно къ намъ, извольте дать имъ пропускъ чрезъ вашу землю, чтобы не причинилось имъ отъ кого вреда или не случилось задержки; и позволите имъ ѣхать на своихъ корабляхъ, чтобы они прибыли къ нашему государству здравы. Писано въ нашемъ государскомъ дворѣ въ городѣ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7075 въ апрѣлѣ, индикта 1, нашего царствованія (по англійскому переводу: нашего житія) въ 34, нашего русскаго царствованія въ 20, казанскаго въ 15, астраханскаго въ 13».

Королева Елизавета приняла московскихъ гостей въ своемъ загородномъ дворцѣ Отландсѣ; Генрихъ Ленъ былъ толмачомъ. Въ маѣ 1568 они имѣли прощальную аудіенцію въ Гринвичѣ. Елизавета дала имъ письмо къ царю, отъ 9 мая (на латинскомъ языкѣ), сказала имъ нѣсколько словъ, а они цѣловали ея руку, преклонивъ колѣна.

Вскорѣ по завоеваніи Нарвы въ 1558 г., начали отправлять туда свои товары Англичане, не принадлежавшіе къ Россійской компаніи. Они ссылались на то, что въ то время, какъ дана ей первая привиллегія, Нарва принадлежала не къ Россіи, а еще за долго до экспедиціи Чанслера къ ганзейскимъ городамъ. Въ 1566 году компанія выхлопотала себѣ отъ парламента предписаніе, которымъ дозволялось тамъ торговать изъ Лондона только членамъ ея, число которыхъ возрасло до четырехъ сотъ. Тогда она называлась: Fellowship of english mer-

chants for discovery of new trades. Въ Нарву посланъ былъ съ товарами Христофоръ Гудсонъ, и имѣлъ порученіе основать тамъ торговый домъ компаніи. Не смотря на то, нѣкоторые Англичане продолжали тамъ вести свою собственную торговлю.

Польскій король Сигизмундъ употреблялъ все возможное, чтобы помѣшать сношеніямъ между Англіею и Россіею. У меня есть списки съ нѣсколькихъ писемъ его къ королевѣ Елизаветѣ изъ 1567 и 1568 гг., въ которыхъ онъ жалуется на торговые сношенія за то, что чрезъ нихъ Россія получаетъ не только вещи, нужныя для войны, но, что еще хуже, людей, которые распространяютъ тамъ полезныя свѣдѣнія и всякаго рода техническія производства. Такъ отъ 13 іюля 1567 г. Сигизмундъ писалъ: «Дозволить плаваніе въ Московію, какъ ваша свѣтлость видитъ, воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи. Ибо непріятель отъ сообщенія, какъ мы сказали, просвѣщается, и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, — снабжается самыми художниками, такъ что если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварварской сторонѣ надѣлаютъ ему всего, что нужно для войны и что доселѣ было ему неизвѣстно» *).

13 марта 1568 г.: «Мы видимъ, что Московитъ, этотъ врагъ не только нашего царства временный, но и наслѣдственный врагъ всѣхъ свободныхъ народовъ, благодаря этому, лишь недавно заведенному мореплаванію, обильно снабжается не

*) Quominus autem navigationem in Moscoviam permittere possimus, videt nos Serenitas Vestra gravissimis non solum nostris privatis, sed etiam religionis et reipublicae totius christianae rationibus prohiberi. Instruitur enim hostis, ut diximus, commeatu, instruitur, quod magis est, armis in illa Barbaria inusitatis, instruitur, quod quidem maxime ducendum esse existimamus, artificibus ipsis, ita, ut etiamsi ad illum nihil praeterea importetur, tamen opera artificum ipsorum, qui illi, vigente eiusmodi navigatione, libere summittuntur, facile omnia simul et fabricentur in ipsa illius barbara ditone, quae usus ipsi belli requirit, et quae uti hactenus ipsi ignota fuerunt.

«только оружіемъ, снарядами, связями, чему, какъ ни много
«всего этого, однако можно еще положить конецъ; но мы ви-
«димъ, что онъ снабжается еще важнѣйшими вещами, ничѣмъ
«не предотвратимыми въ своемъ дѣйстви и еще болѣе ему по-
«лезными, — снабжается именно художниками, которые не пе-
«рестаютъ выдѣлывать для него оружіе, снаряды и другія по-
«добныя вещи, до сихъ поръ невиданныя и неслыханныя въ
«той варварской сторонѣ, и сверхъ того, что всего болѣе за-
«служиваетъ вниманія, онъ снабжается свѣдѣніями о всѣхъ на-
«шихъ, даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ вос-
«пользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель всѣмъ нашимъ:
«зная все это, мы полагаемъ, не должно надѣяться, чтобы мы
«оставили такое мореплаваніе свободнымъ» *).

Гаклейтъ напечаталъ одно письмо Сигизмунда изъ того же времени, но ошибочно поставилъ подъ нимъ 1559 годъ. Тамъ говорится: «Мы видимъ, что Московить съ каждымъ днемъ становится сильнѣе отъ умноженія тѣхъ вещей, которыя привозятся въ Нарву; потому что ему привозятся не только товары, но также и оружія, до тѣхъ поръ ему неизвѣстныя, мастера и мастерства: посредствомъ ихъ онъ становится въ силахъ побѣждать всѣхъ другихъ. До сихъ поръ мы являлись побѣдителями его потому только, что онъ дикарь въ искусствахъ и невѣжда въ политикѣ. А если эти морскія сообщенія продолжатся, что останется ему неизвѣстнымъ? Съ тѣми предметами, которые привозятся въ Нарву и которые дѣлаютъ его все искуснѣе въ военныхъ дѣлахъ, — съ военными

*) Cum enim hac navigatione recens admodum instituta, hostem non modo regni nostri temporarium, sed etiam omnium nationum liberarum haereditarium, Moscum, magnopere instrui et armari videamus, non solum armis, telis, comœtu, quae etsi magna sunt, tamen facilius profecto prohiberi possent, sed etiam aliis multo majoribus rebus, quae neque satis ullo consilio provideri et hostem ipsum magis etiam juvare possunt, artificibus inquam ipsis, qui arma, qui tela, qui caetera ejusmodi in illa Barbaria nec visa nec audita hosti fabricare non cessant: ac praeterea quod maxime attendendum est, cognitione omnium, etiam secretissimorum consiliorum nostrorum, quibus illi paulo post, ad interitum, quod absit, omnium nostrorum abutatur, sperandum profecto nobis esse non existimamus, ut hanc ejusmodi navigationem liberam esse patiamur.

«снарядами и кораблями, онъ будетъ — сохрани Богъ — побивать или покарять всякаго, кто станетъ ему противиться».

Чтобы прекратить въ Нарвѣ торговлю Англичанъ, не принадлежащихъ къ Компаніи, осенью 1567 г. директоры отправили туда Лоренса Менлея (Manley); королева снабдила его краткимъ письмомъ къ царю, отъ 14 октября. Съ нимъ приѣхалъ Николай Прокторъ, бывшій впоследствии агентомъ въ Москвѣ. Надобно замѣтить, что Менлей отправленъ раньше возвращенія Дженкинсона въ Лондонъ съ письмомъ и порученіями царя. Мѣсяца черезъ три послѣ отправленія Менлея, посланъ былъ въ Москву Джорджъ Миддълтонъ съ пространномъ письмомъ королевы отъ 10 февраля 1568 г. Въ этомъ письмѣ лишь кратко упомянуто, что королева получила отъ Дженкинсона письмо царя, писанное въ сентябрѣ 1567 г., что оно ей въ высшей степени пріятно и что она съ благодарностью принимаетъ благосклонность царя къ ней и къ ея подданнымъ. Но о другомъ предметѣ она говоритъ довольно подробно, именно: «Въ числѣ порученій, возложенныхъ на Миддълтона» — пишетъ королева — «главное состоитъ въ томъ, чтобы онъ тщательнѣе ходатайствовалъ у вашего величества о взятіи подъ стражу, въ самоскорѣйшемъ времени, нѣкоторыхъ Англичанъ въ Нарвѣ (Томаса Гловера, Ральфа Руттера, Джемса Уаттона, Христофора Беннета), которые съ явнымъ къ намъ пренебреженіемъ, съ величайшимъ обманомъ для нашихъ подданныхъ, и къ немалому оскорбленію вашего величества, показали себя въ отношеніи къ намъ чрезвычайнѣе невѣрными, дерзкими и лукавыми. Безъ вѣдома своихъ господъ, находящихся въ Англіи, они, какъ мы слышали, тайно вступили въ браки съ польскими женщинами, и потому, если къ арестованію ихъ не будутъ приняты мѣры тотчасъ и навѣрное, надобно опасаться, что они бѣгутъ въ Польшу». Затѣмъ прибавлено, что будущей весною имѣетъ быть отправленъ въ Москву посланникъ съ почетными купцами, для необходимыхъ переговоровъ о дѣлахъ торговыхъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ спросить Миддълтона, слышалъ ли онъ что-нибудь о возвращеніи Дженкинсона, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, досадовалъ, что

королева такъ мало дорожитьъ предложеніемъ дружескаго союза и даннымъ Дженкинсону словеснымъ порученіемъ. Когда въ Лондонѣ узнали, что ни Менлей, ни Миддельтонъ ничего не могутъ выхлопотать, то въ іюнѣ того-же года королева отправила въ Москву опытнаго дипломата, Томаса Рандольфа. Съ нимъ пріѣхали: секретарь его Джорджъ Турбервилъ (Turberville), купцы: Томасъ Бенистеръ (Banister) и Джефри Доккетъ (Ducket), намѣревавшіеся ѣхать въ Персію; Джемсъ Басендинъ, Джемсъ Вудкокъ и Ричардъ Броунъ, назначенные въ морское путешествіе изъ рѣки Печоры на востокъ за Вайгачъ, для изслѣдованія. Они пристали къ Розовому острову въ устьѣ Двины 2 августа. Здѣсь въ англійскомъ домѣ Рандольфъ нашелъ два письма отъ Ричарда Чейни и въ письмѣ отъ 12 августа, посланномъ чрезъ возвращавшагося въ Лондонъ Вильяма Борро, передалъ ихъ содержаніе. Чейни полагалъ, что Грозный не благоволитъ къ Англичанамъ за то, что Дженкинсонъ, пустившись въ переговоры съ царемъ о сватовствѣ къ королевѣ, заставилъ его теперь напрасно ожидать посланника отъ королевы. Судя по тону письма Рандольфа къ Сесилию, надобно полагать, что Дженкинсонъ не смѣлъ передать королевѣ порученія царя *). Самому Рандольфу поручено было сказать, какъ видно изъ его инструкціи, что королева сомнѣвается, вѣрно ли Дженкинсонъ понялъ слова царя?

Съ Розоваго острова Рандольфъ посѣтилъ Никольскій монастырь, гдѣ ему поднесли хлѣбъ-соль и подарили черную овцу съ бѣлой мордой. Проѣзжая чрезъ Вологду, онъ видѣлъ крѣпость, построенную царемъ изъ дикаго камня и кирпича. Въ Ярославлѣ онъ упоминаетъ о суднѣ почти въ тридцать тоннъ, построенномъ Англичанами въ 1565 году для плаванія по Волгѣ: такихъ судовъ, по его словамъ, тамъ не видано. Оно стало, съ полнымъ вооруженіемъ, не болѣе ста марокъ.

*) Рандольфъ пишетъ: These two letters containe one matter against Jenkinson as I believe more than is cause as though he shold have dealt with this prince in some matter of marriage either with this Emperor which is unlikelye or with his sonne them being married и т. д.

Въ Москву прибылъ Рандольфъ, съ своими спутниками: Бенистеромъ и Доккетомъ, 16 октября. Ихъ помѣстили въ посольскомъ домѣ; но къ нимъ никого не допускали. Только докторъ Рейнольдсъ и нѣкоторые англійскіе ремесленники навѣщали ихъ тайно. У Рандольфа было коротенькое письмо королевы Елизаветы отъ 12 іюня, которое вовсе не могло удовлетворить ожиданій царя послѣ того важнаго порученія, какое онъ далъ Дженкинсону. Королева говоритъ только, что она получила чрезъ Дженкинсона письмо царя, писанное въ сентябрѣ 1567 года, благодарить за выраженную въ немъ благосклонность къ ней самой и къ ея подданнымъ и прибавляетъ, что она посылаетъ теперь Рандольфа, чтобы удовлетворить желанію царя видѣть въ Москвѣ ея полномочнаго посланника. У меня есть копія съ грамоты, которою Рандольфу дано это полномочіе. Бенистеръ и Доккетъ также имѣли письмо къ царю и грамоты полномочныхъ пословъ къ персидскому шаху.

Отъ Рандольфа требовали, чтобы онъ объявилъ о предметахъ своего посольства предварительно князю Афанасію Ивановичу Вяземскому (Вологодскому воеводѣ) и дьяку Петру Григорьевичу; но онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на это. Вслѣдствіе того приемъ его ко двору откладывался до тѣхъ поръ, пока не прибыло въ Москву, чрезъ Нарву, письмо королевы Елизаветы отъ 16 сентября 1568 года, въ которомъ обстоятельно были изложены данныя Рандольфу порученія. При отправленіи этого письма, королева другимъ письмомъ изъяснила Нарвскому магистрату свое удивленіе, что ея послы къ царю, Менлей и Миддельтонъ, были задержаны въ Нарвѣ, и поручала ему немедленно препроводить настоящее письмо ея къ царю Іоанну Васильевичу *).

*) Въ письмѣ къ магистрату (отъ 16 сент. 1568) сказано: «Magnificis et illustribus Narvensis Emporii, sub potentissimo Imperatore Russiae e. c. supremis Gubernatoribus, amicis nostris charissimis. — Magnifici, illustres amici charissimi. Misimus hoc anno duos nuncios Laurentium Manley et Georgium Middleton, utrumque nostrum perdilectum famulum, cum literis nostris ad Imperatoriam Majestatem Russiae. Accepimus, facultatem transeundi per vestram Jurisdictionem ad Imperatorem vestrum nostro nuncio Georgio Middletono a vobis esse denegatam. Quae res eo maiorem nobis admirationem commovet, quo certiores nos su-

Письмо это впрочемъ столь же мало удовлетворило царя, какъ и присланное съ Рандольфомъ. Оно касалось только купеческихъ дѣлъ и особенно затрудненій въ Нарвѣ. Королева изъявила въ немъ свое удивленіе, что царь даровалъ особую привилегію прежнимъ агентамъ и прикащикамъ компаніи: Гловеру, Руттеру, Беннету и Чепелю. Эта привилегія называется у насъ: «Государева жалованная грамота даная «аглинскимъ нѣмцомъ Томосу Иванову сыну Гловарю да Рафу «Иванову сыну Рутерру съ товарищи, четырема человекомъ, «7076 году». Эти Англичане были въ связяхъ съ Яковомъ дела-Фолія и другими голландцами *).

Вслѣдствіе письма Елизаветы Рандольфъ, Бенистеръ и Доккетъ, 9 февраля 1569 году получили наконецъ аудіенцію, на которой они представили царю, вмѣстѣ съ своими просьбами, разную серебряную посуду. Черезъ нѣсколько дней Рандольфъ снова позванъ былъ къ царю вечеромъ и бесѣдовалъ

mus, vobis incertum esse non posse, quaequam certa amicitiae ratio, quaequam magna et multa mutuae benevolentiae officia, inter vestrum Principem et nos, inter nostros utrobique subditos, amice et humaniter hoc tempore intercedunt. Sed cum certae jam res sunt momenti magni, quas communicandas habemus hoc tempore cum vestro Imperatore, et quas intelligere imprimis intererit Sua Majestate, propterea a vobis primum pro vestra ergo Principem vestrum obedientia, admodum requirimus, deinde pro vestra, uti speramus, ergo nos quoque observantia etiam petimus, ut has nostras literas, quas cum his vestris conjunximus, primo quoque tempore, ad Suam Maiestatem perferri curetis. Sic, ut nobis aliquando constet (id quod ut constare possit, diligenter procurabimus) vos fuisse in hac officii parte et vestro principi obsequiosos Magistratus et nobis gratos et officiosos amicos. Quo officio vestro, vos nobis non minimam, et commendationem a vestro Principe, et gratiam a nobis etiam poteritis promereri. Id quod vobis, pro nostra quidem parte, exploratum erit, cum ulla nobis ad id idonea dabitur opportunitas. Foeliciter valeatis и пр.»

*) Письма королевы, равно и письмо директоровъ компаніи къ Рандольфу и Миддельтону, посылались въ Нарву къ Андрю Атертону (для отправленія въ Москву). Письмо къ Рандольфу Атертонъ передалъ бывшему тогда въ Нарвѣ пробиреру Томасу Грину. Это навлекло обоимъ неприятности: Атертона, который отправлялъ и московскія письма въ Лондонъ, его слугу въ Москвѣ, равно и Грина, посадили подъ стражу. Атертонъ называется у насъ Андреемъ Ульяновымъ. Въ Нарвѣ находился тогда окольникъ Григорій Степановичъ Собакинъ; два года спустя, его племянница, Марѳа Васильевна, выбранная изъ числа многихъ сверстницъ, сдѣлалась третьею супругой Грознаго.

съ нимъ часа три. Можно бы подумать, что предметомъ разговора были какія-нибудь тайны, напр. касательно сватовства къ королевѣ; но изъ сохранившагося объ этомъ письма Рандольфа видно, что предметомъ объясненій были обыкновенныя, торговыя дѣла, на которыя притомъ царь не далъ никакого опредѣлительнаго рѣшенія. На другой день Грозный уѣхалъ въ Александровскую слободу; по возвращеніи его оттуда въ апрѣлѣ, Рандольфъ еще былъ у него нѣсколько разъ. 12 апрѣля Рандольфъ послалъ къ царю письмо, въ которомъ жаловался на Гловера, Руттера и Беннета: черезъ день Іоаннъ Васильевичъ опять уѣхалъ изъ Москвы. Въ письмахъ отъ 7 мая, къ царю и его совѣтникамъ, Рандольфъ жаловался особенно на Беннета, который въ Нарвѣ распускалъ слухъ, будто бы въ письмахъ Рандольфа въ Лондонъ, пересылаемыхъ чрезъ Нарву, были недоброжелательныя къ царю выраженія. Беннету дѣйствительно поручено было читать и переводить эти письма.

Въ іюнѣ (1569 г.) Рандольфу съ Бенистеромъ и Доккетомъ повелѣно было ѣхать вслѣдъ за царемъ въ Вологду*). Здѣсь изготовлена требуемая Англичанами новая привилегія. и 20 іюня утверждена. 24 іюня Рандольфъ имѣлъ прощальную аудіенцію. Съ нимъ отправлялись въ Лондонъ ближній дворянинъ Андрей Григорьевичъ Савинъ посломъ къ Англійской королевѣ, и дьякъ Семень Севастьяновичъ, въ качествѣ его секретаря. Одинъ изъ прикащиковъ. Даніэль Сильвестръ, назначенъ былъ въ переводчики, а Томасъ Гловеръ отправлялся для торговыхъ расчетовъ. Въ іюнѣ сѣли они на корабль у Розоваго острова и въ сентябрѣ были въ Лондонѣ.

Новая привилегія, исходатайствованная Рандольфомъ, давала право Англичанамъ быть подъ вѣдомствомъ лишь Опричины, которая учреждена за четыре года предъ тѣмъ, и не имѣтъ никакой зависимости отъ Земщины. Англійскій торговый домъ

*) А Бенистеръ уже въ Москвѣ былъ боленъ и 3 іюля умеръ на пути, предпріятомъ съ Доккетомъ и 13-ю другихъ Англичанъ изъ Ярославля въ Персію. За годъ до того, въ 1568, изъ Ярославля же предпринята была экспедиція въ Персію Артуромъ Эдвардсомъ и Джономъ Спаркомъ.

находился въ Москвѣ на Варваркѣ за гостиннымъ дворомъ у церкви Максима Исповѣдника, на Юшковскомъ дворѣ. Варварка принадлежала къ вѣдомству Земщины: но для Англійскаго дома сдѣлано исключеніе. Точно также и въ другихъ городахъ, причисленныхъ къ вѣдомству Земщины: существовавшіе и впредь быть имѣвшіе дома Англичанъ отданы подъ начальство Опричины ¹⁾.

Россійская компанія въ Лондонѣ еще въ 1557 г. узнала отъ Непѣи, чрезъ толмача его, Роберта Беста, о существованіи желѣзной руды и о выдѣлкѣ изъ нея уклада въ краю на сѣверо-востокъ отъ Вологды (равно и въ Тулѣ): при возвращеніи Непѣи директоры компаніи послали приказъ доставить образцы этого рода стали. Въ 1566—1567 г. Дженкинсонъ имѣлъ порученіе исходатайствовать у царя позволеніе заложить на счетъ компаніи копи желѣзной руды въ Россіи. Теперь этотъ пунктъ внесенъ былъ въ привилегію. Англичанамъ дозволено было устроить желѣзный заводъ на Вычегдѣ, въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи ²⁾: для этого имъ отведенъ былъ значительный участокъ лѣса. Въ письмѣ Бенистера и Доккета отъ 25 іюня объ этомъ говорится: *He hath given the company a mine of iron with wood and ground to make the same six mile compasse, lying hard by the waterside and is like to growe to great commoditie both to the company and to our country.* Мастерские для заводскихъ работъ и для обученія русскихъ должны были пріѣхать изъ Ан-

¹⁾ Въ письмѣ Бенистера объ этомъ въ Лондонѣ сказано: *So that being of Opprisnay no man of Esemsekye dare meddle with the English.* Въ рукописномъ англійскомъ переводѣ привилегіи стоитъ: *their other houses in our townes of the Sempskyes.* А Гаклейтъ передаетъ это словами: *Houses in towne of Senopski.* Карамзинъ, читая Гаклейта, не догадывался, что *Senopski* стоитъ здѣсь вмѣсто *Semski* и *towne* вмѣсто *townes*, и полагалъ, что здѣсь разумѣется какой нибудь неизвѣстный ему городъ. Въ видѣнной мною рукописи Рандольфовой привилегіи читается: *We have grannted them the said house at S. Maxims in Mosko free.* А у Гаклейта: *at S. Maxims in the halfe free:* опять непростительный промахъ.

²⁾ У Гаклейта сказано: *We have grannted to the English Merchants leave to buy them a house at Wichida.* Но въ рукописи читается: *leave to build them a house.*

глин, гдѣ тогда желѣзо плавилось и ковалось еще посредствомъ древеснаго угля, а каменный уголь, или лучше, коксъ, вошелъ въ употребленіе лишь чрезъ полстолѣтіе. Часть выдѣлываемаго на Вычегдѣ желѣза должно было продавать въ Россіи, другую часть позволялось вывозить въ Англію.

Англійскіе купцы получили также позволеніе передѣлывать иностранные талеры въ ходячую монету. Привилегія, данная 1568 г. Гловеру, Руттеру, Бенету и Чепелю, была отмѣнена, и торговать въ Россіи, а чрезъ нее и въ Персіи, дозволено только членамъ компаніи. Со стороны русскаго правительства было выговорено, чтобы цѣнные предметы, вывозимые изъ Англіи и изъ Персіи, объявлялись прежде всего въ царской казнѣ, и чтобы ей принадлежалъ первый выборъ. Англичане обязывались также исполнять царскія порученія. Имъ дозволено было построить канатную фабрику въ Вологдѣ, близъ своего торговаго дома, на подаренной имъ для того землѣ, и дано мѣсто для постройки дома въ Нарвѣ.

Слѣдуетъ сказать о водвореніи Англичанъ въ устьѣ Двины, что вовсе выпущено изъ вида нашими историками и географами. Мѣстопребываніемъ ихъ здѣсь былъ такъ-называемый Розовый островъ.

Якорнымъ мѣстомъ для англійскихъ кораблей былъ самый крайній восточный уголь южнаго края Двинской губы въ Бѣломъ морѣ къ востоку отъ Неноксы, гдѣ Стефенъ Борро и Чанслеръ въ первый разъ ступили на русскую почву. Этотъ уголь назывался рейдомъ, или бухтою, также гаванью св. Николая.

Изъ четырехъ устьевъ Двины самое южное, названное на картѣ Рейнеке Никольскимъ, называлось тогда Корельскимъ. Между этимъ и ближайшимъ съ сѣвера устьемъ, и прежде и послѣ называвшимся Пудожемскимъ *), находится

*) Южное устье называлось Корельскимъ потому, что оно обращено къ Корелии; Пудожемское получило свое названіе отъ противолежащаго Пудожемья (прежде выговаривалось: Подужемье; а французъ Соважъ написалъ въ 1586 г. Poudes-James); Мурманское устье названо по Мурманскому морю; а о Березовскомъ, самомъ сѣверномъ устьѣ, служившемъ для самыхъ большихъ кораблей, мы знаемъ отъ Стефана Борро, что оно называлось Березовой губой.

островъ, названный на упомянутой картѣ: Ягры, а въ началѣ XVII вѣка называвшійся Ягорнымъ (вѣроятно отъ *якорь*), именно потому, что здѣсь съ 1553 года корабли становились на якорѣ.

Этотъ островъ Англичане назвали Розовымъ (Rose Island), по причинѣ множества ростшихъ здѣсь дикихъ розъ. Южный край его отдѣляется отъ твердой земли лишь узкимъ, самымъ южнымъ рукавомъ Двины, который прежде, какъ видно изъ старинныхъ документовъ, назывался Малокурьемъ.

На этомъ-то островѣ, гдѣ росли «дамасцены и красныя розы, фіялки и дикій розмаринъ», и гдѣ былъ сосновый и березовый лѣсъ, поселились Англичане, насупротивъ Никольскаго монастыря, близъ ручья, дававшего превосходную воду. Впрочемъ, прежде своего здѣсь поселенія, они хотѣли построить домъ на Березовой губѣ. Стефень Борро 29 мая 1557 г. измѣрялъ Березовскій фарватеръ и нашелъ въ немъ при самой низкой водѣ тринадцать футовъ. 19 февраля 1559 г. Грей писалъ изъ Холмогоръ къ Лену въ Москву: «Я думаю построить домъ на Березовой или противъ мѣста, гдѣ будутъ становиться корабли; онъ будетъ стоить не дороже трехъ рублей, и если вамъ угодно, въ немъ будутъ двѣ теплыя комнаты».

На Розовомъ островѣ товары, привозимые изъ Англїи, перегружались съ кораблей на дощаники и насады, на которыхъ по Малокурью и Двинѣ перевозились въ Холмогоры, а оттуда въ Вологду. На такихъ-же судахъ и тѣмъ-же путемъ славлялись по Двинѣ къ Розовому острову русскіе товары и здѣсь грузились на корабли для отправки въ Англїю, а отсюда иногда на югъ Европы. Таможни здѣсь не было: торговля производилась свободно; привозили и вывозили, что угодно. Здѣсь въ англійскомъ домѣ останавливались и пользовались гостепріимствомъ прїѣзжавшіе и отъѣзжавшіе Англичане, проѣзжіе англійскіе купцы и посланники. Здѣсь провели день (13 іюля) Соутгемъ и Спаркъ, ѣздившіе въ 1566 году изъ Хормогоръ въ Новгородъ. Отсюда Рандольфъ посѣтилъ 1568 г. Никольскій монастырь; отсюда писалъ какъ онъ, такъ и Бенистеръ съ Доккетомъ, 12 августа того-же года чрезъ Вильяма Борро къ Вильяму Сесилю; здѣсь Борро далъ тогда-же инструкцію

Джемсу Басендину, отправлявшемуся въ путешествіе на Востокъ отъ Печоры.

Изъ шести кораблей, присланныхъ изъ Темзы къ Розовому острову въ 1567 г., по предписанію компаніи должно было нагрузить товарами только три для Лондона; остальные же, съ воскомъ и саломъ, назначались для Бискаи («Byskeye») и Галиціи («Gallyssia» въ Испаніи), для Лиссабона («Lysheborne») въ Португалліи. Въ Римъ назначалась на пробу пряжа и нѣкоторое количество льна и конопли. Директоры писали, что на корабляхъ, назначенныхъ къ отправкѣ на югъ, поверхъ груза, можно еще положить для Англій канатовъ (не толще десяти дюймовъ), тюки льну, кожъ, пряжи, равно и другія не тяжелыя вещи, которыя легко можно выгрузить въ Гарвичъ или въ Downs, послѣ чего корабли могутъ отправляться далѣе. Въ то время (1567) цѣны на русскія произведенія стояли въ Лондонѣ слѣдующія: воскъ — 3 ф. стер. 14 шилл. и 4 ф. ст. за центнеръ; сало — 18 ш.; ленъ — 28—30 ш.; конопля 12 ш.; смоленые канаты, приготовляемые Англичанами въ Вологдѣ — 18 ш. (прежде Англія получала канаты изъ Данцига); пряжа — 11 пенс.; ворвань — 10 ф. ст. за тонну; оленьи шкуры — 6 ш. 8 пенс. за штуку; сыромятныя кожи — 3 ш. 4 пенс. Замѣчательно, что тогда-же требовали на пробу въ Лондонъ русской шерсти, потому что ее считали болѣе годною для шляпъ и войлоковъ *). Прибавлю еще, что изъ Англій привозили тогда значительное количество соли какъ въ Нарву, такъ и къ Розовому острову. На Двинѣ, хотя здѣсь были свои соловарни, Англичане получали выгоды six dingots на пудъ.

*) Директоры писали: There is a certayne kind of woll verie good in those parts for hatts and ffelts. The Tartarians are accoustomed to make their clooks therof, yt is much like the Estrich wooll. We praye you to send us some therof for a prooffe, ffor we have more perfect ffelts made here in London at this present, than any are made in Spaigne and in great quantitie also.

VI.

Грамота царя Іоанна В., отправленная съ Савинымъ королевѣ Елизаветѣ, — первая, сохранившаяся въ Англіи въ русскомъ оригиналѣ. — Текстъ ея. — Возвращеніе Савина и утвержденіе торговаго договора англійскою королевою. — Докторъ Бомель въ Москвѣ. — Неудовольствіе Іоанна В. на результатъ переговоровъ. — Конфискація англійскихъ товаровъ и уничтоженіе привилегій, данныхъ Лондонской компаніи. — Приѣздъ Беста въ Москву для переговоровъ по этимъ дѣламъ. — Голодь и моровая язва въ Москвѣ; нашествіе Девлетъ-Гирея. — Пожаръ въ Москвѣ. — Гибель дома англійской факторіи въ Москвѣ и многихъ Англичанъ въ пожарѣ. — Приемъ Беста царемъ въ Александровской слободѣ и обѣщаніе возстановить привилегіи. — Прибытіе Дженкинсона и приемъ его въ Александровской слободѣ. — Возстановленіе привилегіи. — Отвѣтъ царя отъ 14 мая 1572 г. и возвращеніе Дженкинсона въ Лондонъ.

Посланная съ Савинымъ грамота царя Іоанна Васильевича къ королевѣ Елисаветѣ подписана въ одинъ день съ привилегіей, именно 20 іюня 1569 г. въ Вологдѣ. Это — древнѣйшая царская грамота, сохранившаяся въ русскомъ подлинникѣ въ Англіи, и потому она не лишена для насъ интереса. Бывъ сложена вдвое, она на складкѣ сильно пострадала отъ огня, вслѣдствіе чего она состоитъ теперь изъ двухъ половинокъ. До сихъ поръ, кажется, никто не касался ея содержанія: въ каталогѣ Коттоновой библіотеки (Nero; V. XI, 90) она значится подъ названіемъ «двухъ русскихъ бумагъ» — «two papers, Russian». Вотъ текстъ, снятый мною съ этого документа:

«Сестрѣ нашей Елизавети. Божию милостию королевне «аглинской францовской хиперской оборонителной христіянские «вѣры и иныхъ. Что присылала еси къ намъ посла своего томоса рандолфу зъ грамотою а въ ней писала еси... И мы ту твою грамоту сестры своей вычли и вразумѣли гораздо и что твоего наказу съ нимъ было и то все до нашихъ ушь донесено. и твоего посла томоса рандолфа вѣрнейшаго слугу твоего

съ честностию посолскимъ обычаемъ приняли и какъ межъ насъ съ тобою съ сестрою своею братству и любви быти..... и «дѣло дѣлати съ твоими послы боярина своего и намѣстника вологодцкого князя ооонасыя ивановича вяземского да діяка своего петра григорьева и какъ пригожъ межъ насъ братству и любви быти. и они по нашему повелѣнью съ твоимъ «посломъ сестры нашыя съ томосомъ съ рандолфомъ на томъ и «договоръ учинили. и мы твоего посла томоса рандолфа къ тебѣ сестрѣ своей отпустили а съ нимъ къ тебѣ послали есмя «отъ своихъ вѣрниишихъ ближнего своего дворянина ондрѣя «григорьевича совина да съ нимъ діяка своего семена савостьянова и о всѣхъ своихъ дѣлехъ приказали есмя къ тебѣ сестрѣ «своей съ своимъ посломъ съ ондрѣемъ зъ григорьевичемъ съ «совинымъ и съ твоимъ посломъ съ томосомъ какъ межъ насъ «братству и любви быти и межъ обѣихъ земель покою и до«броду прибытку быти. а о томъ бы еси на насъ не подивила «что посла есмя твоего у себя позадержали. посоль твой поза«держался тѣмъ обычаемъ по тому какъ есмя къ тебѣ твоего «посланника онтонія отпустили и которые рѣчи къ тебѣ съ нимъ «приказывали и какъ по тѣмъ срокомъ какъ было къ намъ бы«ти отъ тебя сестры-нашныя королевны онтонью и намъ про он«тонья вѣдома которого не учинилось а твой посоль томосъ «рандолфъ еще не пришолъжо. ино пришолъ посланникъ твой «юрьи милдунгинъ на ругодивъ такъже и выныя мѣста пришли «многие посланники а сказывались всѣ твоими гонцы и мы ихъ «велѣли роспрашивати твой посланникъ онтоней сестры нашныя «до тебя дошолъли и что о томъ къ намъ приказъ естли и «какъ онтоней къ намъ будетъ или хто иной въ его мѣсто къ «намъ будетъ и они обнявся гордостью къ намъ которого от«вѣту не учинили и къ нашему *)... дѣло всторонѣ. а во.. всѣхъ «г.. напередъ дѣла кончаютца да потомъ прибытковъ ищутъ. а

*) Недостающія здѣсь строки читаются въ современномъ англійскомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: «They (Manley and Middleton) would not come to our near and privie counsaile and would make them privie of none of their affaires, all that they saide was of marchannt affaires and settinge our highnes affaires aside, as it is the use of all countries that princes affaires should be first ended and after that to seek a gaine».

«и посоль твой томосъ приѣхавшы за тѣмъ же замешкалъ что
«посылали есмя къ нему и пятыя и шестыя чтобъ у нашихъ со-
«вѣтниковъ былъ и для того известилъ съ какимъ онъ дѣломъ
«приѣхалъ и мыбъ потому его посолство приняли для того что
«есмя которое слово приказывали къ тебѣ къ сестрѣ своей съ
«онтономъ и тому дѣлу явно быти не пригожъ и посоль твой
«не поѣхалъ же къ нашимъ бояромъ на совѣтъ и то дѣло за
«тѣмъ проволочлося и какъ посоль твой наши очи виделъ и боя-
«ромъ нашимъ то извѣстилъ что за нимъ о томъ дѣле что есмя
«къ тебѣ съ онтономъ приказывали приказъ есть и мы его
«учали жаловати и то дѣло почалось дѣлати и совершивъ
«то дѣло отпустили есмя его къ тебѣ съ своимъ посломъ
«съ ондрѣемъ зъ григорьевичемъ съ совинымъ. а что еси при-
«слала къ намъ свою грамоту съ своимъ гонцомъ съ юрьемъ
«съ милдюнтинымъ и съ купцы о купецкомъ дѣле и о счете и
«мы то приказали боярину своему и намѣстнику вологодцкому
«князю ооанасью ивановичю вяземскому съ твоимъ посломъ съ
«томосомъ сыскати и купцы твои съ тѣми купцы которые у
«насъ въ нашемъ государствѣ съ томосомъ считались да сче-
«стись здѣсе не умѣли. и мы для счету отпустили въ твою зем-
«лю томоса иванова съ своимъ посломъ съ ондрѣемъ зъ гри-
«горьевичемъ и они межъ себя тамъ сочтутца а къ тебѣ къ се-
«стрѣ своей королевне елизавети о твоихъ купцѣхъ о томосе
«да о рафе да о христофоре приказали есмя говорити своимъ
«словомъ послу своему ондрѣю григорьевичю въ чемъ передъ
«тобою тѣ купцы виновати и тыбъ тѣхъ купцовъ для нашего слова
«пожаловала опалу свою отдала имъ по тому что тѣ купцы томосъ
«да рафъ въ томъ дѣле съ начала были какъ у насъ съ тобою
«быти братству и любви. а гостемъ твоимъ и купцомъ о тор-
«говле какъ имъ въ наше государство и выные государства
«черезъ наше государство ходити съ торгомъ дали есмя грамо-
«ту по твоему прощенью и по ихъ челобитью а у твоихъ же
«купцовъ у томоса у иванова съ товарищи грамоту есмя взяли
«а ту есмя грамоту дали б...ж... наши любви и братства. Да-
«на грамота... москов... миру, зѡѢ мѣсяца іюн... а царствъ на-
«шихъ росіиского кѣ казанского зѣ астраханского «».

Савинъ подаль королевѣ Елизаветѣ русскую грамоту съ

латинскимъ и итальянскимъ переводомъ ¹⁾. Онъ всѣми силами добивался формальнаго акта о заключеніи дружественнаго союза между своимъ государемъ и англійскою королевою. 6 мая 1570 г. представилъ онъ ноту, которою просилъ, чтобы актъ былъ составленъ для царя (не знавшаго чужихъ языковъ) на русскомъ языкѣ, точь въ точь съ его словъ, чтобы королева подписала его и приложила свою печать. Онъ желалъ также, чтобы Елизавета подтвердила договоръ присягой въ его присутствіи. Онъ просилъ, съ другой стороны, чтобы и королева отправила отъ себя посланника, принять такой актъ союза отъ его государя. Онъ выразилъ еще желаніе, чтобы въ Россію опять послали Антонія Дженкинсона, потому что все дѣло имъ было начато.

Лѣтомъ 1570 года Савинъ, съ Севастьяновымъ, Сильвестромъ и Гловеромъ, возвратился въ Москву. Въ Лондонѣ обнаружилось, что Гловеръ долженъ компаніи болѣе четырехъ тысячъ рублей, которые ему предоставлено было выплатить агенту ея въ Москвѣ, Николаю Проктору. Компанія оказала ему нѣкоторое снисхожденіе въ уваженіе просьбы Иоанна Васильевича.

Союзный актъ былъ подписанъ 18 мая. По желанію Вильяма Гаррарда, онъ былъ переведенъ Сильвестромъ на русскій языкъ еще въ Лондонѣ. Такъ какъ онъ довольно хорошо сохранился въ нашемъ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, то я не считаю нужнымъ распространяться объ немъ ²⁾. Замѣчу только, что Елизавета увѣряетъ Иоанна, что «она рада будетъ видѣть его въ Англии съ благородною супругой и милыми дѣтьми», тогда какъ царь съ 1 сентября 1569 года опять былъ вдовцомъ.

Савинъ привезъ съ собою въ Москву человѣка, который

¹⁾ Въ отвѣтѣ королевы отъ 18 мая 1570, посланномъ съ Савинымъ, сказано: Both which tongues (the romayne ant the italian) wee doe well understand.

²⁾ Въ Лондонѣ я нашелъ другой проектъ этого акта. Тамъ говорится: We have thought good in some secret manner to send your highnes for a manifest and certain token of our good will to your highnes estate and suretye this our secret lettre whereunto non are privie besides ourselfe but our most secret counsell.

надѣлалъ у насъ много зла. Это былъ докторъ Елисей Бомель. Онъ родился въ Везелѣ, въ Вестфалии, учился медицинѣ въ Кембриджѣ и слылъ за искуснаго астролога. Въ Лондонѣ народъ стекался къ нему, какъ къ колдуну; были его почитатели и изъ знати. Архіепископъ Метью Паркеръ посадилъ его наконецъ въ тюрьму, откуда обѣщались освободить его лишь съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Англии. 3-го апрѣля 1570 года писалъ онъ къ архіепископу, что знаетъ средство спасти Англию отъ угрожающихъ ей бѣдствій. Паркеръ въ тотъ-же день написалъ объ этомъ къ Сесилию, къ которому 7 апрѣля обратился и Бомель, представляя отрывокъ своего сочиненія: *De utilitate astrologiae*, въ которомъ онъ доказываетъ, что чрезъ каждыя пятьсотъ лѣтъ въ какомъ-нибудь государствѣ происходятъ великія перемѣны, и что теперь именно столько лѣтъ прошло отъ нашествія Норманновъ. Бомель, очевидно, хотѣлъ напугать правительство въ это смутное время, чтобы такимъ образомъ получить въ глазахъ его значеніе.

Въ началѣ мая Бомель увѣдомилъ Вильяма Сесилия, что находящійся въ Лондонѣ русскій посланникъ, стало-быть Савинъ, присылалъ къ нему въ тюрьму и приглашалъ его ѣхать въ Россію, обѣщая хорошее содержаніе. Бомель просилъ Сесилия не препятствовать этому проекту, потому что въ слѣдующее воскресенье Савинъ намѣренъ былъ просить на это соизволенія королевы. За это Бомель обѣщалъ Сесилию быть его усерднѣйшимъ корреспондентомъ, который будетъ сообщать ему всякаго рода свѣдѣнія о Россіи и сосѣднихъ странахъ (*Moscovitarum et vicinorum mores, temperamenta, coeli qualitatem, regionis situm et res ibi memorandas*), и, въ добавокъ, ежегодно присылать подарочки (*munuscula grati animi significationes*). Правительство, вѣроятно, радо было сбыть съ рукъ Бомеля и къ несчастію онъ дѣйствительно пріѣхалъ къ намъ съ Савинымъ.

Бомель много толковалъ съ Грознымъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Александровской слободѣ и въ Вологдѣ. Карамзинъ ошибается, полагая, что Бомель первый внушилъ Грозному мысль свататься къ королевѣ Елизаветѣ: онъ только вновь пробудилъ въ немъ эту мысль своими астрологическими бред-

нями ¹⁾). По словамъ Горсея, который зналъ Бомеля въ Москвѣ, онъ увѣрилъ царя, что королева молода и что есть вѣроятность въ пользу его сватовства. Кромѣ того, своими коварными и корыстными интригами онъ, вѣрно, не разъ вводилъ царя въ опрометчивость. Пользуясь его благоволеніемъ, онъ не только имѣлъ средства жить роскошно, но и отправлялъ чрезъ Англiю много денегъ и дорогихъ вещей въ Вестфалiю ²⁾). И въ то-же время, по словамъ Горсея, оставался всегдашнимъ врагомъ Англiи. Онъ былъ казненъ за заговоръ, составленный имъ съ нѣкоторыми другими лицами въ пользу королей польскаго и шведскаго. Сначала онъ запирался, рассчитывая на друзей въ числѣ назначенныхъ Иоанномъ для изслѣдованiя дѣла вмѣстѣ съ царевичемъ; но пытка заставила его рассказать больше, чѣмъ заключалось въ его письмахъ, писанныхъ частію по-латыни и по-гречески, частію цыфрами. Карамзинъ говоритъ, что онъ «сожженъ былъ всенародно»; это не совсемъ точно. Послѣ пытки, его привязали къ жерди и палили на огнѣ; потомъ, положивъ за мертво на сани, повезли его въ Кремль. На пути, Горсей въ толпѣ, сопровождавшей этотъ поѣздъ, замѣтилъ, что Бомель одинъ разъ открылъ глаза и произнесъ имя Христа. Затѣмъ онъ былъ брошенъ въ тюрьму и тамъ умеръ ³⁾). Жена его, урожденная Рикардсъ, въ 1583 г. возвратилась въ Англiю съ Геронимомъ Баусомъ.

1) «He had deluded the Emperor makinge him believe the Queen of England was yonge and that yt was very favorable for him to marry her». Горсей.

2) «He lived in great favour and pompe a skilfull mathematician a wicked man and practicer of much mischieff, most of the Noble wear glad of his dispatch for he knew much by them. He had conveyed great riches and treasures owt of the country by way of England to Waesell in Waestvallia where he was bowrn though brought up in Cambridge, an enymie alwaies to our nation». Стрype говоритъ о Бомелѣ: «he was a physician of great fame pretending to be skilled much in art magic and astrology as well as physic perhaps the son of Henricus Bomelius a preacher of God's word at Wezel».

3) «Upon the racke his arms drawen back disjointed and his leggs stretched from his middell loynes, his back and bodie cutt with wyre whippes confessed much and many things more than was written or willinge the Emperor should knowe. The Emperor sent word they should rost him. Taken from the pudkie and bound to a wooden pooel or spitt his bloody cutt back and body rosted and scorched till they thought no liff in him. Cast into a slead brought throw the castell. I prest amonge many others to see him. Cast up his eys naminge Christ. Cast into a dungeon and died there».

Иоаннъ Васильевичъ нисколько не былъ доволенъ тѣмъ, что Савинъ успѣлъ сдѣлать въ Лондонѣ. Въ оправданіе свое, Савинъ письменно изложилъ царю, что тамъ поступали съ нимъ не такъ, какъ слѣдовало съ посланникомъ. Хотя Савинъ умеръ, но его записка оставалась вреднымъ для англійскаго купечества документомъ.

Бывшій съ Савинымъ въ Лондонѣ, толмачъ Даниилъ Сильвестръ, теперь, 24 октября 1570 года, былъ отправленъ съ грамотой царя къ королевѣ Елизаветѣ. Эта грамота содержитъ краткій историческій обзоръ бывшихъ доселѣ сношеній Россіи съ Англійей, — обзоръ не совсѣмъ точный. Въ немъ говорится, будто Чанслеръ пріѣзжалъ въ Россію трижды. Царь жалуется, что Дженкинсонъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія касательно тайнаго порученія, хотя онъ, какъ и бывшій притомъ переводчикомъ, Ральфъ Руттеръ, далъ клятву въ вѣрности. Царь высказываетъ свое неудовольствіе на Рандольфа еще за то, что онъ ни князю Вяземскому, и никому другому не хотѣлъ предварительно объявить, данъ ли ему какой-либо отвѣтъ на тайное порученіе царя. Савинъ не былъ будто бы принятъ, какъ слѣдовало. Царь говоритъ, что Елизавета царствуетъ, какъ женщина, слабо, предоставляя купцамъ распорядиться дѣлами. Ни о его желаніяхъ, ни о его порученіяхъ, — думаютъ только о своихъ купеческихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе того, заключаетъ царь, теперь онъ приказалъ тотчасъ уничтожить всѣ привилегіи, какъ данныя Рандольфу, такъ и прежнія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что теперь онъ отказывается отъ своихъ видовъ касательно Англій *).

*) На англійскомъ языкѣ эта грамота передана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «You have set aside those (our) great affaires and your councell doth deale with our ambassadour about marchannts affaires. And your marchannts (разумѣются члены Россійской компаніи) did rule all our busines and wee had thought that you had been ruler over your lande and had sought honor to your self and profit to your countrie and therefore wee did pretend those wightie affaires between you and us. But now wee percieve that there be other men that doe rule and not men but bowres and marchannts the which seeke not the wealth and honour of our majesties, but they seeke their own proffitt of marchanndize. And you flowe in your maydenlie estate like a maide and whosoever was trusted in our affaires and did deceave us; it were not meete that you should credditt them. And

Еще до прибытія Сильвестра въ Лондонъ, королева, вслѣдствіе извѣстія объ уничтоженіи привилегій, полученнаго директорами Россійской компаніи, отправила къ Іоанну Васильевичу съ письмомъ отъ 24 января 1571 года вышеупоминаемаго Роберта Беста, какъ человѣка, хорошо знавшаго по-русски и уже нѣсколько знакомаго царю. Отъ того-же числа королева писала къ королю шведскому Іоанну III, что царь безъ всякаго основанія конфисковалъ всѣ англійскіе товары въ Россіи (*inictis manibus sub aresto custodiantur*). Потому компанія отправляетъ теперь этого посла (разумѣется Бестъ, впрочемъ не названный здѣсь по имени), для переговоровъ: царь названъ здѣсь Дух). Королева говоритъ далѣе, что купцы намѣрены вывезти изъ Россіи всѣ свои товары, чтобы впредь не подвергаться такимъ непріятностямъ, и потому проситъ короля дать послу свободный пропускъ туда и обратно. Точно также и въ будущее лѣто корабли англійскихъ купцовъ будутъ проходить мимо Швеціи.

Въ письмѣ къ Іоанну Васильевичу Елизавета увѣряетъ, что Савинъ былъ принятъ со всѣмъ должнымъ почетомъ въ Лондонѣ и проситъ дозволить ея подданнымъ свободную торговлю, какъ было прежде.

Бестъ прибылъ въ Россію въ тяжелое время. Здѣсь царствовалъ страшный голодъ *) и свирѣпствовала моровая язва. Въ довершеніе этихъ бѣдствій, 24 мая (1571) явился подъ Москвою ханъ Девлетъ-Гирей съ многочисленною толпою Та-

now seeinge it is so wee doe sett aside these affaires and those bowrishe marchannts that have been the occasion that the pretended welthes and honors of our maiesties hath not come to passe but doe seeke their owne wealthes they shall see what traffique they shall have here... all those priviledges which wee have given affore time shall be from this daie of none effect». Въ это трудное время, именно съ 1567 по 1571 годъ, агентомъ компаніи въ Москвѣ былъ Вильямъ Роулей (Rowley), большой знатокъ въ отдѣлкѣ суконъ и въ торговлѣ ими.

*) Даниилъ Сильвестръ съ извѣстіемъ о голодѣ въ Россіи прибылъ въ Лондонъ, вѣроятно, еще въ концѣ 1570 года; потому что въ слѣдующемъ, 1571 году, уже привезенъ на Розовый островъ хлѣбъ изъ Англій. Этимъ хлѣбомъ былъ нагруженъ, вѣроятно, корабль the Magdalene, на которомъ пріѣхалъ Ричардъ Оскомбъ. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ Англичане не могли продавать и хлѣба: только въ 1572 г. Дженкинсонъ въ Старицѣ испросилъ на то у царя разрѣшеніе. Продажа производилась безошлинно.

тарь. Варварамъ удалось зажечь нѣсколько домовъ въ предместьяхъ, и въ нѣсколько часовъ царская столица сгорѣла до тла, такъ, что въ ней, по словамъ одного Англичанина, не осталось кола, чтобы привязать лошадь. Нѣсколько сотъ тысячъ людей, здѣшнихъ и изъ окрестностей, погибло отъ огня, или задохнулось въ каменныхъ церквахъ и погребяхъ, или потонуло въ Москвѣ рѣкѣ. Дженкинсонъ въ письмѣ отъ 8 августа 1571 и кто-то изъ посольства короля Сигизмунда отъ 20 июня 1570, согласно показываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи голодъ принуждалъ народъ къ людоедству. Дженкинсонъ замѣчаетъ, что моровая язва похитила тогда около трехъ сотъ тысячъ человекъ, и около того-же числа истреблено нашествіемъ Девлетъ-Гирея.

Домъ компаніи на Варваркѣ также сгорѣлъ, и въ принадлежавшемъ къ нему погребѣ погибло до тридцати человекъ, его жильцовъ и ихъ друзей и знакомыхъ, искавшихъ въ немъ убѣжища. Въ числѣ погибшихъ были: Томасъ Соутгемъ, въ 1566 году совершившій поѣздку съ Двины въ Новгородъ; Томасъ Карверъ, аптекарь, пріѣхавшій въ Москву въ 1567 или 1568 г.; вдова золотыхъ дѣлъ мастера, Томаса Грина, съ двоими своими дѣтьми и съ двоими же дѣтьми Ральфа Руттера; но самъ Руттеръ и его жена, равно Джонъ Броунъ и Джонъ Кларкъ, спаслись какимъ-то чудомъ. Прежній агентъ Томасъ Гловеръ и тогдашній — Вильямъ Роулей, чтобы спастись отъ жара и духоты въ пивномъ погребѣ, рѣшились уйти изъ него въ другой погребъ. Не смотря на ѣдкій дымъ, непозволявшій открыть глазъ, имъ удалось добраться до другаго погребя; но шедшій за ними мальчикъ погибъ въ пламени. Въ этомъ новомъ убѣжищѣ они нашли Джона Спарка, спутника Соутгему въ 1566 г. и соучастника четвертой экспедиціи въ Персію, подъ начальствомъ Артура Эдуардса въ 1568—1569 г. Томасъ Гловеръ, едва спасшійся отъ пожара, вскорѣ уѣхалъ въ Нарву. Отсюда послалъ онъ, отъ 2 іюля (1571 г.) описаніе этого бѣдствія, постигшаго Москву и домъ англійской компаніи при письмѣ къ старшему изъ ея директоровъ, Вильяму Гаррарду, предоставляя рассказать дальнѣйшія подробности посланному съ этимъ письмомъ слугѣ своему, Джону Гонту.

Другое, менѣ обстоятельное описаніе пожара прислано въ Лондонъ, какъ кажется, Николаемъ Прокторомъ (который впоследствии былъ агентомъ въ Москвѣ); сочинитель говоритъ, что онъ оставилъ Москву за восемь часовъ до запора воротъ и до появленія пламени и спѣшно ѣхалъ въ Ярославль черезъ Переяславль и Ростовъ. Въ концѣ іюля мы видимъ его на Розовомъ островѣ, гдѣ онъ разсказалъ о пожарѣ прибывшему тогда, въ одно время съ Дженкинсономъ, изъ Англіи Ричарду Оскомбу (Uscombe), который передалъ этотъ разсказъ въ письмѣ отъ 5 августа, съ Розоваго острова, къ Генриху Лену. Оба описанія въ сущности согласны: только погибшихъ здѣсь полагается 25, а не 30, какъ у Гловера *). Убытки компаніи отъ пожара были значительны: Вильямъ Роулей оцѣнилъ ихъ въ десять тысячъ рублей.

При приближеніи Татаръ, царь Іоаннъ Васильевичъ изъ Серпухова, не заѣзжая въ Москву, прямо отправился на Переяславль и прибылъ въ Ярославль. Здѣсь онъ остановился лишь проѣздомъ въ Вологду, гдѣ онъ въ 1566 году построилъ Кремль съ каменнымъ помѣщеніемъ для своей казны и откуда онъ могъ отплыть на построенномъ для него, просторномъ суднѣ, на Розовый островъ, чтобы укрыться отсюда въ уединенный Соловецкій монастырь, или, въ случаѣ большей бѣды, отправиться въ Англію. Позднѣе онъ избралъ себѣ мѣстопробываніе между Москвою и Ярославлемъ, въ Александровской

*) Извѣстный исторіографъ Англіи и Лондона, Джонъ Стоу (Stow), приготавливавшій тогда къ новому изданію свди «*Englishe Chronicles*», скопировалъ оба описанія московскаго пожара, но невѣрно, и притомъ безтолково слилъ ихъ въ одно. Сверхъ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Гловеръ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, Стоу ошибочно ставитъ: Вильямъ, вмѣсто: Томасъ. Рукопись Стоу хранится въ Британскомъ Музеѣ, съ надписью *in Stow's handwriting*. Съ этой бумаги снятъ былъ для графа Н. П. Румянцова неполный и съ ошибками списокъ подъ заглавіемъ: *Destruction of Moscow by John Stow*. Это ввело въ ошибку Аделунга, который считаетъ Стоу сочинителемъ этого описанія, и догадывается, что онъ былъ въ 1571 г. при торговыхъ дѣлахъ въ Москвѣ и какъ очевидецъ описалъ ея бѣдствіе. Съ этой рукописью соединенъ въ одинъ переплетъ сдѣланный Геронимомъ Горсеемъ переводъ письма Теодора Іоанновича къ королевѣ Елизаветѣ отъ апрѣля 7097, т. е. 1589 г. (о докторѣ Флетчерѣ): этотъ переводъ Аделунгъ принимаетъ за окончаніе мнимаго сочиненія Стоу о Московскомъ пожарѣ.

слободѣ (нынѣ Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи). Отсюда отвѣчалъ онъ въ августѣ 1571 г. королевѣ Елизаветѣ на письмо, присланное съ Робертомъ Бестомъ. Онъ обѣщалъ возстановить привилегіи, если Дженкинсонъ привезетъ ему удовлетворительный отвѣтъ на данное ему тайное порученіе *). Въ припискѣ къ этому письму сказано, что царь сейчасъ получилъ извѣстіе о прибытіи Дженкинсона на Двину.

26 іюля Дженкинсонъ, съ толмачемъ Даниломъ Сильвестромъ дѣйствительно явился на Розовомъ островѣ. Онъ пріѣхалъ на кораблѣ the Swallow, который плылъ въ сопровожденіи корабля Harry. Нѣсколько раньше Дженкинсона на Розовый островъ пріѣхалъ Николай Прокторъ и сообщилъ ему, что царь чрезвычайно сердитъ на него. Дженкинсонъ отправилъ къ нему Сильвестра просить его приказаній на счетъ переговоровъ. Кромѣ главнаго письма къ Іоанну, Дженкинсонъ снабженъ былъ другимъ краткимъ, которое онъ долженъ былъ послать къ царю для извѣстія о своемъ прибытіи. Въ Кембриджѣ я нашелъ двѣ редакціи такого письма. По причинѣ карантинныхъ ни Сильвестру, ни другому послу не удалось доѣхать до мѣстопробыванія царя; но мы видѣли, что онъ уже въ августѣ имѣлъ свѣдѣніе о пріѣздѣ Дженкинсона. Въ то время Грозный въ Александровской слободѣ занятъ былъ выборомъ невѣсты и 24 октября женился на прекрасной новгороженкѣ Марѣ Васильевнѣ Собакиной. Но этотъ nos flogim быстро увялъ: черезъ семнадцать дней послѣ свадьбы она скончалась. Черезъ недѣлю послѣ своей свадьбы Грозный женилъ царевича Іоанна на Евдокии Богдановнѣ Сабуровой, которую онъ самъ выбралъ также изъ числа многихъ созванныхъ ко двору дѣвицъ. Овдовѣвъ, Іоаннъ Ва-

*) Бесту поручено было также просить царя объ освобожденіи Томаса Грина и Ральфа Руттера, которыхъ, по разсказу Рандольфа, считали заключенными въ тюрьму. Но Гринъ уже умеръ, а объ Руттерѣ, который былъ уже освобожденъ и котораго требовали въ Лондонъ, для того чтобы онъ далъ отчетъ компаніи, Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ, что онъ отпуститъ его по исполненіи вышеупомянутаго условія. Съ Дженкинсономъ Елизавета еще разъ писала отъ 2 іюня (1571 г.) объ отпускѣ Грина.

сильевичъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще свѣжо было воспоминаніе о прежнемъ царскомъ посѣщеніи. Онъ прибылъ туда 24 декабря и выѣхалъ оттуда 18 января 1572 года. По возвращеніи своемъ въ слободу, онъ позвалъ изъ Холмогоръ Дженкинсона. 23 марта Дженкинсонъ явился къ царю и поднесъ письмо королевы Елизаветы отъ 2 іюня 1571 г., въ которомъ она отвѣтила на всѣ пункты, выставленные въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 года.

И съ этого интереснаго письма я снялъ для себя копію въ Кембриджской публичной бібліотекѣ. Странно, что ошибка, допущенная въ царской грамотѣ отъ 24 октября 1570 года касательно троекратнаго приѣзда Чанслера въ Москву, и здѣсь повторяется безъ всякаго замѣчанія. Въ письмѣ королевы говорится: *Scribit deinde Serenitas Vestra eundem Ricardum Chansler iterum et tertio missum et semper quidem honorifice tractatum et dimissum incolumem*. Касательно тайнаго порученія сказано, что Дженкинсонъ вѣрно исполнилъ оное въ свое время, и что его до сихъ поръ не отправляли къ царю потому, что его нужно было употребить противъ непріятели на водѣ и на сушѣ. Поведеніе Менлея королева обѣщала подвергнуть изслѣдованію, а Миддельтонъ (*quem probum virum cognovimus*) былъ, вѣроятно, не вѣрно понятъ. О Рандольфѣ сказано, что ему было приказано отдать письмо королевы прямо царю, не говоря о его содержаніи съ совѣтниками. О Савинѣ королева полагаетъ, что его донесеніе въ результатѣ все-таки должно быть удовлетворительно для царя. На замѣчаніе царя касательно управленія Елизаветы сказано: *Ille (Jenkinson) verissime narrabit Serenitati Vestrae mercatores nullos statum et res nostras gubernare sed nosmet ipsos rebus gerendis invigilare ut virginem et reginam decet a Deo optimo maximo constitutam, nec usquam gentium cuiquam principi maiorem praeberi obedientiam quam nobis a nostris populis, quod cum Dei optimi maximi munus sit eius numini gratias ob id agimus humilissimas et maximas*. Королева надѣется, что привилегіи Англичанъ будутъ восстановлены, напоминаетъ царю о взятіи Вильямомъ Борро польскихъ пиратскихъ кораблей близъ Нарвы въ 1570 году, и замѣчаетъ, что Англія можетъ быть полезна Рос-

сии разнымъ образомъ: *res omnis generis in vestrum imperium subditi nostri exportaverunt ad conciliandam vestram benevolentiam, quas nos ad alios nullos orbi terrae principes exportari sinimus* (намекъ на военные снаряды). *Et vero possumus vobis confirmare multos principes ad nos scripsisse* (разумѣются преимущественно императоръ Фердинандъ и король польскій Сигизмундъ), *ut vestram amicitiam deponeremus, nos tamen nullis literis adduci potuimus quin constanter in amicitia permanerimus.*

По окончаніи церемоніальной аудіенціи, Іоаннъ Васильевичъ удержалъ у себя Дженкинсона еще нѣсколько времени, при чемъ, кромѣ секретаря, присутствовалъ только толмачъ Сильвестръ. Царь говорилъ о причинахъ своего неудовольствія. Кромѣ Менлея и Миддельтона, онъ изъявлялъ неудовольствіе еще на Эдуарда Гудмана, который былъ будто-бы посланникомъ въ Нарвѣ; но я нигдѣ не нашелъ извѣстія о томъ, чтобы Гудманъ былъ отправленъ туда съ порученіемъ отъ королевы или отъ директоровъ компаніи. Дженкинсонъ старался оправдать поведеніе Рандольфа, напоминалъ выгоды, которыя Англія доставляетъ Россіи и просилъ возобновить привилегіи. Имѣя въ виду свой скорый отъѣздъ изъ Александровской слободы, царь велѣлъ Дженкинсону ожидать его прибытія въ Твери. 8 мая онъ потребовалъ его къ себѣ въ Старицу (въ Тверской губерніи) и на аудіенціи 23 мая объявилъ ему то-же, что писалъ королевѣ съ Сильвестромъ, прибавивъ впрочемъ, что теперь, посольствомъ Дженкинсона, онъ удовлетворенъ и думаетъ возобновить привилегіи; но и теперь онъ повторилъ, что рѣшительно отказывается отъ своихъ прежнихъ расчетовъ на Англію.

Такъ какъ Іоаннъ Васильевичъ въ этотъ разъ намекалъ на дурное поведеніе Англичанъ въ Россіи, то кстати замѣтить, что и директоры Россійской компаніи въ Лондонѣ еще за пять лѣтъ до того сильно упрекали своихъ прикащиковъ за ихъ поведеніе въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ. Отъ 18 апрѣля 1567 г. они писали къ своему повѣренному Вильяму Роулею о вкравшихся между ними беспорядкахъ и злоупотребленіяхъ, какъ-то: о пьянствѣ (*typling*), плотскомъ развратѣ, содержаніи

собакъ и медвѣдей, излишней роскоши въ платьѣ (in velvets and silke), выѣздахъ (they ride when we goe afoote). Имъ предписано было форменное платье и опредѣлена цѣна каждой одежды. Шуба, назначенная на три года, поставлена въ этой таблицѣ цѣною въ одинъ рубль

Въ слѣдующій день Дженкинсонъ получилъ отвѣтъ на всѣ свои просьбы, грамоту къ королевѣ и приказаніе отправиться въ Холмогоры, куда ему обѣщали прислать привилегію и Ральфа Руттера, котораго требовали въ Англію. Но въ концѣ іюля Дженкинсонъ принужденъ былъ сѣсть у Розоваго острова на корабль безъ привилегіи и безъ Руттера. Послѣ долгаго и въ высшей степени опаснаго плаванія, 10 сентября онъ присталъ къ берегу въ Норфолькѣ. Хотя онъ былъ цѣлый годъ въ Россіи, однако вовсе не видалъ Москвы, которая за нѣсколько мѣсяцевъ до его пріѣзда въ Россію сгорѣла.

VII.

Новое письмо королевы Елизаветы 20 октября 1572 года посл. съ Сильвестромъ, объ огражденіи компаніи отъ нарушенія ея привилегіи англійскими купцами. Отвѣтъ царя отъ 15 апрѣля 1573 года. — Письма королевы отъ 27 октября того-же года; и отъ 26 мая 1574; послѣднее объ удовлетвореніи за Англичанъ, ограбленныхъ и убитыхъ на Каспійскомъ морѣ. — Мѣновая торговля Англичанъ на лапландскомъ берегу. — Переписка и переговоры между царемъ и королевой въ 1574 и 1575. — О времени назначенія Симеона Бекбул. госуд. Московскимъ. — Свидѣтельства Вильбрандта, Горсея, Флетчера, Кобенцеля. — Грамота отъ имени Симеона. — Отправленіе Сильвестра въ Лондонъ съ жалобами царя 29 янв. 1576 г. — Смерть Сильвестра отъ грома. — Нѣкоторыя свѣдѣнія по запискамъ Горсея о его позднѣйшихъ услугахъ царямъ Іоанну В. и Ѳедору Іоанновичу.

На письмо царя отъ 14 мая (1572 г.), привезенное Дженкинсономъ, Елизавета отвѣчала письмомъ изъ Виндзора отъ 20 октября того-же года. Королева говоритъ, что Іоаннъ Васильевичъ такъ много сдѣлалъ для Англичанъ, что ей нечего желать болѣе (*nihil uberius fieri potuerit, nec in amicitia honorificentius*); поручаетъ покровительству царя находящихся въ

Россіи членовъ компаніи, особенно новаго агента ея, Николая Проктора, и ожидаемыхъ изъ Персіи Бенистера и Доккета (перваго впрочемъ тогда уже не было въ живыхъ), и просить не принимать ни какихъ просьбъ отъ Гловера и Руттера, давно уже не принадлежащихъ къ компаніи, а отправить ихъ чрезъ Проктора въ Англію. Это письмо Елизаветы отправлено въ Москву съ Сильвестромъ.

Любопытно видѣть, сколько участія принимала въ дѣлахъ компаніи Елизавета. Когда компанія хотѣла что-нибудь испрашивать у царя, директоры подавали записку о томъ Вильяму Сесилю (съ 1571 онъ Lord Burghley), который немедленно докладывалъ о ихъ желаніи королевѣ. Въ настоящемъ случаѣ просьба компаніи отъ эльдермана Ліонеля Доккета была подана лорду 18 октября чрезъ Даніэля Сильвестра, которому хорошо были извѣстны ходъ и положеніе вещей. Доккетъ просилъ, чтобы письмо королевы дано было Сильвестру на англійскомъ языкѣ, потому что онъ не знаетъ латинскаго языка, и въ Москвѣ едва-ли кто сѣумѣетъ правильно перевести письмо съ латинскаго на русскій. По той-же причинѣ съ письмомъ королевы отправленъ былъ именно Сильвестръ, а не другой кто-нибудь.

15 апрѣля 1573 года Іоаннъ Васильевичъ писалъ Елизаветѣ чрезъ Сильвестра, что онъ, по ея желанію, предоставилъ Проктору и другимъ Англичанамъ, принадлежащимъ къ компаніи, полную свободу торговли, а Гловера, Руттера и другихъ соперниковъ привилегированной компаніи выслалъ изъ своей земли.

Королева благодарила письмомъ отъ 26 іюля и рекомендовала царю новаго агента, Вильяма Меррика.

Королева узнала отъ Сильвестра, что въ Новгородѣ конфискованы товары компаніи за то, что въ войскѣ шведскаго короля Іоанна III, противъ Россіи оказалось много Англичанъ. Королева отстраняетъ эту непріятность, увѣряя, что то были, безъ сомнѣнія, Шотландцы, а не Англичане. Андрей Атертонъ назначенъ факторомъ, вѣроятно, въ Новгородъ.

27 октября (1573) и 26 мая (1574) Елизавета опять писала къ Іоанну Васильевичу: первое изъ этихъ писемъ привезено

опять Сильвестромъ. Королева узнала, что партія Доккета на возвратномъ пути изъ Персіи ограблена на Каспійскомъ морѣ и что при этомъ нѣсколько человѣкъ убито и ранено. Они просили царя потребовать удовлетворенія. Въмѣстѣ она сообщаетъ, что теперь, по возобновленіи милости царя и по удаленіи Гловера и другихъ безпокойныхъ людей, она намѣрена посылать въ Россію много кораблей и назначаетъ главнымъ агентомъ своимъ Вильяма Борро, котораго и рекомендуетъ царю.

Въ 1574 году было также прислано нѣсколько компанейскихъ Англичанъ на лапландскій берегъ для мѣновой торговли. Тамъ зимовали: Роджеръ Личъ (Leeche), Джемсъ Альдей, Христофоръ Кольтъ и виноторговецъ Адамъ Тонсталь (Tunstal): съ ними былъ еще мальчикъ. Съ 1565 года къ лапландскому берегу стали ѣздить антверпенскіе купцы. Въ 1570 г. они въ первый разъ побывали на Корельскомъ морѣ. На голландскихъ корабляхъ пріѣзжали тогда итальянскіе художники и мастеровые къ Соловецкому монастырю, откуда по Онегѣ отправлялись въ Москву.

Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ королевѣ чрезъ Сильвестра 20 августа (1574 г.). Онъ жалуется на поступки нѣкоторыхъ Англичанъ въ Россіи, на службу ихъ соотечественниковъ въ войскѣ короля шведскаго и вновь напоминаетъ о неисполненіи данныхъ въ 1567 г. Дженкинсону, тайныхъ порученій и выраженныхъ имъ тогда желаній.

Королева отвѣчала на это 9 мая 1575, отправивъ того-же Сильвестра, который теперь снабженъ былъ подробною инструкціей. Въ этомъ письмѣ королева изъясняетъ сожалѣніе, что Англичане въ Россіи ведутъ себя будто-бы дурно, но полагаетъ, что это, можетъ быть, не принадлежащія къ компаніи; повторяетъ, что мнимые Англичане, находящіеся въ шведской службѣ, вѣроятно, Шотландцы, надъ которыми она не имѣетъ власти. Дѣло о тайномъ порученіи она считаетъ со времени послѣдняго посольства Дженкинсона совершенно оконченнымъ. Присяги въ охраненіи союзнаго договора она не приняла, чтобы не возбудить толковъ, а мысль о убѣжищѣ въ Россіи была бы крайне непріятна ея подданнымъ.

29 ноября 1575 г. Сильвестръ имѣлъ въ Москвѣ аудіен-

цію у Іоанна Васильевича въ его опричинскомъ дворцѣ, который онъ построилъ внѣ Кремля, по ту сторону Неглинной близъ Воздвиженки, тамъ, гдѣ былъ прежде, сгорѣвшій въ 1564 г. домъ черкаскаго князя Михаила Темрюковича. Эта аудіенція достопамятна въ Русской Исторіи: изъ нея видно, что тогда Іоаннъ Васильевичъ только-что возвелъ въ званіе правителя государства, татарскаго хана Саинъ-Булата, крещеннаго, какъ кажется, лишь за два года до того, именно въ 1573 г. и нареченнаго Симеономъ (Бекбулатовичемъ): царь далъ ему титулъ *Великаго Князя всеа Русіи*, а себѣ предоставилъ называться лишь *Государемъ Княземъ Московскимъ*.

Іоаннъ Васильевичъ еще разъ выразилъ Сильвестру (хорошо знавшему русскій языкъ) свое неудовольствіе на то, что Елизавета не вполнѣ приняла предложенныя имъ условія союза. Впрочемъ — замѣтилъ царь — онъ предвидѣлъ это еще въ 1567 году, когда давалъ порученія Дженкинсону (котораго онъ самъ тогда приводилъ къ себѣ чрезъ потаенное крыльцо). Но теперь — прибавилъ онъ — бразды правленія уже переданы имъ въ руки чужеземца, нерусскаго уроженца и не-царскаго происхожденія; впрочемъ казну онъ оставилъ въ своемъ распоряженіи. Этотъ чужеземецъ, не кто иной, какъ вышеупомянутый татарскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичъ.

До сихъ поръ оставалось въ точности неизвѣстнымъ, когда именно Симеонъ Бекбулатовичъ возведенъ въ правители Россіи. Но какъ мы знаемъ теперь грамоту 1 декабря 1575 г., данную еще отъ имени Іоанна, то можемъ догадываться, что правленіе великаго князя Симеона началось именно около этого времени (то есть, съ послѣднихъ чиселъ ноября или съ первыхъ декабря). Въ такомъ случаѣ въ лѣтописи Виллебранда время этого событія обозначено вѣрно. Въ ней сказано: «Въ 1575 г. великій князь Иванъ Васильевичъ передалъ управленіе государствомъ татарскому князю, по имени Симеону, попавшему въ плѣнъ при взятіи Казани». Иеронимъ Горсей, одинъ изъ московскихъ приказчиковъ англійской компаніи, полагалъ, что воцареніе Симеона должно считать главнѣйшимъ образомъ за финансовую спекуляцію. Такъ писалъ и докторъ Флетчеръ въ

своей книжкѣ, которая, сказать мимоходомъ, почти вся составлена изъ извѣстій Горсея, какъ Павелъ Джіовіо составилъ свое описаніе изъ разсказовъ Дмитрія Герасимова, а Фаберъ изъ словъ Василія Власія: разница только въ объемѣ. Горсей говоритъ, что Іоаннъ короновалъ Симеона, но не торжественно и безъ совѣщанія съ думой. Онъ сказываетъ также, что самъ царь поклонился Симеону до земли и велѣлъ сдѣлать то же высшимъ духовнымъ, дворянамъ и чиновникамъ. Замѣчательно, что и Горсей, бывавшій въ домѣ Симеона вѣдателя, князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, называетъ Симеона сыномъ казанскаго хана. Около того-же времени, именно 1 декабря (1575 г.) прибылъ на границу Россіи, въ Оршу, посоль отъ Императора Максимилиана II, Гансъ Кобенцель фонъ Проссегъ съ Даніэлемъ Принцемъ фонъ-Бухау. Царь едва ли могъ быть радъ этимъ гостямъ, которые могли передать императору вѣсть о его отрѣченіи отъ престола. Можетъ быть, онъ желалъ бы отказать имъ въ пріемѣ; но они были аккредитованы грамотой императора и везли въ даръ царю корону съ императорскимъ шифромъ, украшенную драгоценными алмазами. Пословъ проводили въ Дорогобужъ, куда отправлены были тверской воевода Никита Юрьевичъ Юрьевъ-Романовъ и Можайскій воевода князь Василій Андреевичъ Сицкій-Ярославскій, съ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Они представили посламъ письмо Іоанна, которымъ онъ, именуя себя царемъ, просилъ ихъ пріостановиться въ Дорогобужѣ, покуда онъ не возвратится изъ своего путешествія (предпринятаго, какъ объясняли посламъ, по обычаю православныхъ во время бывшаго тогда поста), обѣщая принять ихъ въ скоромъ времени, только не въ Москвѣ а въ Можайскѣ. Пятьдесятъ три дня прождали они въ Дорогобужѣ: въ это время въ Можайскъ перевезена изъ Москвы разная дорогая утварь для пріема и угощенія пословъ съ надлежащею пышностью. Не смотря на всѣ предосторожности, до пословъ дошли какіе-то слухи объ отрѣченіи царя: они узнали, что Симеонъ коронованъ былъ митрополитомъ *).

* Кобенцель пишетъ: «Paulo ante nostrum adventum quadraginta circiter nobiles qui in caput ipsius (Joannis) iterum conspirarent, capite plexit, et

Между тѣмъ и Кобенцель и Принцъ сообщаютъ, что царь, принимая ихъ 27 янв. 1576 г. въ Можайскѣ, имѣлъ на себѣ корону (такъ какъ онъ все-таки былъ хотя только московскимъ великимъ княземъ. Возлѣ царевича стояла корона; Иоаннъ Васильевичъ держалъ въ лѣвой рукѣ скипетръ, а царевичъ — посохъ отца. Во время обѣда обѣ короны стояли на скамьѣ близъ стола.

До сихъ поръ не замѣчали, что императорскіе послы были въ Россіи въ правленіе Симеона Бекбулатовича. Между тѣмъ это ясно обнаруживается изъ того, что Иоаннъ говорилъ Сильвестру 29 ноября 1575 года и 29 января 1576. Хотя Горсей, бывшій тогда въ Москвѣ, упоминаетъ, что великому князю Симеону поручено было принимать всѣхъ иностранныхъ пословъ, и что нѣкоторые отказались представиться ему; но это

ob improbilitatem subditorum imperio sese abdicans, summam rerum Simeoni Czari Casanensis filio tradidit et diadema quoque ipsi, uti ex quorundam sermone intelleximus, per metropolitam imposuit. Путешествіе Кобенцеля, написанное по-иллирійски и потомъ переведенное на итальянскій и на латинскій языкъ, было снабжено невѣрнымъ заглавіемъ: именно, оно приписано Филиппу Пренистайну, бывшему въ Россіи въ 1579 году. А какъ въ самомъ текстѣ записокъ авторъ называется Иоганномъ или Гансомъ, то выдумали Иоганна Пренистайна (Пернштейна). Ошибка итальянцевъ повторилась и у Тургенева, а Аделунгъ на томъ-же основаніи находитъ ошибку у Карамзина, тогда какъ онъ самъ, напротивъ, дѣлаетъ ошибку, говоря о Иоганнѣ Пернштейнѣ и Филиппѣ Пренистайнѣ. Онъ избѣжалъ бы этой ошибки, еслибы итальянскую рукопись Румянцовскаго Музея, снабженную невѣрнымъ заглавіемъ и такимъ-же хронологическимъ показаніемъ, сравнилъ по Вихману со спискомъ латинскаго перевода, находящимся въ Вѣнѣ. Аделунгъ полагаетъ даже, что Кобенцель и Принцъ были въ Москвѣ. Между тѣмъ дѣла этого посольства были весьма поспѣшно окончены въ Можайскѣ между 24 и 29 января 1576 года, и царь даже не пригласилъ пословъ побывать въ Москвѣ. Принцъ, также оставившій намъ о себѣ записку, долженъ былъ до мая ждать въ Дерптѣ возвращенія бѣлозерскаго воеводы, князя Захарія Ивановича Сугорскаго и дьяка Андрея Арцыбашева, которые отпращены были къ Максимилиану II. Впрочемъ приемъ и угощеніе пословъ въ Можайскѣ были блистательны. Кобенцель рыцарскою честью увѣряетъ, что онъ не могъ бы ожидать лучшаго приема ни въ Римѣ, ни въ Италіи. Странно, что ни Кобенцель, ни Принцъ не жалуются, что ихъ не пригласили въ Москву: они какъ будто желаютъ даже, чтобы читатель не замѣтилъ этого. Иоаннъ Васильевичъ далъ богатые дары для императора и велѣлъ сказать, что ему было бы пріятно, еслибы Максимилианъ прислалъ ему архитектора, искуснаго строить церкви и крѣпости, мастера ковать доспѣхи, и хорошихъ пщелей.

относилось, вѣроятно, только къ посламъ азіатскихъ странъ. Пословъ императора Горсей не видалъ. Съ именемъ великаго князя Симеона есть грамота, данная въ январѣ 1576 года: вѣроятно, это было до прибытія Кобенцеля въ Можайскъ. Надобно полагать, что Іоаннъ, оставивъ себѣ только титулъ князя московскаго, сдѣлалъ для императорскихъ пословъ исключеніе и потому-то не хотѣлъ принять ихъ въ Москвѣ. Онъ взялъ правленіе въ свои руки въ началѣ 7085 года, потому что отъ 2 сентября 1586 онъ далъ сохранившуюся до нашего времени грамоту, въ которой онъ называетъ себя царемъ. По этому и здѣсь хронологія Виллебранда правильна, а Маржеретъ ошибочно продолжаетъ царствованіе Симеона на два года. Горсей пишетъ объ отрѣченіи Іоанна: *The device of his own head might have sett him clear beside the saddell, if yt had contined but a little longer. Yt is happie he is become invested again in statu quo prius.* Флетчеръ, разумѣется, повторяетъ то же, только въ другихъ словахъ. Такимъ образомъ правленіе Симеона продолжалось отъ начала декабря 1575 года до сентября 1576 (то есть до начала 7085), слѣдовательно девять мѣсяцевъ ¹⁾.

29 января 1576 года, Сильвестръ былъ на прощальной аудіенціи у Іоанна, конечно, въ Можайскѣ, а не въ Москвѣ ²⁾, гдѣ кромѣ царевича присутствовали послы императора Максимилиана, Кобенцель и Принцъ. Іоаннъ Васильевичъ опять

¹⁾ Послѣ того Симеонъ Бекбулатовичъ получилъ титулъ князя Тверскаго, отнятый у него потомъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Дальнѣйшая судьба его извѣстна. Онъ ослѣпъ. Первый самозванецъ 29 марта 1606 послалъ его въ Кирилловъ бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ принялъ имя Стефана. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ его, 29 мая того-же года, въ Соловецкій монастырь, а князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, по его просьбѣ, снова помѣстилъ его, 25 іюня 1612 года, въ Кирилловъ монастырь. Наконецъ въ 1616 году онъ умеръ и погребенъ въ Симоновскомъ монастырѣ въ Москвѣ, какъ и супруга его Анастасія, умершая еще въ 1607 г., 7 іюня, монахиней подъ именемъ Александры.

²⁾ Во многихъ, видѣнныхъ мною, копіяхъ записки объ этой аудіенціи читается: *in his town of Moscovia*, вѣроятно, по ошибкѣ писцовъ, вмѣсто *Moshaisko*, потому что 29 ноября 1575 г. Сильвестръ писалъ: *in his Cittye of Musco* (а не *Moscovia*) *and howse of Oprisheno*. Въ этихъ копіяхъ есть и другія описки.

говорилъ Сильвестру о своемъ отрѣченіи, но прибавилъ, что онъ возьметъ власть въ свои руки, когда захочетъ. Онъ сообщилъ также Сильвестру, что теперь онъ ведетъ съ императоромъ Максимилианомъ переговоры о союзѣ, какой онъ предлагалъ Елизаветѣ, жаловался на холодность ея къ его предложенію и приписывалъ это ея высокомерію; упоминалъ о выгодахъ, какія доставлялъ Англичанамъ въ Россіи, именно о дозволеніи выдѣлывать канаты для англійскаго флота и торговыхъ судовъ, и кончилъ замѣчаніемъ, что онъ оказываетъ Елизаветѣ болѣе расположенія, нежели получилъ отъ нея доказательствъ дружбы.

Въ первыхъ числахъ іюля (1576 г.) Даніэль Сильвестръ съ новою грамотой къ королевѣ Елизаветѣ прибылъ на Розовый островъ, и потомъ поѣхалъ въ Холмогоры, гдѣ 15 числа того-же мѣсяца, во время приготовленій въ далекій путь въ англійскомъ торговомъ домѣ, былъ убитъ громомъ. Всѣ его бумаги, въ томъ числѣ и царская грамота, вмѣстѣ съ самымъ домомъ сдѣлались жертвой пламени. Царь, получивъ объ этомъ извѣстіе, былъ очень тронутъ и сказалъ: «воля Божья!» Такъ кончились переговоры, веденные Сильвестромъ.

Прерываю здѣсь обзоръ древнѣйшихъ сношеній Россіи съ Англіей въ теченіе слишкомъ двухъ десятилѣтій, хотя и послѣ того они представляютъ въ себѣ не мало любопытнаго. Такъ, изъ Записокъ Жерома Горсея, который, прибывъ въ Москву въ 1572 году, умѣлъ снискать и поддерживать къ себѣ расположеніе двора при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, равно и при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и при Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ, я вижу, что царица Ирина Ѳедоровна (сестра Годунова), вступившая въ бракъ съ Ѳедоромъ Іоанновичемъ въ 1580 г., нѣсколько разъ была беременна, прежде нежели въ первый разъ въ 1592 году разрѣшилась дѣвочкой, которая вскорѣ умерла. Горсей, въ описаніи своего путешествія въ Англію, совершеннаго по порученію Ѳедора Іоанновича въ 1585—1586 гг., оставилъ слѣдующую замѣтку. «Я потратилъ много времени, спрашивая у ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ ихъ мнѣній и наставленій для императрицы Ирины въ ея трудныхъ обстоятельствахъ Ѳор консертюн анд

«проквратионъ оо чилдрень» (при зачатіи и рожденіи дѣтей, т. е. во время беременности и при родахъ). Горсей употребилъ въ этихъ словахъ русскія буквы, чтобы скрыть это содержаніе записокъ отъ любопытныхъ, сдѣлавъ впрочемъ ошибку въ употребленіи буквы р вмѣсто п). «Она вышла замужъ семь лѣтъ «назадъ (въ 1586 году было однако только шесть лѣтъ) и часто «консеявед» (бывала беременна). (Спрашивалъ вмѣстѣ) «и о нѣ-«которыхъ другихъ брачныхъ обстоятельствахъ, на что былъ «уполномоченъ секретно». Королевѣ Елизаветѣ онъ доклады-валъ, что Θεодоръ Іоанновичъ поручилъ ему просить ея величество приказать найти хорошую англійскую повивальную бабку, для супруги его, Ирины Θεодоровны. Бабка была найдена и отправлена съ Горсеемъ въ Россію при письмѣ королевы Елисаветы *). При переводѣ этого письма какъ-будто нарочно опущено было мѣсто о повивальной бабкѣ: на русскомъ говорится только о докторѣ Робертѣ Якобѣ, который пріѣхалъ тогда въ Москву во второй разъ. Вѣроятно, это сдѣлано было по распоряженію Годунова, которому, можетъ быть, неприятно было прибытіе искусной акушерки для его сестры-царицы. Повивальную бабку даже и не допустили до Москвы: она доѣхала только до Вологды. Въ одномъ, видѣнномъ мной въ Англій, письмѣ директоровъ Россійской компаніи къ лорду Бурглею говорится, что царица Ирина даже и не зна-

*) Вотъ текстъ этого письма, по черновому списку, найденному мной въ Кембриджѣ: «*Elisabetha etc. Serenissimae Orine Russiae Imperatrici etc. — Serenissima et potentissima Princeps amica et soror charissima. Singularis quae de insigni vestra prudentia virtutibus rarissimis et moribus tanta principe vere dignis fama circumfertur crebro etiam sermone praestantis viri Doctoris Jacobi medici nostri confirmata facit ut Serenitatem vestram vero animi affectu amemus, eique fausta et foelicia omnia ardentem optemus. Ideoque de valetudine et incolumitate vestra non sollicitae esse non possemus. — Itaque non solum (quod nobis amanter petiit) obstetricem expertam et peritam missimus, quae partus dolores scientia leniat, sed medicum etiam nostrum qui nostram valetudinem curare solebat praedictum Doctorem Jacobum una amandamus, hominem vobis antea cognitum fide plenum ut medica arte in qua excellit, obstetricis actiones dirigat, et vestrae valetudini fideliter inserviat. Cupimus enim vehementer, non in hiis solum sed in aliis etiam omnibus quae Serenitati vestrae placere possunt sororio animo libentissime gratificari. Quam Deus optimus maximus etc. Datum e Regia nostra Grinvici die mensis Martii 24. anno domini 1585 (=1586) regni vero nostri 27».*

ла, что королева Елизавета прислала ей повивальную бабку (nor was the Empresse made privie of any suche woman (a mid-wife) commended from her Maiestie; the Empress never knew of her). Проживъ въ Вологдѣ больше года, бабка, ничего не сдѣлавъ, должна была поздней осенью 1587 года воротиться въ Лондонъ на кораблѣ, отплывшемъ съ Розоваго острова. Подозрѣвая, что она недопущена была въ Москву къ царицѣ Горсеемъ, она подала на него королевѣ Елизаветѣ жалобу. Горсей былъ уже въ 1580 г. отправленъ Иоанномъ черезъ Лифляндію въ Англію съ важнымъ порученіемъ. Надобно было достать нужныхъ тогда, всякихъ военныхъ запасовъ. Письмо царя къ королевѣ Елизаветѣ и его инструкція Горсею тщательно спрятаны были секретаремъ посольства Саввой (или Савельевымъ) Фроловымъ, въ потайномъ ящикѣ деревянной винной фляги, съ виду очень простой, и Горсей прицѣпилъ эту флягу подъ гривой своей лошади. Онъ благополучно прибылъ въ Лондонъ. Королева Елизавета замѣтила, что отъ царской грамоты пахло водкой. Она повелѣла отнустить все, требуемое Иоанномъ, и въ слѣдующее лѣто, 1581 г., Горсей привелъ съ собой къ Розовому острову тринадцать большихъ кораблей, нагруженныхъ селитрой, сѣрой, порохомъ, свинцомъ и мѣдью на девять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. У Нордкапа онъ выдержалъ битву съ датскими кораблями. Царю представилъ онъ донесеніе въ Александровскую слободу и получилъ должную благодарность.

Съ Горсеемъ прибылъ въ Москву въ первый разъ и докторъ Робертъ Якобъ. Россійская компанія въ Лондонѣ дала ему при отъѣздѣ сто рублей и содержала его на свой счетъ, пока не назначилъ ему, въ декабрѣ, жалованье Иоаннъ Васильевичъ. Впослѣдствіи докторъ Якобъ досадилъ компаніи, выславъ въ Англію на свой счетъ большое количество воску, въ ущербъ выгодамъ компаніи. Его братъ умеръ въ Россіи, а онъ самъ, по смерти Иоанна Васильевича въ 1584 г., возвратился въ Англію съ серомъ Жеромомъ Баусомъ, аптекаремъ Финчемомъ и вдовой Бомеля. Въ 1586 году Горсей привезъ въ Москву множество разныхъ предметовъ и тѣмъ доставилъ царю много удовольствія, а еще больше Годунову.

Въ томъ числѣ было: два льва, двѣнадцать собакъ (mastive dogs, grey and blood hounds), золоченные доспѣхи, алебарды, пистолеты, органы и эпинеты (музыкальные струнные инструменты съ клавиатурой), вещи съ драгоценными камнями, золотыя цѣпочки, жемчугъ, красный и кармазинный бархатъ, и пр. Годуновъ привозилъ свою сестру, царицу Ирину, смотрѣть все это и слушать органы. «Особенно удивлялись», пишетъ Горсей, «органамъ и эпинетамъ, какъ вещамъ никогда невиданнымъ и неслыханнымъ до тѣхъ поръ; тысячи народа сходились и стояли около палатъ, чтобы слышать ихъ; мои люди, игравшіе на нихъ, много отъ того выигрывали и были допускаемы «туда, гдѣ и я самъ не могъ быть». Это удовольствіе много способствовало къ тому, что торговой компаніи дана была такая выгодная привилегія и что проживавшимъ на Руси Англичанамъ предоставлены были разныя льготы.

Никита Романовичъ Юрьевъ-Романовъ, дѣдъ Михаила Ѳеодоровича, имѣлъ домъ возлѣ дома Англичанъ: между ними стояла только церковь Максима Исповѣдника. Когда Іоаннъ Васильевичъ отнялъ у него все имѣніе, Никита Романовичъ тотчасъ послалъ къ Англичанамъ за бумажной матеріей на необходимое платье для себя и для своихъ дѣтей, стало быть, и для Ѳеодора Никитича, въ послѣдствіи патріарха Филарета. Для послѣдняго Горсей написалъ, какъ могъ, латинскую грамматику русскими буквами. Юный Ѳеодоръ Никитичъ находилъ большое удовольствіе въ занятіи латинскимъ языкомъ по учебнику Горсея, хотя онъ конечно былъ крайне недостаточенъ.

До основанія города Архангельска Розовый островъ былъ складочнымъ мѣстомъ въ нашей торговлѣ съ Англіей черезъ Сѣверный океанъ. Когда посоль Ѳеодоръ Андреевичъ Писемскій на возвратномъ пути изъ Англіи*) присталъ къ русско-

*) Онъ отправленъ былъ для переговоровъ о Маріи Гастингъ, на которой царь Іоаннъ Васильевичъ, по рекомендаціи доктора Роберта Якоби, хотѣлъ жениться, хотя былъ тогда женатъ на седьмой женѣ. Писемскій былъ дворянинъ изъ Шапка. Его секретаря, извѣстнаго намъ только подъ именемъ Неудача, я нашелъ въ Англіи въ переводѣ грамоты, привезенной

му берегу съ посланникомъ королевы Елизаветы, Жеромомъ Баусомъ, то первый остановился въ Никольскомъ монастырѣ, а второй въ англійскомъ домѣ на Розовомъ островѣ.

Хотя Іоаннъ Васильевичъ еще (4 марта) 1583 г. повелѣлъ у древняго, досточтимаго Михайловскаго монастыря, построить городъ по плану, предложенному тогдашнимъ двинскимъ воеводой Петромъ Афанасьевичемъ Нащокинымъ, что и выполнялось быстро, однако Англичане удержали за собой позволеніе продолжать дѣла по мореплаванію въ прежнемъ своемъ заведеніи на Розовомъ острову. Въ вышеупомянутой привилегіи 1586—1587 г., выхлопотанной Жеромомъ Горсеемъ, говорится: «Мы жалуемъ имъ (Англичанамъ), чтобы они продолжали владѣть домомъ и амбаромъ у становища въ Пудожемскомъ устьѣ и чтобы они не были обязаны переносить эти заведенія къ новоустроенному городу (Ново-Холмогоры, позднѣе Архангельскъ), но имъ по прежнему дозволяется выгружать англійскіе привозные товары и нагружать вывозные русскіе у прежняго ихъ дома (на Розовомъ островѣ). Холмогорскіе чиновники должны только получать списки такимъ товарамъ, но не имѣютъ права ихъ осматривать». Когда Горсей по полученіи привилегіи и другихъ льготъ для англійской компаніи отправлялся обратно въ Англію, его проводилъ изъ новаго города Холмогоръ къ англійскому торговому двору на Розовомъ островѣ воевода князь Василій Андреевичъ Звенигородскій съ большими почестями*). Горсей съ своими людьми сѣлъ на корабль на Розовомъ островѣ 26 августа и вышелъ на

Писемскимъ, съ болѣе полнымъ именемъ: Неудачъ Гавриловъ, Толмачъ Писемскаго назывался Reginald Beskman. А толмачомъ, который сообщилъ королевѣ возобновленное въ 1583 году желаніе царя пріѣхать въ Англію и жениться на Маріи Гастингъ, былъ Aedius Crow. Королева писала отъ 8 іюня 1583 года, что она весьма рада принять его. Но царь, какъ извѣстно, умеръ 18 марта, прежде нежели Баусъ отправился обратно въ Англію.

*) Горсей пишетъ: «The Duke mett me at the Castellgate with three hundred gonners shott of their calivers and all the ordinance he hat in the Castell for honnor of my waelcom, all the dutch and french ships (стало быть 1587 года было уже много послѣдователей, прибывшихъ на Двину вслѣдъ за первымъ Французомъ Соважемъ) in that roade shott of also their ordinance by the Duks apointment before I came. He feasted me the next daie brought me to my barge,

берегъ 30 сентября у Тэйнмаута въ Нортумберландѣ, откуда на почтовыхъ чрезъ Йоркъ прибылъ въ четыре дня въ Лондонъ. Королева Елизавета въ Ричмондѣ велѣла Горсею истолковать себѣ русское письмо привилегіи и сказала: I could quickly learn it. Лорда Эссекса (Robert Devereux) она вызывала учиться русскому языку (the famous and most copious language in the world). Дары изъ Москвы представлены ей были позднѣе въ Гринвичѣ; она приняла ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Розовый островъ, какъ и берегъ Неноксы, гдѣ остановился Чанслеръ, заслуживали бы памятника въ воспоминаніе плодотворныхъ, по своимъ послѣдствіямъ, событій. Розовый островъ былъ колыбелью не только нашей заграничной торговли, но и вообще русскаго мореходства. Заведенное Англичанами мореходство на устьѣ Двины, какъ извѣстно, заманило юнаго Петра побывать тамъ въ 1693 году. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ онъ море и плавалъ по нему; здѣсь побывалъ онъ на иностранныхъ корабляхъ, отсюда отправилъ первый русскій

had appointed fifty men to rowe and hundred gonners in small boats to garde me to Rose Iland, did me all the honnor he could in his golden coate, told me he was comanded by the Kings letters so to doe, toke leave and preied me to signifie his service to Boris Fedorowitsch. Came within four hours to Rose Iland beinge but thirty miells wher all the english masters agent and merchants mett me. The gonners landed before me stode in rancke and shott of all their calivers which the ships heeringe shott of also some of their ordinance. The gonners and bargmen made drinckce at the seller dore and dispatched that night back again to the Castell. The next day friers of St. Nicholas brought me a present, fraesh salmons rye loaves, cupps and painted plaetters. The third daye after my arivall (on Rose Iland) ther was sent a gentlemann Sablock Savera a Captain from the Duke, delivered me a copie of his comission of the Emperors and Boris Fedorowitsch their grace and goodnes towards me, presented for my provicion 70 ewe shepe, 20 (16) live oxen and bullocks, 600 henens, 40 (25) flaeches of bakon, 2 milch keyne, 2 goats, 10 fresh sallmons, 10 geese, 2 swans, 2 cranes, 3 yong beares, a wild boare, 40 gallons of aquavita, 100 (65) gallons of mead, 200 (60) gallons of beer, 1000 (600) loaves of white bread, 60 (80) bushells of meall, 2000 eggs, garlick and onyons store. There was four great lighters and many water men etc. ther that came with this provicion which wear all orderly dismist... I took some time to make merrie with the master and merchants havinge some pastymes that followed me, plaiers, danzinge bares and pieps and dromes and trompetts, feasted them and devided my provicion in liberal proportion».

корабль съ товарами въ чужіе края, здѣсь построилъ первый русскій корабль, который онъ самъ спустилъ на воду и на которомъ въ первый разъ развернулся русскій флагъ. Сюда прислалъ онъ построенный имъ въ Саардамѣ линейный корабль Петръ и Павелъ, здѣсь былъ взятъ съ бою русскими первый иностранный (шведскій) корабль (1701 г.), и черезъ годъ потомъ Петръ велѣлъ построенныя здѣсь двѣ яхты съ берега у Кеми перевезти сухопутьемъ черезъ просѣки лѣсовъ въ Онежское озеро. Эти яхты помогали основателю Петербурга овладѣть Невую.

VIII.

Традескантъ старшій — основатель перваго музея естественно-историческихъ предметовъ и ботаническаго сада въ Лондовѣ. — Традескантъ младшій — сочинитель каталога этихъ собраній. — Экземпляръ птицы додо въ Традескантовомъ музеѣ. — Переходъ этого собранія, по завѣщанію, во владѣніе Ашмоля — Литературныя труды Ашмоля. — Изданіе алхимическаго сочиненія Артура Ди, *Archiatri imperatoris totius Russiae*. — Передача Традескантова музея Ашмолемъ Оксфордскому университету. — Біографическія свѣдѣнія о Традескантѣ старшемъ. — Его связи съ натуралистами его времени и свидѣтельства ихъ о его познаніяхъ и заслугахъ. — Открытіе его собственноручныхъ записокъ о своемъ путешествіи на сѣверъ Россіи — Подлинное имя его — John Corlie. — Отправленіе его съ Додлеемъ Диггсомъ, англійскимъ посланникомъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу посла русскаго посольства Волынскаго и Поздѣева въ Лондонъ. — Традескантовъ дневникъ во время плаванія. — Прибытіе на Двину. — Замѣчанія Традесканта о растеніяхъ и животныхъ тамошняго края; также о судоходствѣ, скотоводствѣ, земледѣліи и домашнемъ бытѣ. — Возвращеніе Традесканта съ нѣкоторыми предметами естествознанія, вывезенными имъ изъ Россіи. — Позднѣйшія путешествія его въ другія страны. — Путешествія и услуги наукъ Традесканта младшаго. — Вліяніе собранія и заведенія, основанныхъ Традескантомъ, на его соотечественниковъ въ пользу науки. — Портреты Традескантовъ и ихъ могила.

Въ прежнія времена обыкновенно торговля пролагала пути естествознанію. Такъ и по торговому пути, проложенному Чанслеромъ вокругъ Нордкапа, въ 1618 году отправился къ

намъ на Двину изъ Англіи любитель растений и собиратель образцовъ изъ царства животныхъ. Это былъ Джонъ Традескантъ. Кто онъ и чѣмъ онъ былъ? какъ и съ кѣмъ пріѣхалъ къ намъ? Что дѣлалъ у насъ?

Джонъ Традескантъ старшій оказалъ не малую услугу отечеству, основавъ первый въ Англіи музей для естественной исторіи и кунсткамеру; у него былъ также первый и въ свое время лучшій ботаническій садъ. Оба эти заведенія были рядомъ, въ Южномъ Ламбетѣ (South Lambeth), не далеко отъ Лондона. Теперь это мѣсто внутри безконечной столицы, на восточной сторонѣ отъ South Lambeth Road (неправильно называемаго южною стороною): строенія стоятъ прямо противъ Спрингъ-Лена (Spring Lane).

Домъ, гдѣ помѣщался музей, называвшійся Традескантымъ ковчегомъ и гдѣ жили Традесканты, отецъ и сынъ, нѣкоторое время и вдова послѣдняго Эсоиръ, и потомъ Ашмоль, столько разъ передѣлывался внутри и такъ много сдѣлано къ нему пристроекъ, что теперь нѣтъ возможности отыскать, какія комнаты служили для музея и какія для жилья. Зданіе раздѣляется нынѣ на двѣ части. Стариннѣйшую часть, называемую Stamfordhouse, занимаетъ Джонъ Александръ Фультонъ, имѣющій возлѣ заведеніе, на которомъ мелется перецъ по привилегированной методѣ; въ другой, новѣйшей части, называемой Turrethouse, живетъ Джонъ Майльсъ Торнъ (Miles Thorne), владѣтель пивоварни въ Найнъ-Эльмсъ, подъ фирмой: J. M. Thorne and Son.

Традескантъ младшій, значительно обогатившій оба заведенія, составилъ каталогъ всѣхъ предметовъ, находившихся въ музеѣ и въ саду, и издалъ его въ 1656 году подъ заглавіемъ: *Musaeum Tradescantianum: or, a collection of rarities preserved at South Lambeth neer London by John Tradescant.* Каталогъ снабженъ двумя портретами — отца и сына, работы Голяра (Hollar *).

*) На стр. 4 въ каталогѣ видно, что въ музеѣ находилось между прочимъ чучело додо съ острова Маврикія. Это былъ единственный въ европейскихъ кабинетахъ полный экземпляръ птицы, истребившейся почти уже два столѣ-

Традескантъ старшій умеръ въ 1638 году; сынъ, родившійся въ 1608 г., умеръ въ 1662 г. Единственный сынъ послѣдняго (всѣ трое были Джоны) умеръ еще въ 1652 г., вслѣдствіе чего отецъ, въ 1659 г. 16 декабря, завѣщаль все собраніе Эліасу Ашмолю.

Этотъ Ашмоль, родившійся въ 1617 г., тогда былъ уже извѣстенъ тремя сочиненіями. Два изъ нихъ, напечатанныя въ 1650 и 1652 гг., трактовали объ алхиміи; третіе, 1658 г., о философскомъ камнѣ, имѣло заглавіе: *The way to bliss*.

Замѣчательно, что первымъ литературнымъ трудомъ Ашмоля, 1650 года: *Fasciculus chemicus*, было изданіе сочиненія, написанаго на латинскомъ языкѣ въ Россіи, именно въ Москвѣ, придворнымъ врачомъ царя Михаила Ѳеодоровича, Артуромъ Ди въ 1629 году. Полное заглавіе этой книжонки таково: *Fasciculus chemicus abstrusae hermeticae scientiae ingressum, progressum, coronidem, verbis apertissimis explicans, ex selectissimis et celeberrimis authoribus, tali serie collectus, et dispositus, ut non modo huius artis tyronibus, sed candidatis, summo emolumento, in-*

тія тому назадъ. Я уже упоминалъ, что Франсисъ Уильби, по собственнымъ словамъ его, видѣлъ эту птицу въ Традескантовомъ музеѣ. Можетъ быть, это та самая, которую въ 1638 году въ Лондонѣ показывали живую. Теперь отъ нея осталась только голова, отрѣзанная въ Оксфордѣ въ 1755 году, и одна нога; съ головы я представилъ въ Академію гипсовый слѣпокъ, а съ послѣдней — нѣсколько фотографій костей и сухожилья. Въ Британскомъ Музеѣ хранится одна нога, можетъ быть, та самая, которую видѣлъ до 1605 г. Ключи съ въ собраніи профессора Пау (Pauw) въ Лейденѣ, которому она привезена была съ острова Маврикія. Съ этой ноги я также доставилъ въ академию слѣпокъ; заказанъ также слѣпокъ съ головы додо, находящейся въ королевскомъ естественно-историческомъ музеѣ въ Копенгагенѣ, куда она поступила изъ Палюданскаго собранія. Въ Оксфордѣ находится большаго размѣра картина, работы Юганна Савери, съ подписью 1651 г., писанная масляными красками, изображающая додо: я скопировалъ ее ради красокъ. Дядя этого художника, Рёландъ Савери, на своей картинѣ, рисованной въ 1638 году, взялъ додо въ число звѣрей, которыхъ очаровываетъ Орфей. Большая картина, изображающая додо, въ Британскомъ Музеѣ, происходитъ изъ Слоанова собранія, но художникъ неизвѣстенъ. По всѣмъ собраннмъ мною матеріаламъ, здѣсь сдѣлалъ модель додо ученикъ Торвальдсена, г. Енсенъ; съ модели можно отлить снимки и раскрасить натуральными цвѣтами додо.

star speculi Philosophiae habeatur, a nemine hac methodo distributus. Opera et studio Arthuri Dee, Archiatri Magni Imperatoris totius Russiae. Предисловіе къ читателю подписано: Ex Musaeo nostro, Moscuae Kalend. Martii 629. Книжка напечатана въ томъ же 1629 году въ Базелѣ и потомъ въ 1631 г. въ Парижѣ; а Эліасъ Ашмоль перевелъ ее на англійскій языкъ и издалъ, въ 1650 г., съ анаграммой своего имени: James Nasolle. Артуръ Ди, родившійся 1579 г., былъ сынъ извѣстнаго доктора Джона Ди, изъ Мортлека, и 1621 г. съ посланникомъ Исакомъ Ивановичемъ Погожевымъ пріѣхалъ въ Москву и былъ здѣсь до 1626 г., а потомъ, послѣ поѣздки въ Англію, съ 1627 до 1634 г. лейбмедикомъ царя Михаила Ѳеодоровича. У него былъ свой домъ у Ильинскихъ воротъ и ему дано было помѣстье. Отецъ его, хотя былъ уважаемъ, какъ отличный математикъ, но былъ страстный астрологъ и алхимистъ. Въ 1586 году, когда Горсей хлопоталъ объ исполненіи своего порученія для царицы Ирины Ѳеодоровны, Джонъ Ди едва не поѣхалъ въ Москву. По рекомендаціи Англичанъ въ Москвѣ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ предлагалъ ему выгодныя условія, когда онъ, вмѣстѣ съ Келли, производилъ свои дѣла въ Богеміи, какъ прежде въ Польшѣ. Его сынъ былъ сильно зараженъ фантазерствомъ отца; но въ юной Россіи, къ счастью, мало было воспріимчивости къ этому умственному недугу. Какой-то Францъ Мурреръ въ Москвѣ былъ тогда преданъ астрологіи; это нашель я въ Оксфордѣ въ одной рукописи, касающейся Артура Ди, гдѣ сказано: Murrerus was an Astrologer of some account at Mosco.

Другая книга Ашмоля, печатанная 1652 г.: *Theatrum Chemicum Britannicum*, есть собраніе старыхъ герметико-философскихъ сочиненій. Эта книга сдѣлалась извѣстною лифляндскимъ любителямъ химіи. Въ Оксфордѣ въ экземплярѣ самого Ашмоля, во второй части я нашель наклеенную сзади латинскую записку, которую написалъ въ дому Ашмоля лифляндскій дворянинъ Николай фонъ-Вилькенъ: *Generose et nobilissime Domine. Adfuerunt hic duo Nobiles Germani artis chymicae amatores, qui viderunt et legerunt librum dominationis*

Vestrae Theatrum Chemicum Britannicum, quaedam cum Dominatione Vestra communicaturi, si grave non est et hora comoda designabitur. Commorantur in Kingstreet in S. Steefens Alle (St. Stephens Alley) at the 3 glasses of Mumm. Nicholas von Vilcen, Eques Livonus, 18 oct. 1670.

Въ 1650 г. Ашмоль и его жена часто навѣщали Традесканта младшаго въ South Lambeth ¹⁾. Видно, что Ашмоль, своимъ астрологическимъ и алхимическимъ велерѣчіемъ, умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ Традесканта. Ашмоль помогаль ему также при составленіи каталога музея и ботаническаго сада, вмѣстѣ съ докторомъ Томасомъ Вартономъ (Wharton), которому онъ старался тогда найти хорошую невѣсту посредствомъ астрологическихъ вычисленій. Такъ какъ Традесканту не было никакой надежды имѣть отъ жены своей Эсѳири дѣтей, то онъ, какъ уже упомянуто, духовнымъ завѣщаніемъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ Ашмоля, хотя вовсе не былъ съ нимъ въ родствѣ. Овдовѣвъ ²⁾, Эсѳирь много лѣтъ вела тяжбу, чтобы оспорить это завѣщаніе, но наконецъ (1674) проиграла свое дѣло и была принуждена передать музей Ашмолю. Въ 1676 г. она дала подписку, вѣроятно, противъ воли, что она спорила несправедливо, и въ 1786 г. утопилась въ прудѣ сада, въ которомъ ея свекоръ и мужъ такъ много сдѣлали для садоводства.

Оксфордскій университетъ далъ въ 1669 г., Ашмолю дипломъ доктора медицины ³⁾, а онъ предложилъ ему въ даръ Традескан-

¹⁾ Ашмоль былъ тогда женатъ на второй женѣ и былъ ей четвертымъ мужемъ: онъ женился на ней 1649 г. Отъ 20 ноября 1652 до 17 января 1653 г. гостили они у Традескантовъ; 14 декабря (1652 г.) они видѣли комету.

²⁾ Всѣмъ троимъ Традескантамъ вмѣстѣ она поставила въ 1662 году памятникъ, который цѣль до нынѣ, на кладбищѣ Сентъ-Мери въ Ламбетѣ, возлѣ дворца архіепископа кентерберійскаго.

³⁾ Вышеупомянутая вторая жена его, богатая женщина, уже въ 1657 г. старалась развестись съ нимъ и подала на него жалобу на 800 листахъ, но 1668 г. умерла; тогда Ашмоль женился на дочери сэра Вильяма Dugdale, который жилъ то въ Оксфордѣ, то въ Лондонѣ, чтобы пользоваться тамошними библиотеками при изданіи своихъ сочиненій (Monasticon, Baronage и пр.). 1672 г. Ашмоль издалъ исторію ордена подвязки, составлялъ собранія древностей, монетъ, печатей и т. д., которыхъ часть онъ потерялъ въ пожаръ 1679 года.

тово собраніе, съ тѣмъ чтобы университетъ выстроилъ для него особый домъ. Планъ заказали строителю церкви св. Павла въ Лондонѣ, Христофору Рену (Wren), и въ 1679 году зданіе музея было заложено. 16 августа 1682 г. Ашмоль поѣхалъ въ Оксфордъ посмотреть на новое зданіе, и въ 1683 г. собраніе, перевезенное изъ Ламбета въ февралѣ и мартѣ, было уже выставлено подъ смотрѣніемъ перваго хранителя его, доктора Роберта Плота ¹⁾.

Это зданіе стоитъ рядомъ съ университетскимъ театромъ ²⁾, который также построенъ Хр. Реномъ, на иждивеніе докт. Шельдона. Оно называется Ашмолевымъ музеемъ, а не Традескантовымъ, какъ бы слѣдовало: имя истиннаго основателя почти совсѣмъ забыто. Оно едва ли даже произносилось бы гдѣ-нибудь, еслибы въ память его не названо было одно изъ растений: *Tradescantia*, какъ сдѣлалъ въ своей *Flora Jenensis* 1718 Генрихъ Бернгардъ Руппъ по названію у Джона Паркинсона 1629 г.: *Phalangium Ephemereum Virginianum Johannis Tradescanti*.

Традескантъ старшій былъ садовникомъ у графа салисберійскаго, Роберта Сесила (сына Вильяма), который умеръ уже въ 1612 году. Потомъ онъ былъ садовникомъ-же у лорда

Тогда же лишился онъ своей библіотеки, которую въ большой пожаръ 1666 г. онъ избавилъ отъ опасности помѣщеніемъ у Эсеири Традескантъ. Изъ письма извѣстнаго своимъ путешествіемъ, Томаса Герберта къ Ашмолю изъ Йорка отъ 1 сентября 1680 г. видно, что Ашмоль тогда уже поселился въ своемъ, то есть Традескантовомъ домѣ. Гербертъ писалъ: I find by Your letter that you do not frequent the Court as You have formerly, having retired Yourself to Your house in South Lamberth, a place I well know, having been sundry times at M. Tredescans (to whom I have severall things I collected in my travels) and was much delighted with his gardens, so as You have sequestred Yourself to a place of much pleasure as well as privacy.

¹⁾ Докторъ Плотъ уже 1677 г. издалъ свою естественную исторію графства Оксфордскаго и съ 1682 г. былъ секретаремъ королевскаго общества. По опредѣленіи его къ означенной должности, онъ былъ еще профессоромъ химіи и 1686 г. издалъ свою естественную исторію Стаффордшира.

²⁾ Въ этомъ театрѣ была оказана высшая почеть, какую можетъ оказать университетъ, поднесенъ докторскій дипломъ въ 1814 году Императору Александру I, въ 1817 — Императору Николаю I, въ 1839 — Императору Александру II.

Эдуарда Воттона въ Кентербери и затѣмъ у герцога бокингемскаго Джоржа Виллерса: первый умеръ въ 1628 году, послѣдній убитъ въ томъ-же году. Эдуардъ Воттонъ, баронъ мерльскій, былъ посылаемъ, въ качествѣ дипломата, во Францію, Португаллію и Шотландію, и занималъ потомъ важныя должности въ Кентербери, гдѣ у него былъ дворецъ, въ составъ котораго вошла часть прежняго августинскаго монастыря. Отсюда изъ Кентербери посылалъ растенія Традескантъ старшій Паркинсону, и докт. Дюкарель въ своихъ письмахъ доктору Вильяму Ватсону (1773 г.) несправедливо подозрѣваетъ у Паркинсона ошибку (на стр. 141 *Paradisus terrestris*) и вмѣсто *Canterbury* хочетъ читать *South Lambeth*. Возлѣ фамильныхъ портретовъ Традескантовъ, перешедшихъ въ музей вмѣстѣ съ естественными предметами, находится портретъ лорда Воттона. Онъ принадлежалъ безъ сомнѣнія Традесканту старшему, потому что лордъ Воттонъ умеръ десятью годами раньше его. Традесканты были также садовниками короля Карла I и супруги его, королевы Генріэтты Маріи. Въ надписи на памятникѣ отцу и сыну значится: *gardiners to the Rose and Lilly Queen*.

Современники Традесканта: лондонскій аптекарь и королевскій гербористъ Джонъ Паркинсонъ, издавшій въ 1629 г. *Paradisus terrestris* и въ 1640 г. *Theatrum botanicum*, и другой лондонскій аптекарь Томасъ Джонсонъ, издавшій въ 1633 году сочиненіе хирурга Джона Герарда, всеобщую исторію растеній (*the Herbal*) со множествомъ своихъ прибавленій, отзываются о Традескантѣ съ большимъ уваженіемъ. Такъ Паркинсонъ въ *Paradisus terrestris*, стр. 152, называетъ его *painful industrious searcher and lover of all natures varities*; на стр. 346: *that worthy, curious und diligent searcher and preserver of all natures rarities and varieties my very good friend*

*) Кромѣ того, Традескантъ упоминается въ *Paradisus* на стр.: 102, 104, 141, 190, 388, 574 и 579; въ *Theatrum* на стр.: 130, 133, 218, 323, 463, 624, 701, 705, 1058, 1206, 1367, 1454, 1465, 1468, 1477 и 1550; въ *Herbal* на стр.: 49, 135, 136, 260, 412, 437, 489, 731, 766, 785, 791, 948, 998, 1043, 1208, 1214, 1306, 1427, 1443, 1489 и 1546.

John Tradescant; на стр. 575: my very good friend Master Tradescante has wonderfully laboured to obtain all the rarest fruits hee can heare of in any place of Christendome, Turky yea or tho the whole world. Джонсонъ въ Герардовомъ Гербалѣ на стр. 184: Studios in the knowledge of plants, а на стр. 260 называетъ его the great treasurer of natural rarities. Предъ самой смертью его, 1638 г., Оксфордскій университетъ имѣлъ въ виду назначить его въ смотрители своего медицинскаго сада (Physic garden), устроеннаго на иждивеніе графа дэнбійскаго, Генри Данверса.

Въ Оксфордѣ Традескантово собраніе, вскорѣ послѣ установки его въ музеѣ, считалось безцѣннымъ — *thesaurus inestimabilis rerum naturalium* *).

Что мы могли донинѣ знать о Традескантѣ, то все содержится преимущественно въ ботаническихъ сочиненіяхъ, изданныхъ вышеупомянутыми современниками Традесканта. Мнѣ бросилось въ глаза мѣсто въ *Paradisus terrestris* (1629 г.) у Паркинсона, гдѣ авторъ говоритъ (стр. 346) о чемерицѣ, называвшейся тогда *Elleborus albus vulgaris*: «она растетъ во «многихъ мѣстахъ Германіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,

*) Что и птица додо была перевезена изъ Соутъ-Ламбета въ Оксфордъ, видно изъ сочиненія оксфордскаго профессора Гайда (Hude), бывшаго также библиотекаремъ въ Бодлеевой библиотекѣ. Сочиненіе это издано 1700 г., подъ заглавіемъ: *Veterum Persarum et Parthorum, et Medorum religionis Historia*. Гайдъ зналъ додо изъ путешествія Герберта; онъ говоритъ: *eius exuviae farctae in auditorio anatomico Oxoniensi servantur*. Это прямое извѣстіе важно особенно потому, что Исаакъ Ваттонъ въ изданіи своего *Complete Anglers* 1676 г., говоря о рыбахъ и другихъ животныхъ, находящихся въ Традескантовомъ, но тогда принадлежавшемъ Ашмолю музеѣ, не упомянулъ о додо. По своей смерти въ 1692 г. Ашмоль завѣщалъ музею книги, рукописи, монеты и другіе предметы. Еще въ 1685 г. въ него поступили книги и рукописи, пожертвованныя тестемъ Ашмоля, серомъ В. Дугдалемъ, а позднѣе извѣстнымъ историографомъ Оксфорда, Антоніемъ Вудомъ (Wood). Въ 1697 г. напечатанъ статутъ музея: тогда былъ смотрителемъ его Edward Lhwud. Я нашелъ замѣтку, что Петръ Великій 1698 г. почти за три недѣли до своего отъѣзда изъ Лондона, именно въ первой половинѣ апрѣля почтилъ своимъ посѣщеніемъ Оксфордскій университетъ. Если это правда, то любознательный монархъ конечно бросилъ взглядъ и на Традесканто-Ашмоль музей.

«въ такомъ множествѣ, что, по словамъ достойнаго, любозна-
«тельнаго и неутомимаго собирателя и сберегателя всѣхъ нату-
«ральныхъ рѣдкостей, моего почтеннѣйшаго друга, Джона Тра-
«десканта, о которомъ я уже не разъ упоминалъ, корнями
«этого растенія, которые онъ видѣлъ тамъ на одномъ островѣ,
«можно бы, говорить онъ, нагрузить порядочное судно». То
же говорится только другими словами, въ Паркинсоновомъ
Theatrum стр. 218.

Собирая старинныя извѣстія о Россіи, я ничего не нахо-
дилъ о пребываніи здѣсь Традесканта ни въ Москвѣ, ни гдѣ-
либо въ иномъ мѣстѣ, и потому ни какъ не могъ себѣ предста-
вить, гдѣ этотъ островъ въ Россіи, наполненный чемерицей.
Тѣмъ настойчивѣе держалось въ памяти это непонятное из-
вѣстіе.

Пересматривая рукописи въ Ашмолевомъ музеѣ въ Окс-
фордѣ, я естественно останавливался на тѣхъ, которыя болѣе
или менѣе касаются Россіи. Въ числѣ ихъ есть одна, о кото-
рой въ недавно изданномъ каталогѣ (составленіе котораго по-
ручено было весьма способному къ такимъ работамъ г. Вилья-
му Генри Блеку изъ Record Office въ Лондонѣ) подъ № 824,
XVI говорится: *A voiag of ambassad (to Russia) undertaken by
the right honorable Sir Dudlie Diggs, in the year 1818,
p. 175—186^b. This curious narrative of the voyage round the
North Cape to Archangel, begins with a list of the chief per-
sons employed in the embassy, and contains observations of
the weather, and on the commercial, agricultural and domestic
state of Russia at that time. It is written in a rude hand, and
by a person unskilled in composition. The last half page con-
tains some chronological notes and other stuff perhaps written
by the same hand.*

Тутъ я принялся разбирать рукопись, слѣдовалъ за авто-
ромъ на Двину и на тамошніе острова, въ томъ числѣ и на Ро-
зовый островъ, и когда я дошелъ до словъ: *helebros albus enoug
to load a ship*, вдругъ молніей блеснула мысль, что въ моихъ
рукахъ вѣроятно подлинная рукопись Традесканта. Даль-
нѣйшія и точнѣйшія разысканія подтвердили мою догадку и я
убѣжденъ, что эта рукопись есть его автографъ.

Надобно замѣтить, что въ Англіи не знали ни одного образчика почерка Традесканта: нѣтъ даже его подписи ¹⁾).

Полное заглавіе рукописи, признанной мною за автографъ Традесканта, есть слѣдующее: *A viage of Ambassad undertaken by the right honorable Sir Dudlie Diggs in the year 1618, being atended on withe 6 Genttillmen which beare the name of the Kings Genttillmen whose name be heerè notted on M. Nowell, brother to the Lord Nowell, M. Thomas Finche, M. Woodward, M. Cooke, M. Fante, and M. Henry Wyeld withe every on of them their man, other folloers on Brigges Interpreter M. Jams, an Oxford man, his chaplain, on M. Leake, his secretary withe 3 Scots, on Captain Gilbert and his son, with on Car, also M. Mathew De Quester's son, of Filpot-lane in London, the rest his own retennant, sume 13 whearof — Note on Jonne an Coplie Wustercher-men ²⁾ — M. Swanli, of Limhouse, master of the good ship called the Dianna, of Newcastell, M. Nelson, part owner, of Newecastell.*

Что значать слова: «отмѣтъ одного (изъ тринадцати) Джона «an (и?) Coplie людей (?) изъ Восестершира (Worcestershire)», довольно не ясно; во всякомъ случаѣ имя Jonne должно относиться къ самому Джону Традесканту. Эта фраза, можетъ быть, поведетъ еще къ открытію, что Традескантъ былъ родомъ не изъ Голландіи, какъ полагали, а изъ Ворсестершира. Фамилія Традескантъ, можетъ быть, принятая. Замѣчу ми-

1) Надобно думать, что Ашмоль уничтожилъ бумаги Традесканта; но журналъ его путешествія въ Архангельскъ онъ, къ счастію, точно также не узналъ, какъ и всѣ другіе.

2) Изъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ, я узналъ имена всѣхъ прибывшихъ въ Архангельскъ съ серомъ Додлеемъ-Дигсомъ. Имя Новеля было Артуръ, Вудварда — Томасъ, Кука — Адамъ, Фанта — Ежова (Жозефъ?). Секретарь былъ Томасъ Ликъ, священникъ — Ричардъ Джемсъ, толмачъ — Юри Бриггсъ. Потомъ слѣдуютъ въ нашей росписи Jessy de Quester, Adam Jones, Thomas Wakefield, John Adams, Thomas Crisp, Leonard Hugh и John Coplie (Джонъ Копле). Этотъ послѣдній долженъ быть нашъ Традескантъ. Отсюда видно, что въ его выраженіи: *Note on Jonne an Coplie Wustershermen*, должно разумѣть только одно лицо, именно его самого. О другихъ намъ нѣтъ надобности здѣсь говорить.

моходомъ, что его писали и Традескинъ ¹⁾, что можно раздѣлить на Trade-skin и переводить: торговецъ кожами или мѣхами. Серъ Томасъ Гербертъ писалъ въ 1680 Tredescon.

Серъ Додлей Диггсъ, къ которому присоединился Традескантъ съ цѣлю узнать растенія и животныхъ въ Россіи, былъ въ 1618 отправленъ Іаковомъ I къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, который за годъ до того посылалъ къ королю Рязскаго воеводу Степана Ивановича Волинскаго съ дьякомъ Маркомъ Поздѣевымъ, преимущественно для того, чтобы устроить заемъ денегъ, такъ какъ финансы Россіи при восшествіи на престолъ Михаила были очень растроены. Въ одно время съ Диггсомъ, на другомъ кораблѣ плылъ обратно въ Россію посланникъ Волинскій. Диггсъ и Традескантъ плыли на кораблѣ Діана, подъ управленіемъ капитана Сванли; онъ былъ изъ Ньюкестля, а настоящее плаваніе началъ изъ Ляймъгауза у Лондона. Одинъ изъ владѣльцевъ его, Нельсонъ, плылъ татъ-же.

Я выписалъ себѣ нѣсколько мѣстъ изъ путеваго журнала Традесканта. 3-го іюня отплыли на парусахъ изъ Гревзенда. 16-го бросили якорь въ гавани у Тайнъ-маута (въ Нортomberландѣ), и на другой день Традескантъ съ кѣмъ-то, вѣроятно съ Нельсономъ, сдѣлалъ поѣздку въ Ньюкестль для покупки свѣжей провизіи, при чемъ мы узнаемъ тогдашнія цѣны лососей ²⁾. Въ день Петра и Павла

¹⁾ Напр. въ стихахъ Флатмана, стр. 14, встрѣчается:

«Thus John Tradeskin starves our wondering eyes
By boxing up his new-found rarities».

²⁾ Традескантъ описываетъ это такъ: «Tuesday (the 16 June) to Tinmouth haven, to releve our sick men with fresh vittells from Newcastle. Wednesday (the 17 day), boat hoysed to set the people on shore, and myself and another to go to Newchastell for make provisiōne of beef and muttone, with many other necessaries, wheare I bought 11 salmons for 6 s. the cuple, and some for 4 s. the cupple, whiche at London would have been worthe 2l. 10 s. the cuple. (Какая противоположность настоящему! Огромная разница въ цѣнахъ произошла во-первыхъ отъ упаковки лососей въ ледъ, введенной Демпстеромъ и Ричардсономъ на Теѣ (Тау), и потомъ отъ пароходства у береговъ). Also we went to suppe at the

(29) серъ Додлей Диггсъ рано утромъ послалъ, изъ учтивости, г. Волынскому мясной провизіи и портеру, такъ какъ зналъ, что въ этотъ день русскіе разгавливаются ¹⁾. Вечеромъ того-же дня прилетѣла на корабль птица, хотя это было подь 66-мъ градусомъ широты и почти въ 60-и лигахъ отъ берега. Птица поймана живою и отдана на сохраненіе Традесканту, который однако не зналъ ея; когда она умерла, онъ сталъ беречь ея шкуру ²⁾. Въ ночь съ 1 на 2 Юля, Традескантъ, при самомъ низкомъ положеніи солнца, видѣлъ еще частицу его надъ горизонтомъ ³⁾. 4-го Юля отдѣлилась пинаса, назначенная въ Гренландію ⁴⁾. 6-го увидѣли они Нордъ-Капъ, а въ слѣдующій

best ordinary in the toune with many dishes;.. wen being payd for cam but to 8 d. the peece, which in London, I think 2 s. the peece would have hardli mached it. On Thursday (the 18.) we returned to the ship with sume L. 17 worth of provision. Sir George Selbe sent to my Lord Imbassator (Sir Dudley Digges) for a present 2 salmons and an hogshead of beare; the mayre of Newcastell the day before sent him one samon, using his Genttellen with much curtisie being a shore at Shields, 6 myles short of Newcastel, his Lordship keeping aboard all the while». Серъ Додлей оставался на корабль: онъ страдалъ морскою болѣзнью.

¹⁾ On Saynt Peetter's day (29 June) on the morning, my Lord (Digges) sent the Russian Ambassator (Волынскій) fresh vyttuals on quarter of mutton, half a fittill porter, etc. 3 live pullets ther lent being but then ended; also at new Castell my Lord sent him two small salmons and 9 gallons of Caynary Sack; the curtiseys hath passed a yet without requittall.

²⁾ Also on Monday nyght (29) the cam a strang bird aboard our shipe whiche was taken alive and put to my custody, but dyed within two dayes after being 60 leagueſ from the shore, whos like I yet never sawe, whos case I have reserved. This was in 66 degrees.

³⁾ 1 of July in 67 (degrees) or a little short (?) whear the sunne did showe sume small part of her boddy all the night. Уже подь 60-мъ градусомъ широтъ Традескантъ записалъ, что ночь такъ свѣтла, что можно писать.

⁴⁾ On Friday the 3 of July a man of M. Delcrass cam aboard of us to take counsel about sending away the pennas for Greenland, the year being so far spent, as they thought, the Russe being landed the time of the year would be too far spent whear it was decreed that she should goe on of her intended voyage. This man's name was M. Sryke who was made welcom according to the manner of the sea. My Lord (Digges) sent back with him two bottells of his wine on of Sack and on of Clarret even present fit for such people, yet two great as the time required by reason of our long voyag. Satterday the 4 of July the pennas parted with us. That night at 12 we saw the sun shine about an hour hyghe just northe. Въ предшествовавшіе 4 дня былъ туманъ. 5-го (въ воскресенье) они увидѣли много китовъ.

день вели разговоръ съ датскимъ военнымъ кораблемъ у Вардэгуса ¹⁾. 11-го, у островца Сосновца, имъ привезли рыболовы по лапландскимъ берегамъ свѣжепросольныхъ лососей, и серъ Додлей купилъ ихъ нѣсколько. Традескантъ описываетъ Лопарей и ихъ лодку. Такъ какъ онъ сравниваетъ ее съ голландскимъ schuute, то надо думать, что онъ бывалъ въ Голландіи ²⁾. 12-го Традескантъ увидѣлъ большую бѣлую рыбу (?), которую называли ему злѣйшимъ врагомъ и истребителемъ лососей ³⁾. 13-го прилетѣло на корабль множество птичекъ, такъ

¹⁾ Monday morning (6 July) we had sight of the North Cape, which is all covered with snow. Дальше говоритъ: «The air is cold, the land high, all Ilands, with many bayes. Tuesday morning (7) on of the King of Denmark men of war demanded of us to com on board to show our pase, but we ansered that our boat was stowed, we could not; besid, we had an English Ambassador on board, which he presentlie desisted from his demand. Our consort also tould him in like sort that he had a Russ Ambassador a board. Also in his company we found the Companye's other shepe who had bin from her port from Hamborow 3 weeks with other two in her company, also two Hollanders, who he caused their boats to com aboard. We at that time had been out of England 5 weeks lacking a day. The man of war laye to waft or watter the fishermen that fishe upon that coast of Wardhouse whear the King hathe a castell withe great comand of Lapland, whear many Danes live with the Laps, which if I might have the whole kingdom to be bound to live ther, I had rather be a portter in London, for the snow is never of the ground wholly... The King's man of war gave us a peece or gun, whiche we ansered with another, and our Vise admiral gave him, 3 and so for that time parted being now short of Wardhouse 3 leags.... being English and strangers 7 sayls bound for Archangel.

²⁾ Островъ Сосновець у лапландскаго берега (на 66° 29'). Стефеномъ Борро въ 1557 году онъ названъ Cross Island, по причинѣ найденнаго тамъ креста. За этимъ островомъ, на устьѣ р. Сосновки, еще и нынѣ есть становище лопарей-рыболововъ. Традескантъ пишетъ: «11 July we had a small boat of that country of the Cros Iland that hrought his bote laden withe salmon 3 dayes salted. My Lord bought on for 4 s. our money 4 very great on. Now after wee were so far as Crose Iland the snowe began to abate and the natur of the coaste to change from russet to a greener coller, the inland being full of shruby trees, and further of we mouythe perseve great woods, but all this way no kind of grayne. Now to speake of the boate and the men. On of them was a man aboute 50 yeares withe on eye, hard favored, the yonger man was about 25 years, well favord and well limbed, and both clad in lether, withe the skins of sheepe with the fire syde inwarde, bothe having crusifixes about the necks very artificyally mad. Ther boat was small, very neatly mad, lik to the maner of hollands scuts.

³⁾ On Sunday, being the 12 of Juley, the wind being contrary, being some 6 leags short of foxnose, we had sight of a great whight fish twse (twice?), so great

какъ отъ берега было почти только три лиги. Традескантъ поймалъ три изъ этихъ птицъ и спряталъ съ нихъ шкуры. Онъ замѣчаетъ, что онѣ похожи на англійскихъ коноплянокъ ¹⁾. 15-го корабль прошелъ черезъ Двинскій баръ: это, должно быть, Березовскій. По словамъ Традесканта выходитъ, что глубина была 12 футъ ²⁾. Стефень Борро въ 1557 г. показалъ 13 футъ. Агентъ англійской компаніи въ Архангельскѣ, тотчасъ по переѣздѣ ихъ черезъ баръ, прислалъ имъ свѣжей провизіи ³⁾. 16-го, въ гавани, сперва Волынскому; потомъ Диггсу, сдѣлана была военная встрѣча. Неизвѣстный автору по имени приставъ былъ начальникъ стрѣльцовъ Петръ Перфирьевъ ⁴⁾. Въ тотъ-же вечеръ подѣхали къ кораблю на

as a porpos, being all over as white as snowe, whiche they say is a great destroyer of the salmons. Именемъ Fox Nose Стефень Борро назвалъ въ 1557 году мысъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря у рѣчки Каменной, три мили къ сѣверу отъ Кереца; а этотъ послѣдній есть, должно быть, мысъ, названный имъ Dog's Nose; онъ находится въ осьми лигахъ къ сѣверо-западу отъ Куйскаго Носа, у Борро Coscaynos О Dog's Nose онъ говоритъ: It showeth like a gurneed's head, and is the better knowen because it is fuller's earth, and the like I have not seen in all that country. Тамъ была солеварня. Морской звѣрь, принимаемый Традескантомъ за рыбу, долженъ быть бѣлый дельфинъ (*Delphinus Leucas*). Этотъ сѣверный дельфинъ иногда смѣшивается съ волжской и каспійской рыбой бѣлугой (*Acipenser Huso*), потому что и онъ называется бѣлугой. Въ бытность мою въ Шотландіи въ 1815 г., такая бѣлуга Ледовитаго моря нѣсколько мѣсяцевъ была замѣчаема, къ великой досадѣ рыбаковъ, въ Фиртъ-офъ-Фортѣ. Наконецъ удалось убить этого истребителя лососей недалеко отъ Стирлинга. Онъ былъ отданъ профессору Джемсону для музея Эдинбургскаго университета; г. Патрикъ Нейль и докторъ Барклея взялись рассмотреть его ученымъ образомъ.

¹⁾ On the Monday the 13 of July, ther wer many small birds cam aboard the shepe, being sume 3 leags from the shore. I have thre of ther skins whiche were caut by myself and the rest of the company. They did muche resemble the manner of our englishe linnets but far lesser.

²⁾ On Tuesday the 14 of July we came to the bar, where we spent on daye because it was calme. On the Wednesdaye we went over the bar having only on foote watter mor than the shep drew. Подъ 6-мъ августа, при выходѣ изъ Пудожемскаго устья, Традескантъ показываетъ, что корабль сидѣлъ въ водѣ на 10½ фут.

³⁾ At our first entterance over the bar into the river we reseved from the agent ou good bullock, 2 sheep, 10 hens, 2 fesants, 6 patriges, non lik the English.

⁴⁾ On Thursday, the 16 day (of July) we came into the harbor, but before we came halfe the way the souldyars cam to sallut ther owne ambassador (Волынскаго),

лодкѣ Самоѣды: Традескантъ описываетъ ихъ ¹⁾). Подъ тѣмъ-же числомъ онъ показалъ въ себѣ хорошаго наблюдателя, потому что съумѣлъ замѣтить достопримѣчательное явленіе — двойной приливъ (маниха). Онъ пишетъ: «въ эту ночь мы подняли якорь по причинѣ двухъ приливовъ: первый продолжается только два часа, за нимъ слѣдуетъ сильный отливъ, «и черезъ два часа настаетъ продолжительный приливъ, какъ «у насъ ²⁾).

Нетерпѣніе, съ какимъ Традескантъ желалъ ознакомиться съ растительностью бывшей передъ его глазами двинской страны, было такъ велико, что онъ попросилъ перевести его на катерѣ ихъ корабля. Съ перваго шага на берегъ ему кинулась въ глаза ягода, похожая на землянику, но листьями нѣсколько сходная съ *Aveus* (*Geum urbanum?*); эти ягоды, сказали ему, употребляются противъ скорбута. Такъ какъ онѣ были янтарнаго цвѣта, то это была, должно быть, морошка ³⁾).

but not us; but in the halfe way passage in the river the Grand Prestave salluted my Lord (Digges) withe main boats full of souldyers, who himself was enterteined in the cabbin withe a banket of sweet meats, the agent and the rest of the English marchants having had the like enterteynement just before his coming, whear at his departur we gave 3 peeces of ordnance, and he us bis small shot, whiche was but poorlie performed, ther peeces being hardli so good as our calliver, neyther had the soulgers any expertnce like to thees in thees parts.

¹⁾ That night (16 July) came aboard of our ship a boat of Sammoyets, a miserable people, of small growth. In my judgment is that people whom the fixtion is fayned of that should have no heads, for they have short necks, and commonly wear ther clothes over head and shoulders. They use boues and arrowes the men and women be hardlie known on from the other, because the all wear clothes like mene, and be all clad in skins of beasts packed very curouslie together, stokings and all. They kill moste of the Loth deer that the brought. The be extreme beggers not to be denied.

²⁾ Farther, that night (16 July) we wayed anccor by resen of the two fluds; the first is but 2 howres, and then a swift ebe; and then presentlie after two hower along flud like ours. Наша Академія, какъ извѣстно, производила надѣ манихой, при устьѣ Двины и на близѣ лежащихъ мѣстахъ берега Бѣлаго моря, наблюденія посредствомъ прибора, собственно для того изобрѣтеннаго академикомъ Ленцомъ и названнаго гипсалографомъ.

³⁾ I desired to have the boat to go on shore which was hard by whear when we wear land I found a bery growing lowe which in bery was muche like a strawbery but of an amber coller and of other fation of leaf: the people eat the bery

Онъ высушилъ нѣсколько ягодъ, чтобы получить сѣмена, и впослѣдствіи часть ихъ послалъ въ Парижъ ученому садоводу Робену, вѣроятно, Веспасіану, котораго отецъ, Жанъ, основалъ первый хорошій ботаническій садъ въ столицѣ Франціи, откуда уже въ послѣднія десятилѣтія XVI столѣтія онъ посылалъ въ обмѣнъ сѣмена Герарду въ Лондонъ ¹⁾. Мы положительно знаемъ, что Веспасіанъ Робень изъ Парижа посылалъ Традесканту въ Лондонъ американскія растенія.

Но Традесканта интересовали не одни наши растенія. I would have given five shillings for one of their skins: «я далъ бы пять шиллинговъ за одну изъ ихъ шкурокъ», сказалъ онъ, когда надъ нимъ пролетѣли птицы, изъ которыхъ одна, имъ описанная, долженъ быть тетеревъ ²⁾. Традескантъ отмѣтилъ даже о находкѣ куска змѣиной кожи.

16-го іюля вечеромъ, корабль остановился предъ англійскимъ домомъ въ Архангельскѣ, и на другой день (17-го) Традескантъ, со всѣмъ обществомъ, сошелъ на берегъ. Имъ дали для помѣщенія три дома, изъ которыхъ два принадлежали двумъ Голландцамъ, а третій Англичанину Вилькинсону ³⁾.

for a medsin against the skurbi the leaves be muche like our Avince (неразборчиво написано) and of such a greene. I have brought sume of them hom to show. I dried sume of the beryes to get seede whearof I have sent par to Robiens of Paris.

¹⁾ Это видно изъ Герардова «Гербаля» (1597 г.); это повторяется и въ Джонсоновомъ изданіи. См. стр. 108, 132, 136, 151, 348, 717, 902, 946 и 979. И Паркинсонъ упоминаетъ о Робенахъ въ *Paradisus* стр. 91, 106, 118 и 434, въ *Theatrum* стр. 323, 324 и 541. На стр. 323 «Театра» онъ говоритъ, что Традескантъ получилъ отъ Веспасіана Робена корень *Doronicum americanum* (*Rudbeckia laciniata*) и подѣлился съ нимъ (Паркинсономъ). Жанъ Робень около 1600 г. воспитывалъ въ своемъ саду уже болѣе тысячи разныхъ растеній. Его именемъ названъ родъ растеній *Robinia*. Отъ Генриха IV онъ получилъ титулъ *Herboriste* (или *Simpliciste*) *du Roy*, а Пьеру Вале, носившему титулъ *Brodeur ordinaire du Roy*, доставлялъ цвѣты для вырѣзыванія образцовъ шитья для придворныхъ дамъ. См. книгу: *Le Jardin du Roy très chrestien Henry IV Roy de France et de Navarre dedié à la Roynne par Pierre Vallet, brodeur ordinaire du Roy*, 1608.

²⁾ У Традесканта описаніе ея нѣсколько странно: «great to the bignes of a fesand, the wing whit, the bodie green, the tayll blewe or dove collar».

³⁾ They be all built of wholl trees layd on the top of the other very strong, withe fayr roomes packed betwin the hollowes withe wood moss. Having but four bedsteads, content to lay our bodi on the ground.

20-го Юля Традескантъ выпросилъ себѣ царскую ладью, чтобы объѣхать острова въ Двинской дельтѣ на сѣверозападъ отъ Архангельска и узнать, какія тамъ водятся растенія ¹⁾.

Въ эту-то поѣздку нашелъ онъ на одномъ островѣ такъ много чемерицы, *Helleborus albus*, нынѣ *Veratrum album* или *V. Lobelianum*. Я уже упомянулъ, что это мѣсто у Традесканта дало мнѣ возможность признать его за сочинителя этой рукописи. Мимоходомъ онъ замѣчаетъ, что это растеніе по-русски называется: камарица. Изъ этого видно, что въ теперешнемъ названіи звукъ *ч* произошелъ изъ *ц* или *к*. И такъ въ Россіи это растеніе названо не отъ чиханія, которое оно возбуждаетъ, какъ названо Нѣмцами, но отъ свойства его убивать комаровъ (и мухъ), о чемъ упоминается въ старыхъ ботаническихъ книгахъ. Уже Плиній говоритъ: *Muscae necantur albo (sc. Elleboro) trito et cum lacte sparso*. Въ *Contrafayt* Брунсфеля, травникѣ 1532, на стр. LXV значится: *Will tu im August alle Mücken tödten, so nim Nyesswurtz, beytze sye in milch und die selbig milch stelle den mucken für zu trinken*. Такъ какъ въ Россіи весной отъ таянія снѣгу большія рѣки много потопляютъ земли, а это благопріятствуетъ размноженію комаровъ, то для жителей и посѣтителей Двинской дельты, гдѣ также много этихъ насѣкомыхъ, важно было имѣть подъ руками средство ихъ истребленія; отъ того произошло имя: камарица, нынѣ чемерица. Замѣчу впрочемъ, что нынѣ такое употребленіе чемерицы мнѣ неизвѣстно.

О черемухѣ (*Prunus radus*) Традескантъ сообщаетъ, что Англичане въ Архангельскѣ называли эти ягоды дикой вишней. Въ самомъ дѣлѣ, русское названіе содержитъ въ себѣ слово *Cerasus*, вишня. Онъ взялъ нѣсколько вѣтвей черемухи, которыя уже пустили корни въ землю, и надѣялся, что нѣкоторыя

¹⁾ On Monday (20 July) I had on of the Emporor's boats to cari me from Iland to Iland to see what things grewe upon them, whear I found single Rosses, wondros sweet, withe many other things whiche I meane to bringe with me... We had a comander withe us, who was glad to be partaker of coorte cake, as we thear could get, whiche was sower creame and oatmeall pastill very poorli mad, which to them was a great bankit.

изъ нихъ примутся расти въ Англии, при чемъ онъ имѣлъ въ виду употребленіе этого гибкаго дерева на обручи. Онъ рассказываетъ, что англійскіе упаковщики въ Архангельскѣ часто дѣлаютъ изъ черемухи обручи на бочки съ икрой, потому что это дерево необыкновенно гибко и прочно. Фламандцы, Голландцы, Гамбургцы и Русскіе, по словамъ его, много тогда дѣлали обручей изъ черемухи, и она отправлялась даже въ Англию на обручи къ бочкамъ для гренландскихъ рыбныхъ промысловъ ¹⁾.

Традескантъ называетъ еще нѣсколько видѣнныхъ имъ деревьевъ и травъ. Его четыре сорта деревъ должны быть: сосна (*Pinus sylvestris*), ель (*Picea [Abies] obovata* или *vulgaris*), лиственница (*Larix sibirica*) и пихта (*Abies sibirica [Ledeb.]*). Онъ говоритъ о крупной березѣ (*Betula alba*) и объ обычаѣ въ маѣ и въ іюнѣ выпускать изъ нея сокъ для изготвленія пріятнаго напитка ²⁾. Изъ ягодъ онъ называетъ красную, черную и

¹⁾ They have littill trees that they make hoops of, which the Inglishe say they be wilde cheryes, but I cannot believe it. It is of that kind, but is like a chery in leafe and beareth a bery les than our Searbis (то-есть *Sorbus*) bery somewhat blackishe, but was not ripe at my being theare; the wood is wondros pliant, and if a twig chance to tuche the ground it will take roote, as I have seen in many places. I took up of them in July, an brought them over a plant or two, which I hope will growe; for all the unfit season of the yeare they be very willing to grow. Now for the abundance of hoops that ther is mad, I may imagine, for our coopers, for the great caske of caveare, and the Fleming, Hollanders and Hamburgers and Russes, spend such abundance, yet our people bring them away for the hooping of the cask in Greenland; and by the report of the coopers, they be the best hoops in the world, for they say in a whole day they break not on.

²⁾ In the cuntrie, as 5 parts is woods and unprofitable grounds, I have seen 4 sorts of firtrees an birch trees of great bignes, whiche in the spring tyme they make incision for the juce to drinke, which they saye is a fine coole kind of drink, which lastethe the most part of May and the begining of June. О невидѣнныхъ имъ деревьяхъ Традескантъ говоритъ: «By report they have most sorts of trees that we have in England, up in the contrie, both oake, elm and ashe, aple, peare and cheryes; but the frut les, and not so plesant. This have bin tould me, and amongst the rest of a plant that growethe upon the Volga, whiche they call God's tree, whose leaves be much lik to fennell; but the report is, is passing sweet and of great vertue». Это — *Artemisia abrotanum*, по-русски *Божье дерево*, что, вѣроятно, и заставило Традесканта принять эту траву за дерево.

бѣлую смородину (*Ribes rubrum, nigrum et album*): по словамъ его, она тамъ была крупнѣе, чѣмъ видѣнная имъ гдѣ-либо въ Англии; три или четыре сорта *Vaccinium*: красный *V. брусника* (*Vitis idaea*), можетъ быть, также клюква (*Oxycoccus palustris*), два сорта синяго цвѣта: черника (*V. myrtillus*) и, можетъ быть, голубица (*V. siliquosum*)¹⁾. Онъ нашелъ также: *Angelica* (*Archangelica?*), *Lysimachia* (*vulgaris*), *Pentafolia major* (*Potentilla?*), *Geranium* (*flore caeruleo*), но конечно *pratense*, *Saxifraga* (*Pimpinella?*), *Sorel* (*Rumex*), *Rosasolis* (*Drosera*) и т. д.²⁾.

Въ Паркинсоновомъ *Paradisus terrestris* 1629, стр. 528, я считаю за опечатку, когда говорится о видѣ земляники, привезенномъ будто-бы Традескантомъ изъ Брюсселя: вѣроятно, должно быть изъ Россіи³⁾.

Традескантъ дѣлаетъ, хотя и краткія, замѣтки о зерновомъ и печеномъ хлѣбѣ, о мясѣ, о пивѣ, о пахатной землѣ, о плугахъ, телѣгахъ, о бревенчатыхъ мостовыхъ въ городѣ Архангельскѣ, о ловкомъ употребленіи простыхъ плотничныхъ

¹⁾ I have seene shrubs of divers kinds as Ribes, or as we call them currants whit, red, and black, far greater than ever I have seen in this cuntrie; 3 or 4 sorts of whorts, red ons, and two sorts of blewe ons. The currants, and all other things wear so much bigger than ours, as I could gather by the vygor of the somer, which is so quick, that when a thing is in blosom it never fellethe could till it is a perfect frute.

²⁾ Also I have been tould that thear growethe in the land both tulipes and narsisus. By a Brabander I was tould it, thoug by his name I should rather think him a Hollander. His name is Jonson, and hath a house at Archangell. He may be eyther, for he always druke (is drunk) once in the day.

³⁾ Тамъ читается: «There is (another strawberry) very like unto this, (the Virginia strawberry, which carrieth the greatest leafe of any other except the Bohemian), that John Tradescante brought with him from Brussels (Russia?) long ago (1618); and in seven yeares could never see one berry ripe on all sides, but still the better part rotten, although it would every yeare flower abundantly, and bear very large leaves». — Впрочемъ Традескантъ, надобно замѣтить, вотъ что записалъ въ дневникѣ о земляникѣ: «I also saw strawberyes to be sould, but could never get of the plants; but the beryes wear 3 times at my Lords (Digge's) table; but they were in nothing differing from ours, but only les, which mad me that I did not so much seek after them». При всемъ томъ онъ, вѣроятно, взялъ съ собой сѣмена.

ИНСТРУМЕНТОВЪ, О ПОСТРОЙКѢ ДОМОВЪ, КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДВОРОВЪ И Т. Д. ¹⁾).

¹⁾ Традесканти описываетъ вещи, имъ самимъ видѣнныя: «Things by me observed». За тѣмъ слѣдуетъ:

Imprimis for the sowing of rye the sewe in July, ther wheat in June, these two grazers growe sune 13 monthes before they be reaped by reason of the snow falling in August or September, and so liethe till the May after.

The harvest is in August and the beginning of September; their barley, oats, and pease they sowe in May the last, and commonly reaped the first of August, or the last of July.

I have bin showed oats whyte, very good, whiche wer sowne, and mowne, and keapet, thrashed in 6 weeks.

For ther howses they be made all of long peeces of fire, being half cut away on the insyde. They be glased withe glas called Slude; their ruffes ruffes be flat almost and cut bordes of a handfull thick layd longwayes doune the ruffe; they have the rinds of birche trees under the borde; which be as broad a yearing calfe or broader, and 3 yards long, whiche they laye the edges on above another, and doo defend the wet, and rayne, and snowe.

Now for ther warmthe they have stoooves wherein they heate ther meat, whiche is so well don that in givethe great content to all strangers.

For beds I have seene none of the Ruses but think for the most part they sleep upon bed steads, and most of ther beding is beare skins, and other skins. The English and Leefelanders, I have seen ther beds lik to thees borded beds in England, of a mean sort.

For ther meat and bread, it is resonable god, they have bothe wheat and rie bread, and is full as good as most places of Ingland dooe afford, only they never bake it well, and have many foolish fatyons for ther form of ther loafe, sum littil ons so littill as on may well eat a loaf a two mouthe full, other great onse but much shaped like a horse shooe, but that they be round, and a horse shoe is open in the on end. Also they have a broune kind of ryebread, whiche is both fine and good. I have seen at the Inglishe house, and also in the Duche houses, Leeflanders so good bread as I have yet never seen the like in this cunttrie.

For ther drinks they be meads made of hony and watter, and also beere; but ther Ruse beer is wonderfull base of an ill taste, but ther best meade is excellent drinke, mad of the hony whiche is the best honny of the world. I have drunke such beere brewed by a russe in the Inglishe house, bothe for strenghe and for good tast as I have never betterd it in England.

For the mutton and beefe it was bothe small and lean, ther shape much like to the Norfolk sheepe; ther beefes like runts of 4 marks price; ther hens and cokes small, and no capons. Ther pidggs they spend wonderfull small, the hogs short, well trused swine, ther bacon tasts much after oyle, because of the muche fishe ther hogs eate.

Ther land, so muche as I have seene, is for the earable fine gentill land of light mould, like Norfolke land, without stons; ther maner of plowes like oure, but

Ему показывали, овесъ, который черезъ шесть недѣль послѣ посѣва былъ уже обмолоченъ. Хлѣбъ находилъ онъ столь же хорошимъ, какъ и въ большей части Англии; но печеньемъ и внѣшнюю формой хлѣба онъ не былъ доволенъ. Кромѣ пшеничнаго и ржаннаго хлѣба, онъ упоминаетъ о печеньяхъ лучшаго сорта.

Скотъ находилъ онъ мелкимъ: овецъ — въ родѣ норфольскихъ, говядину и баранину тощую. Куры и пѣтухи мелки; каплуновъ вовсе нѣтъ. Поросятъ, говоритъ онъ, употребляютъ къ столу слишкомъ молодыхъ; ветчина отзывается ворванью,

not so neat, muche like to Essex ploughes, withe wheels, but the wheels very evill made.

The carts be littill ons, long narrow ons, muche like them of Stafordshir; the wheels be lowe mad of two peeces of slit fir timber, being thik wheare the exselltre goeth thorow, and so deminishe les till they com to the rime, and follow the cattell withe muche labor. For ther horses they be well shaped, short kryt, well joynted; only ther tarter horses be longe, much like to the Barbery horses, but of the best use of any in the knowne world, for as I have heard Captaine Gilbert report, that hathe long lived theare he had on whiche he hathe rod a wholl day together, and at night hathe give him a littill provender, and the next day hathe don the like, and so for many dayes, and yet he confessethe that he hathe not known seldom on of tire.

For ther streets they be paved withe goodli timber trees, cleft in the middell, for they have not the use of sawing in the land, espetiali in that part whear I wan neyther the use of planing withe the plane, but onlie withe a shave, or as some parts of this kingdom calleth it, a draing knife, and yet yu shall see thins don beyond any mans judgment onli withe a hachet and a chisell and a draing knife and withe muche speed, but that I think is by reson of the softnes of ther woods. The yards of ther howses be all paved withe timber, and devided betwin neybor and neybor with palliadowes of yong timber of 12 or 13 foot highe, the timber being so big, as from post to post they put throug a long piece... throw a mortis.

Also the cuntrie howses be built like to those of the townes and pallasadeed whiche be don ale in on forme, having ther yard rounded withe cow-houses, and places for shepe and horse, being all open to the yardsyde, muche lik cloysters heer in England, ther ploughes and çarts amongst ther cattell to mak partission, an over liethe the hay, for the most part they be quadrand, and on corner is the dwelling-howse and on syde the barn whiche is comonly the pont. Farther it is to be observed, that all thees cuntry howses stand on little hills, whiche hathe bin rayed by art at the first, and also without the pallisado or fence of inclosure, ther stands the bodies of timber trees some 7 or 8 feet high, and from the inclosure, some 16 foot, and on from an other 7 or 8 foor, whiche they say is to defend the isse whiche at the first thawing, if it be with rayne, makethe a very great flud.

потому что свиньямъ (въ Архангельскѣ) даютъ слишкомъ много рыбы.

Русское пиво вообще плохо; но сваренное однимъ Русскимъ въ англійскомъ домѣ (въ Архангельскѣ) было хорошо, какъ англійское.

Пахатную землю у Архангельска онъ сравниваетъ съ норфолькскою; плуги находятъ похожими на эсекскіе, но колеса худшей работы. Телѣги маленькія, узкія и продолговатыя, какъ въ Стаффордширѣ. Лошади довольно хороши.

Что русскіе плотники работаютъ такими плохими инструментами, Традескантъ объясняетъ это, или по крайней мѣрѣ скорость работы, мягкостію дерева.

Въ устройствѣ дворовъ онъ находитъ сходство съ англійскими монастырями, такъ какъ хлѣвы для скота ставятся во кругъ двора.

Нѣсколько подробнѣе онъ описываетъ пять сортовъ лодокъ, видѣнныхъ имъ на Двинѣ ¹⁾.

¹⁾ Now for the navegablenes they use great lyters or barges or lithes for they be some of them that will carry 3 or 4 score tuns or loads. They goe with crose saylls and the masts made all of on peece like Gravesend barge and at the upper end they have cute thorowe a thin bord of 3 quarters of a yard long sume shape or liknes sume to a foulle and sume to a dragon or any other thing that ther fancy leads them two and at the end of the wood worke they have fastned sume linen or thin stuffe comonly fringed and most of them have eyther hauks bells or horsbells hanging thereon that maks a noyse withe the winde. For ther hulls of theese vessels they be witheout naylls of iron or trunnells of wood for they be sowne together withe rinds of trees and calked in the seames withe fine mosse and rosinned and tared but dresed rosen coller ther fation muche like as if on would tak two litters and clap on upon another none being open aloft but they go in on the syd whear they tak the loading in. The top or upper part is under the planks lined withe the rind of birche trees to defen watter. These great vessels they call loddes they sayle all or els set them of withe long polls the ruder of on of theese is sumtimes 10 foot long behind the vessel and of a great thicknes and berathe gyded by a long tiller within bord. I have seen at the lanching of on of theese 3 (авторъ хотѣлъ написать 30) men presing with leavers to get them of and making a noyse as if all the whole toune had bin together by the ears and for ther labor I durst have bin on of the 6 Inglishe that should have don more than thos 30. Nowe they ly on ground at every port they com to. They commonli never goe without a faire wind espetyallie the laps or laplanders for if the English se them coming they still curse them knowing the wind will change and be in ther pops.

Сперва онъ описываетъ *лоды*. Въ нихъ, кажется, будто одна плоскодонная лодка поставлена на другую: входъ съ боку, палуба внутри обита лубками; стѣны между досками законопачиваются осмоленнымъ мохомъ. Мачты и паруса — какъ на гравендскихъ баржахъ. На мачтахъ обыкновенно вѣшаютъ вымпела съ бубенчиками и соколиными колокольчиками; руль толстый и длинный. На мелкихъ мѣстахъ, лоды тихо передвигаются шестами. У лапландскаго берега и въ другихъ мѣстахъ онѣ идутъ на парусахъ только при полномъ вѣтрѣ. Траде-скантъ самъ видѣлъ, какъ тридцать русскихъ работниковъ

They have also a littill kind of boats sumewhat les than our wheryes in the river of Thames whiche they call dingo boats. They will carry sume 8 or 9 persons. Thees most of the mossicks be furnished withe to bring the hogs and sheepe and fishe and hense and wild foule to market whiche they have in great abundance. This boat is mad of 4 or 8 deall boards finely claft and then hewed but is for depthe comonly never but two bords on above another sowne together withe rinds of trees. They be very light so that two mene will take on of them and cary them from high watter mark to lowe eyther way as it pleaseth them. They sume time will rowe on of thesee boats 3 payre of sulls (читай: sculls) the scull being about 5 or 6 foot long, the blad being the longest part but not as ours be in England but the round almost halfe the way and the other end dothe bear his breadthe equall to the end. The go very swift on of the rowers sitting rit behind the other and keep stroke. Bu (то-есть but) if on sture (stir) they be redy to tumble over by reso(n) of the narrownes of them.

They have yet a third kind (of) boat that be mad all of on tree of an incredible bredthe and bignes for many of thees boat be 25 or 30 foote long and longer sume 7 foote broad. The keells of these boat be almost round ontill tapard they heyten the syds of the(m) withe strong heard deall plancks and bayle them all over from end to end withe hoops of this fornamed wild chery tree as the English call it and cover it withe birche rinds and sumtims withe sealls skins having of these abundance for withe those boats they hunt and persue them and fishe for them for they cache abundance whiche may apeer by the great store of oylle that they ther make whiche the hollanders ther by (buy) twichе stinkethe so filthily that it is redy to poyson all those that go by but being deprived of that sence it ofended me not. The skins I have seene theme lye by blowne out like a blader the hear syd inward, I thinke it was to get the grease out or oyle that would spoyle the skine for in ther tawing of them they be very carfull to get the oyle cleere oute for they mak great store of sellers (cellars) of bottells for to keep hot watters (водка). They sell most of them to the Duch and the Duche paints them within and puts the iron worke to them and bring them ther owne againe to sell.

They have yet a forthe kind of boats or litters which be flat bottomed of wonderful bignes for bredthe. They be fationed alnomost (almost) ovale the be littell

спускали на воду лодью рычагами, производя при этомъ страшный крикъ. Онъ полагаетъ, что съ пятью англійскими работниками онъ сдѣлалъ-бы больше этихъ тридцати.

Лодки, поднимающія восемь, девять человекъ, на которыхъ возили въ Архангельскъ на рынокъ мелкій скотъ и птицу, онъ находитъ меньше уэррійскихъ на Темзѣ и показываетъ при этомъ разности въ формѣ весель.

Суда съ досчатыми килями, до семи футъ въ поперечникѣ и до тридцати въ длину, имѣли выше киля по бокамъ обшивку изъ бересты или тюленьихъ кожъ, утвержденную на черемховыхъ (*Prunus radus*) ребрахъ. Такихъ судовъ много было на рыбномъ и тюленьемъ промыслахъ.

Въ баркахъ Традескантъ удивляется толстотѣ бревенъ, изъ которыхъ онѣ построены. Онъ полагаетъ, что такія барки пригодились бы для Остъ-Индской компаніи, когда бы были покрыты. Потомъ Традескантъ описываетъ суда съ каютами для лицъ высшаго сословія.

Въ журналѣ Традесканта, веденномъ во время его пребыванія въ Архангельскѣ, есть кое-что и для геологіи. Близъ Двины онъ видѣлъ валуны, которые встрѣчаются у насъ на сѣверо-востокъ почти до Печоры и до Урала, а на югъ до воронежской и черниговской губерній. Традескантъ пишетъ:

above 3 foot deepe but be mad of suche strengte that I have never sene bigger timber in any shipe for the myty knees and jyses which ly crose on of these will load the best shepe that ther was in the harbor at twice going aboard. The name I have forgotten. The (are) open and subject to wet otherwis they weare good for the East Indian Company.

They have yet a fift sort suche as the great persons of the land have to pas up and doune the river. They be of divers bignesses sune greater sune lesser they be mad of two sort the one have a fine littill borded house in the poope or after part. These be of the lesser sort the greater sort have houses in the midell prettily built with prtty windowes in them. When any on great person is in them they must then be covered all that part that is like a house with eith red blewe or greene but the greatest (of) all red which I judge is of greater state. — Уже въ 1580 г. царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ построить въ Вологдѣ 20 большихъ рѣчныхъ лодей, которыя даже снаружи украшены были золотыми и серебряными листами и живописными изображеніями львовъ, драконовъ, слоновъ, носороговъ, и т. п.

«По Двинѣ лежитъ множество камней, изъ которыхъ иные по вѣсу составляютъ полвоза и больше. Одному, знающему русскій языкъ, я поручилъ спросить, откуда взялись эти камни, когда въ этой сторонѣ вовсе нѣтъ скаль, а по Двинѣ все болота. Толмачъ (вѣроятно, Джорджъ Бриггсъ) получилъ въ отвѣтъ: ледъ приноситъ ихъ». Любопытное объясненіе! Но эти люди думали, что камни приноситъ Двинскій ледъ ¹⁾; а о переносѣ камней изъ Скандинавіи тогдашніе жители Двины, конечно, не догадывались, хотя иные изъ нихъ, какъ еще и нынѣ, много бродили по ледянымъ горамъ въ Ледовитомъ Морѣ.

5-го августа Традескантъ отѣхалъ изъ Архангельска на Діанѣ, вмѣстѣ съ однимъ изъ владѣтелей этого корабля, Нельсономъ. Для отплытія избрано было, должно быть, Пудожемское устье, потому что корабль въ первый вечеръ сталъ на якорѣ у находящагося между нимъ и мелкимъ Корельскимъ устьемъ, Розоваго острова, на который Традескантъ съѣздилъ для ботаническихъ наблюденій ²⁾.

Хотя объ розахъ, разумѣется, дикихъ, Традескантъ говоритъ не тамъ, гдѣ упоминаетъ объ этой поѣздкѣ, а говоря вообще о растеніяхъ, найденныхъ имъ въ Двинской дельтѣ, однако онъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ много розъ на Розовомъ островѣ, и его выраженіе: «ими покрыто около пяти или шести англійскихъ акровъ», навѣрное относится къ этому острову. Онъ приравниваетъ здѣшнія розы коричневымъ розамъ. О розовыхъ кустахъ, которыхъ онъ взялъ съ собою много, онъ гово-

¹⁾ Ther lyethe by the river syde many great stones, some of halfe a cart load, and mor whiche I demanded on to ask how they cam thear, the land being witherout, being moorish toward the watters syd, and they tould our Interpreter that they wer brought ought (out) of the land by the Isse.

²⁾ The 5 of August we set sayll for England from the point, a myll from the toune. That night we cam to an ancor under Rose Iland wheare I (and) divers (other) went on shore whear ther was a littill souldyers hous poorly garded withe sum 10 men, whear we bought gras for our live sheepe, whear I gathered of al such things as I could find thear growing, which wear 4 sorts of berries, which I brought away with me of every sortt. This Iland is lowe land all over but whear the house stands, and that place is a long bank of drie white sand, the land being eyther woods or meddow, but seldom eyther mowne or fed.

рить: «надѣюсь, что нѣкоторые изъ нихъ примутся и будутъ расти въ Англии», въ чемъ онъ и не ошибся¹⁾. Въ каталогѣ Традескантова сада мы видимъ, что тамъ, въ 1656 году, еще была *Rosa Moscovita*. Эта роза ведетъ свое начало, во всякомъ случаѣ, съ острововъ Двинской дельты, можетъ-быть, съ Розоваго Острова. Паркинсонъ въ своемъ *Theatrum botanicum* 1640 г. описываетъ *Rosa sylvestris russica*, привезенную изъ Московіи (the wild bryer of Muscovie). Это, должно быть, также потомство привезеннаго Традескантомъ шиповника.

Надобно здѣсь упомянуть, что въ Россіи до 1630 года не было другихъ розъ, кромѣ дикихъ (шиповника). Только въ это время Петръ Марселіусъ привезъ въ Москву изъ княжескаго Готторптскаго сада первую махровую розу, которая и принялась тамъ очень хорошо. Русскія дикія розы прежде назывались у насъ *гуль*, съ персидскаго. Отсюда въ старинныхъ московскихъ рецептахъ — *гуляфная вода*, отъ персидскаго названія розовой воды *gulaf*. Листки цвѣтовъ шиповника были въ фармацевтическомъ употребленіи еще долго послѣ привоза махровыхъ розъ. Въ 1764 году изъ Архангельска было еще послано ихъ тридцать фунтовъ въ Петербургъ для аптекарскаго приказа.

По случаю розъ мы узнаёмъ изъ Традескантова журнала, что у него не было чувства обонянія: онъ говоритъ, что люди, имѣющіе обоняніе, увѣряютъ, что розы на этомъ островѣ имѣютъ удивительно пріятный запахъ (marvelous sweete).

Въ другомъ мѣстѣ журнала онъ заявляетъ это прямо, когда говоритъ о вываркѣ ворвани. Она распространяетъ запахъ, который почти отправляетъ проходящихъ; «но такъ какъ я — прибавляетъ онъ — лишень обонянія, то не могъ въ этомъ самъ убѣдиться»²⁾. Такъ вотъ и вознагражденіе за то, что осталось ему недоступнымъ на Розовомъ Островѣ.

¹⁾ I have seen Roses only single in a great abundance in my estimation 4 or 5 acres together they be single and much like oure Sinoment Rose and who have the sence of smelling say they be marvelous sweete. I hope they will bothe growe and beare for amongst many that I brought hom withe the Roses upon them yet some on may grow.

²⁾ Это мѣсто Традескантова журнала было уже приведено выше. Оттуда мы узнаемъ также, что онъ видѣлъ, какъ надутые тюлени пузыри были, сколь-

На этомъ-же островѣ Традескантъ нашелъ неизвѣстное ему растеніе съ ягодами, которое онъ описываетъ подробнѣе другихъ растеній. Это должно быть *Cognus suesica*. Онъ взялъ съ собой кусты, на которыхъ были ягоды; но матросы поѣли ихъ, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ это; къ утѣшенію своему, онъ нашелъ нѣсколько ягодъ на полу. Для поливки растеній давали ему на морѣ соленую воду, не сказывая ему этого, потому что нѣсколько бочекъ прѣсной воды выброшено было за бортъ, когда, при отплытіи, корабль въ барѣ сѣлъ на мель ¹⁾.

На Розовомъ Островѣ онъ видѣлъ также полевья фіалки (*Dianthus*) такія-же красивыя, какъ въ Англии, съ глубокими выемками въ листкахъ цвѣта ²⁾.

6 числа Діана вышла за баръ, въ которомъ Традескантъ, какъ уже упомянуто, показываетъ одиннадцать футъ глубины. Корабль попалъ-было тамъ на мель, но благополучно снялся. 8-го былъ онъ у острова Сосновца, и вечеромъ того-же числа встрѣтился съ англійскимъ военнымъ кораблемъ, который привелъ въ Россію Волынскаго. Съ 8 до 10-го дулъ противный вѣтеръ, а потомъ до 13-го стоялъ густой туманъ, такъ что въ четыре дня сдѣлали только десять лигъ. У Святаго Носа корабль попалъ, какъ кажется, въ вышеописанный сувой и былъ въ опасности паткнуться на скалу (вѣроятно, Камень

ко возможно, очищаемы отъ своего масла съ вывороченной мясной стороны для употребленія на обивку погребцевъ, которыхъ много продавалось, по большей части Голландцамъ, приѣзжавшихъ въ Архангельскъ. Дома они окрашивали ихъ внутри, обивали желѣзомъ и потомъ опять привозили въ Архангельскъ на продажу.

¹⁾ A sort of plant bearing his frut like hedge mercury (*Mercurialis perennis*) which made a very fine showe having leaves on the tope of every stake having in every loupe a berry about the bignes of a hawe all the 3 berryes growing close together of a finner bright red than a hawe whiche I took up many roots yet am afraid that none held because on our being on ground we staved most of oure fresh watter and so wear faint to watter withe salt watter but was mad believe it was freshe whiche that plant having but a long whit thin root littill bigger than a small couch gras and the boys in the ship befor I pe(r)seved it eat of the berries except some of them com up amongst the earthe by chance. I found this plant to growe in Rose Iland.

²⁾ Thear (in Rose Iland) I found pinks growing naturall of the best sort we have heere in England withe the eges of the leaves deeplie cut or jaged very finely.

Воронуха). 14-го около корабля появилось много китовъ; Нельсонъ позвалъ Традесканта на палубу и показалъ, какъ за однимъ изъ нихъ гонялся Thresher. 16-го Діана прошла Нордъ-Капъ, но лишь 22 сентября Традескантъ вышелъ на берегъ въ Катерининскомъ докѣ у Лондона *).

Изъ указаннаго мѣста Традескантова журнала мы видимъ, что уже въ 1618 году имя Thrasher было въ употребленіи для означенія извѣстнаго врага китовъ, называемаго даже *Balaenarum tyrannus* — дельфина, именно *Delphinus* (Phocoena) Огса, по-русски *косатки*, хотя тогда лишь двадцать лѣтъ прошло

*) The 6 of August we weyed ancor (у Розоваго Острова) the wind being fayre and went for the bar is but 11 foot watter and our shipe drew 10 and a halfe the tide being then neape whear we cam on and sat 6 or 8 howers to oure great grefe a fiowd presently rising whiche if it had continewed the shipe must needs have perished but thanks be to God the next tyd we cam of without any harme. The next day we wear becalmed. The 8 day we mad Cros Hand the wind being fayre but small and much raine in so muche that all the decks wear leake which for my own part I felt for it rayned doune thourow all my clothes and beds to the spoyll of them all. The 8 day at night we met withe on of the state men of war that the Rusian Ambassator cam home in of Cape Grace (въ семи съ половиной лигахъ отъ острова Сосновца). From the 8 to the 10 contrary winds. From the 10 to the 13 extreme foge so that in 4 or 5 dayes we went but 10 leags a head. Of Cape Gallant (Святой Носъ) we wear afrayd of being brought upon a rock (вѣроятно, Камень Воронуха) but thank be to God it proved bcter. The 14 daye being Fridaye we sawe mani whales whear the owner of ship (Нельсонъ) sawe on chased with a thresher and called me to see it but they rose no more. The next day (15) being Satterday we had a great storme the wind being at East. On Sunday (16) towards night the storme seased and the wind changed west. That night we mad the North Cape.. On Sunday being the 13 of September I with on were walking on the wash of the shipe I descreyed lande, whiche was present aproved by the whole company which land was to the southward of Boffum Ness part of cuntrie of Scotland. Oure Master imaiened it to be the Frithe but could no more tell than any other. This is in on iuste monthe we had bine without sight of land for the Sunday monthe befor wee had sight of the North Cape of the land called Assumption... On Friday, (18 августа, должно быть — сентября) 12 of the clock we mad Flambrow head. Saturday (19, опять августа вмѣсто сентября) night we recovered Yarmouth road where we anchored and dined in the tounce. On Sunday (20) after dinner we wayed anchor and that night the wind being fayre we recovered Al(d)boroug the next morning being Monday we wayed and that daye came to Gravesend. On Tuesday the 22 of August (должно быть, сентября) we landed at Saynt Katharine neer London whear God be thanked we ended our viage having no one man sick God be thanked.

съ тѣхъ поръ, какъ Англичане начали практически заниматься китоловствомъ у острова Исландіи и недалеко отъ Нордъ-Капа. Должно впрочемъ замѣтить, что первая попытка Англичанъ на китоловный промыселъ, сдѣланная въ 1575 году, относится именно къ тѣмъ водамъ, гдѣ Нельсонъ указалъ Традесканту кита, преслѣдуемаго дельфиномъ. Для изученія техники китоловства, этой, тогда еще неизвѣстной въ Англіи промышленности, было принято нѣсколько опытныхъ въ этомъ дѣлѣ Бискайцевъ. На счетъ нужныхъ для того снарядовъ обращались за совѣтомъ къ Вильяму Борро. Въ 1574 и 1575 г. онъ былъ, какъ выше сказано, въ Москвѣ первымъ агентомъ лондонской компаніи. Уже въ 1556 г., плывя съ братомъ своимъ Стефеномъ, вблизи Новой Земли, онъ замѣтилъ кита у самаго корабля. Въ слѣдующія плаванія къ Розовому Острову, Англичане, безъ сомнѣнія, часто встрѣчали китовъ, и это могло вести къ заведенію китоловнаго промысла, который сдѣлался потомъ у Англичанъ столь значительнымъ.

Лишь сто девятнадцать лѣтъ послѣ Традескантова путешествія къ намъ, именно въ 1737 году, дельфинъ, вмѣстѣ съ мечомъ-рыбой, объявленъ былъ смертельнымъ врагомъ китовъ въ естественной исторіи Сѣверной Каролины доктора Джона Бриккеля ¹⁾. За двѣнадцать лѣтъ до того (1725 г.), Поль Додлей сообщилъ Королевскому Обществу (Royal Society), что дельфины-орки у китолововъ называются убійцами (Killer), и что они гоняются за молодыми китами, какъ бульдоги за быками. Киты рычатъ какъ разъяренные быки и высовываютъ изъ пасти языкъ, который орки пожираютъ ²⁾. Странно, что

¹⁾ Бриккель пишетъ: «These Fish (the Whales) are never found dead or floating to the Shoar with their Tonges in their Heads, for it is the Opinion of many in these parts, that the Thrashers and Sword-Fish (which are mortal Enemies to the Whales where ever they meet them) eat the Tongue out of their Head, as soon as they have killed him; but whether this be done the Fish above mentioned, or by others of the same voracious Nature, I will not take upon me to determine».

²⁾ Paul Dudley говоритъ: «Our Whale-men have given this Fish (that prey's upon the Whales) the Name of Killers. They go in Company by Dozens, and set upon a young Whale, and will bait him like so many Bull-dogs; some will lay hold of his Tail to keep him from threshing, while others lay hold of his Head, and bite and thresh him, till the poor Creature, being thus heated, lolls out his Tongue,

докторъ В. Скоресби, столь свѣдущій во всемъ, что касается китовъ, не упоминаетъ объ этихъ дельфинахъ. Онъ сомнѣвается даже въ ихъ существованіи. The swordfish and the thrasher, говоритъ онъ, и въ скобкахъ прибавляетъ: *если есть такое животное* (if such an animal there be), may possibly be among the enemies of the whale, but I have never witnessed their combats.

Изъ разныхъ названій разсматриваемаго дельфина, очень древнее: *grampus*, можетъ-быть, произошло чрезъ сокращеніе изъ *grand porpois*. Такъ какъ дельфины эти водятся вблизи Нордъ-Капа, то они называются Нордъ-Капцами. Русское названіе *косатка* дано по плавательному перу на спинѣ, нѣскольکو изогнутому, которое дельфинъ держитъ обыкновенно поверхъ воды. Тамъ, гдѣ, по разчисленію времени, Нельсонъ видѣлъ съ Традескантомъ дельфиновъ, ихъ и нынѣ видятъ очень часто, именно у полуострова Рыбачьяго и Варангскаго Фіорда. Одинъ очевидецъ сказывалъ мнѣ, что косатки очень часто загоняютъ китовъ въ образуемую южнымъ краемъ Рыбачьяго полуострова и берегомъ, Мотовскую губу, а тамъ, какъ въ сѣверную впадину, называемую Ново-Земельскою гаванью, такъ и въ обѣ, дальше къ югу находящіяся, мелководныя губы, даже на сушу; и дѣйствительно, берегъ тамъ, наполненъ островами китовъ. Самая южная изъ этихъ губъ была названа, вѣроятно, Китовою, но теперь на нашихъ картахъ она называется Титовскою. Самая западная губа, теперь называемая Кутовою (отъ *кутъ*, уголъ или конецъ), первоначально называлась, можетъ быть, также Китовою, тѣмъ болѣе, что впадающая въ нее рѣчка на картахъ называется Титовскою (то есть, опять Китовскою). Такимъ образомъ были, можетъ быть, двѣ Китовыхъ губы, одна западная, имѣющая направленіе къ юго-западу, а другая восточная, направленная къ югу.

and then some of the Killers catch hold of his Lips, and if possible of his Tongue; and after they have killed him, they chiefly feed upon the Tongue and Head, but when he begins to putrify, they leave him. This Killer is without doubt the Orca, that Dr. Frangius describes with these words: «Quando Orca insequitur Balaenam, ipsa Balaena horribilem edit mugitum, non aliter quam cum Taurus mordetur a Canem». These Killers have sometimes bit out of a dead Whale a Piece of Blubber of about two Foot square».

Тилезіусъ видѣлъ стаю косатокъ, какъ-бы въ боевомъ порядкѣ гнавшихся за тюленями, которые часто, чтобы спастись, вспрыгивали на воздухъ. Рисунокъ этого явленія сообщенъ Палласомъ.

Такъ какъ Традескантъ узналъ названіе дельфиновъ: *Thra-cher* (бойцы), безъ сомнѣнія, отъ Нельсона, владѣльца корабля, то можно полагать, что послѣдній бывалъ на сѣверѣ въ прежнія свои путешествія. Одна рѣка и бухта въ Гудсоновомъ заливѣ были названы по имени какого-то Нельсона, который находился съ Томасомъ Боттономъ, отравленнымъ серомъ Додлеемъ Диггсомъ и другими членами Московской компаніи на сѣверо-западъ и зимовавшимъ въ этой бухтѣ въ 1612—1613. Этотъ Нельсонъ тамъ и умеръ. Нашъ Нельсонъ былъ, можетъ быть, родственникъ того и прежній его спутникъ.

Надобно пожалѣть, что Традескантъ не прожилъ у насъ дольше: при своей наблюдательности и неутомимой охотѣ собирать естественные предметы, онъ, безъ сомнѣнія, внесъ бы въ свой журналъ много такого, что для насъ было бы теперь въ высшей степени интересно.

Какъ видно изъ каталога его музея, онъ привезъ съ собой въ Англію нѣсколько вещей и 80 штукъ русской одежды. На стр. 49 значится: *Duke of Muscovy's vest wrought with gold upon the breast and armes*. Дюкомъ Англичане часто называли царя, а также и какого-нибудь князя. Въ 1618 году въ Архангельскѣ не было другаго князя, кромѣ воеводы Андрея Васильевича Хилкова; его помощникомъ былъ Богданъ Борисовичъ Воейковъ. Итакъ этотъ кафтанъ съ золотымъ шитьемъ былъ, быть можетъ, изъ гардероба князя Хилкова. На страницѣ 47 упоминается русская верхняя одежда (*vest*). Стр. 48 — сапоги изъ Россіи, стр. 46 — ножъ изъ Московіи, стр. 4 — сѣверный пырокъ, *goraga* (то есть гагара) или *Columbus* изъ Московіи. Думаю, что я видѣлъ въ такъ-называемомъ Ашмолевомъ музеѣ голову, отпную отъ этого экземпляра. Стр. 162 — *Rosa Moscovita* съ Розоваго Острова.

Паркинсонъ, въ своемъ *Theatrum botanicum* (1640) стр. 705, говоритъ, что Традескантъ привезъ изъ Россіи въ Англію *Geranium Moscoviticum purpureum* — растеніе не описанное, хо-

тя оно давно уже находилось въ английскихъ садахъ *). Впрочемъ, въ упоминаемомъ нами каталогѣ Соутъ-Ламбетскаго сада значится не *Geranium purpureum*, а на стр. 116 *G. Batracoides flore saeruleo*, и Традескантъ пишетъ въ своемъ журналѣ, что на островахъ Двинской дельты онъ находилъ «*Geranium flore serulle*».

Черезъ два года послѣ своей поѣздки къ намъ, онъ совершилъ путешествіе въ Средиземное море съ тогдашнею экспедиціей противъ Алжира. Съ острова Форментеры онъ привезъ *Trifolium estellatum*, которую Джонсонъ, въ своемъ изданіи Герардова травника (*Herbal*) стр. 1208, описываетъ подъ названіемъ *Trifolium stellatum hirsutum*, а Паркинсону онъ сказывалъ, что въ Варварійскихъ государствахъ онъ видѣлъ поля, наполненныя растеніемъ *Gladiolus*. По Паркинсону (*Theatrum botanicum* стр. 1109), Традескантъ получилъ отъ Вильгельма Бея (*Voel*) въ Лиссабонѣ *Trifolium fragiferum Lusitanicum tomentosum*.

Семь лѣтъ спустя, именно въ 1627 году, Традескантъ, состоя садовникомъ у герцога бокингемскаго (*George Villiers*), участвовалъ въ несчастной экспедиціи, предпринятой герцогомъ, за годъ до его убіенія, на Ла-Рошель и на островъ Ре. Съ этого острова онъ привезъ *Leucosium marinum maximum Parkinsoni*.

Традескантъ младшій совершилъ, до 1640 года, путешествіе въ Виргинію. Онъ привезъ оттуда: *Aquilegia Virginiana* (*Park. Th. bot. p. 1367; Musaeum Tradescantianum p. 84; A. Canadensis L.*), *Sparganium majus sive ramosum Virginianum* (*Park. Th. bot. p. 1206; Mus. Trad. p. 169*), *Gelsemium sive Jasminum luteum odoratum Virginianum scandens sempervirens* (*Park. Th. bot. p. 1465; Gelsemium nitidum, Mich.*), *Cupressus Americana* (*Park. Th. bot. p. 1477; C. Virginiana Trad., Mus. Trad. p. 106; Taxodium distichum, Rich.*); вѣроятно, также и *Arbor siliquosa Verginiensis spinosa Locus nostratibus dicta*

*) *G. Moskovit. purpur.* groweth in Moscovy, brought to us by Mr. John Tradescant, hath not beene published although we have had it longtime in our Gardens.

(Park. Th. bot. p. 1550; *Locusta Virginiana arbor*, Mus. Trad. p. 135). Вильямъ Ватсонъ ошибочно утверждаетъ (Phil. Trans. V. XLVI), что кипарисъ въ первый разъ привезенъ Традескантомъ отцемъ.

Традесканты всѣ трое, отецъ, сынъ и внукъ, погребены, какъ я упоминалъ, возлѣ самага дворца архіепископа Кентерберійскаго, на кладбищѣ при Маріинской церкви въ Ламбетѣ.

Въ такъ-называемомъ Ашмолевомъ музеѣ находится нѣсколько портретовъ, писанныхъ масляными красками, отца и сына. Молодой внучекъ и его мачиха Эсѳиръ также нарисованы. Есть также портретъ и гипсовый слѣпокъ головы, снятый съ Традесканта старшаго тотчасъ по его кончинѣ. Кромѣ этихъ портретовъ отца и сына, рисованныхъ богемскимъ художникомъ Венцеславомъ Голларомъ для каталога Музея*), они были дважды гравированы Джономъ Томасомъ Смитомъ. Эсѳиръ Традескантъ, одна и съ пасынкомъ (а не сыномъ), была гравирована Каульфильдомъ. Домъ Традескантовъ въ Ламбетѣ тѣмъ-же Смитомъ гравированъ первоначально для его *Antiquities of London and its Environs* (1791—1800).

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, англійскіе садовники еще называли нѣкоторыя растенія именемъ Традесканта, а именно: 1) вышеупомянутое *Phalangium Ephemenum Virginianum*, которое тогда уже Руппомъ было выставлено въ Германіи родоначальникомъ рода *Tradescantia*; 2) *Narcissus pseudonarcissus*, названное Паркинсономъ въ честь Традесканта, и

*) Подъ портретомъ отца подписано: *Johannes Tradescantus Pater, rerum selectarum insignem suppellectilem in Reconditorio Lambethiano prope Londinum, etiamnum visendam primus instituit ac locupletavit*. Подъ портретомъ сына: *Johannes Tradescantus Filius, genii ingenique parterni verus heres, relictum sibi rerum undique congestarum thesaurum ipse plurimum adauxit et in Museo Lambethiano amicis visendum exhibet*. Могло быть, что ничтожныя замѣтки, наполняющія послѣднюю страницу, остававшуюся пустою въ рукописи, приписываемой мною Традесканту старшему, сдѣланы младшимъ Традескантомъ, который былъ друженъ съ Ашмолемъ. Это пустописание начинается такъ: *Simpathetical and antipathetical working of herbes plantes stones minerals with other utemost virtues some times taught by the devil....* Дальше: *Theare was never any callender mad publik before the captivitie of babilon by which they divided the yeere into twelve parties* и такъ далѣе.

по розовидной формѣ, равно и по желтому цвѣту: *Pseudonarcissus aureus maximus flore pleno, sive roseus Tradescanti*; наконецъ 3) астру, которую Традескантъ получилъ отъ Батскаго врача Джорджа Джибса, привезшаго ее изъ Виргиніи, и которая даже у Линнея выставлена подъ именемъ *Aster Tradescanti*, такъ что теперь въ ботаникѣ именемъ Традесканта называется не только родъ, но и видъ.

Традескантовъ садъ посѣтилъ въ 1749 году Вильямъ Ватсонъ (съ 1757 года докторъ, съ 1786 г. кавалеръ) съ докторомъ Митчелемъ. Они нашли тамъ еще *Borrago latifolia sempervirens* (*Anchusa sempervirens*), *Polygonatum vulgare latifolium* (*Convallaria polygonatum*), *Aristolochia clematidis recta*, *Dracontium Dodonaei* (*Arum Dracuncululus*), въ двадцать футъ вышиной и почти въ футъ толщиной *Rhamnus catharticus*, и два большихъ дерева *Arbutus*: въ Традескантовомъ каталогѣ эти растенія означены на стр. 92, 155, 85, 110, 161 и 85. Антикварій и исторіографъ докторъ Андрей Кольте Дюкарель, въ послѣднюю пору своей жизни, кончившейся 1785 г., занималъ одну часть Традескантова дома, тогда какъ другую, пристроенную Ашмолемъ, съ 1760 года занималъ купившій ее Джонъ Смаль. Дюкарель напечаталъ въ *Philosophical Transactions* о Традескантѣ письмо къ помянутому доктору Ватсону, гдѣ содержатся нѣкоторыя неточности. Онъ думаетъ напр., что Традескантъ старшій не былъ садовникомъ въ Кентербери, что онъ еще былъ живъ въ 1656 году, и что Ашмоль купилъ собраніе (у Традесканта сына).

Слава основателя сада въ Соутъ-Ламбетѣ, упроченная Паркинсономъ и Джонсономъ, безъ сомнѣнія, ускорила заведеніе другихъ ботаническихъ садовъ. Объ Оксфордскомъ *Physic Gardens* я уже упоминалъ. И въ Лондонѣ образовался доннынъ существующій аптекарскій садъ въ Чельзи, которымъ послѣ Ватса (*Watts*) и Дуди (*Doody*) завѣдывали Джемсъ Петивьеръ (*Petivier*) и позднѣе Филиппъ Миллеръ. И частные люди показывали ревность къ усовершенствованіямъ садоводства. Садовникъ короля Іакова II, Розе, посѣтилъ Традескантовъ садъ въ 1669 г., когда вдова Эсѵиръ была еще въ тяжбѣ съ Ашмолемъ, и за два года до перенесенія Традескантова со-

бранія въ Оксфордъ, именно въ 1681 г., четыре садовника составили общество для улучшенія воспитанія фруктовыхъ деревьевъ. Это были: Роджеръ Локкеръ, садовникъ королевы Екатерины, бывшій главнымъ надзирателемъ надъ многими другими садами, Джордажъ Лондонъ, садовникъ лондонскаго епископа (Генриха Комптона) въ Фульгамъ, Моисей Кукъ (Cooke), садовникъ графа эссекскаго (Артура Кепеля) въ Кассиобери и Гадгамъ, и Джонъ Фильдъ (Feild) садовникъ герцога бедфордскаго (Вильяма Росселя) въ Воборнскомъ аббатствѣ. Изъ этихъ садовниковъ, Лондонъ и Кукъ извѣстны въ литературѣ; первый перевелъ съ Генр. Уайзомъ (Wise) двѣ французскія книжки и издалъ ихъ, подъ заглавіемъ *The retir'd Gardener*; Кукъ написалъ сочиненіе: *The manner of raising forrest trees*.

Въ 1712 году владѣльцемъ участка земли Традесканта былъ серъ Гансъ Слоанъ (Sloane), который отдалъ потомъ эту землю аптекарскому саду. Послѣднее время своей жизни онъ провелъ близъ этого сада въ Чельзи; тамъ онъ и умеръ. Ботаническія и естественно-историческія собранія Слоана, какъ извѣстно, послужили основаніемъ Британскаго Музея. Его памятникъ стоитъ на лѣвомъ берегу Темзы, у церкви въ Чельзи, тогда какъ основатель Оксфордскаго Музея поконится на правомъ берегу рѣки.

Барельефы на памятникѣ троихъ Традескантовъ теперь не ясны; но въ бумагахъ Пениса въ *Magdalen College* въ Кембриджѣ находятся рисунки, которые изданы были докт. Дюкарелемъ (*Philos. Trans. V. LXIII*). Сдѣланная въ 1662 г. при поставкѣ памятника и въ 1773 г. возобновленная, но подпискѣ надпись состоитъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Know, stranger, ere thou pass, beneath this stone
Lie John Tradescant, grandsire, father, son.
The last dy'd in his spring; the other two
Liv'd till they had travelled art and nature thro'
As by their choice collections may appear,
Of what is rare in land, in seas, in air:
Whilst they (as Homer's Iliad in a nut)
A world of wonders in one closet shut.
These famous antiquarians thad hat been
Both gardiners to the Rose and Lilly Queen,
Transplanted now themselves, sleep here; and when
Angels shall with their trumpets awakcn men,
And fire shall purge the world, these hence shall rise
And change their garden for a paradise.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, одинъ изъ пріѣхавшихъ къ намъ изъ Рима Грековъ, по преимуществу принадлежитъ къ той интересной эпохѣ, когда Россія вошла въ сношенія съ западною Европой; онъ самъ былъ дѣятельнымъ въ нихъ посредникомъ. 11 февраля 1469 г. онъ прибылъ въ Москву, отъ имени папы, предложить великому князю Ивану Васильевичу, овдовѣвшему съ 1467 г., въ замужество жившую въ Римѣ племянницу послѣдняго Греческаго императора Софію (Θομισπιχну). Во время ея путешествія въ Москву уже обрученною невѣстой, при ней находился братъ Юрія, Дмитрій Мануиловичъ Траханіотъ, съ сыномъ; Юрій пріѣхалъ въ Россію позже, чтобъ навсегда въ ней остаться. Чрезъ бракосочетаніе великаго князя съ отраслю Греческаго императорскаго дома вошелъ въ Россійскій государственный гербъ двуглавый орелъ, а вслѣдствіе неоднократныхъ путешествій изъ Россіи въ Италію прибыли въ Москву многіе полезныя художники, произведенія которыхъ отчасти и теперь можно видѣть въ Кремлѣ. Германія также обратила вниманіе на Россію. Императоръ Фердинандъ III *) въ 1486 г. отправилъ образованнаго нѣмца, Николая Поппеля, съ рекомендательнымъ письмомъ къ Ивану Васильевичу. Кромѣ пріобрѣтенія общихъ свѣдѣній о Россіи, ему поручено было, какъ кажется, предварительно разузнать, нельзя ли устроить бракъ императорскаго сына, Римскаго короля Максимилиана, тогда овдовѣшаго, съ одною изъ дочерей Ивана, Еленою или Θεодосією, или не склонны ли онѣ сочетаться бракомъ съ членами другихъ царственныхъ Германскихъ домовъ, Баденскаго, Саксонскаго, или Бранденбургскаго. По возвращеніи въ 1488 г., Поппель засталъ императора въ Нюрбергѣ на сеймѣ. Онъ рассказалъ ему и высокому собранію много о величій и могуществѣ Россіи, равно какъ объ особенныхъ ка-

*) У Карамзина Фридерикъ.

чествахъ ея владѣтеля, послѣ чего, какъ отъ имени императора Фердинанда, такъ и отъ имени сына его, Римскаго короля Максимилиана, Поппель былъ официально посланъ въ Москву, гдѣ онъ, между прочимъ, сдѣлалъ упомянутыя предложенія о бракѣ. Вмѣстѣ съ Поппелемъ, въ мартѣ 1489 г., отъ великаго князя былъ отправленъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ посланникомъ къ императору и къ королю; изъ природныхъ русскихъ сопровождали его Иванъ Халѣпа и Константинъ Аксентьевъ. Кромѣ посольскихъ дѣлъ, Траханіоту и этимъ русскимъ поручено было постараться пригласить мастера горныхъ дѣлъ и металлурга, военного инженера, артиллериста, архитектора и искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера. Нѣсколько лѣтъ раньше, прежде чѣмъ Поппель устроилъ сношенія съ Германіей, великій князь просилъ Венгерскаго короля Матвея прислать ему такихъ художниковъ. Римскій король, отъ имени своего отца, императора, въ 1489 г. предсѣдательствовалъ на сеймѣ, бывшемъ тогда во Франкфуртѣ на Майнѣ. Король принялъ наше посольство въ ратушѣ, въ присутствіи многихъ съѣхавшихся на сеймъ господъ. Траханіотъ, который не понималъ ни по-латыни ни по-гречески, говорилъ рѣчь королю на италіянскомъ языкѣ, на которомъ тоже отвѣчалъ король черезъ Георга фонъ-Торна. Траханіотъ передалъ, въ подарокъ отъ великаго князя, три дорогіе мѣха: сорокъ соболей, шубу горностаевую и бѣличью. Халѣпа и Аксентьевъ, которыхъ тамъ называли кавалерами посольства, представили каждый по шубѣ бѣличьей. На другое утро Траханіотъ имѣлъ частную аудіенцію. Онъ ѣздилъ также къ семидесяти-четырёхлѣтнему старцу императору, который принялъ его очень благосклонно, но не далъ ему никакого письма къ великому князю, такъ что онъ, по возвращеніи въ Москву въ іюль 1490 г., представилъ только письмо отъ Римскаго короля Максимилиана. Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхалъ посланникъ отъ Максимилиана, вышеупомянутый Георгъ фонъ-Торнъ (у насъ неправильно пишется Делаторъ), и имѣлъ аудіенцію не только у великаго князя въ присутствіи его сыновей Василя и Юрія, но и представленъ былъ особенно великой княгинѣ Софіи, которой онъ, вмѣстѣ съ кускомъ сѣраго сукна, подарилъ попугая. Карамзинъ, введенный въ заблужденіе нашими лѣтописями, говоритъ, что Юрій Траханіотъ былъ Русскимъ посланникомъ въ Римъ въ 1499 г. Это — ошибка, которая очевидно произошла оттого, что его миссію къ Римскому королю смѣшали съ посольствомъ въ Римъ. Пробывъ въ Москвѣ менѣе шести недѣль, въ августѣ 1490, Юрій Траханіотъ и д-ръ Торнъ отправились обратно въ Германію; первому былъ приданъ дьякъ Василій Кулешинъ. Кромѣ дипломатическихъ дѣлъ они должны были сообщить Римскому королю, что великій князь готовъ выдать за него одну изъ дочерей своихъ. Они должны были также пригласить хорошаго врача, потому что трагическая кончина Леона уже совершилась. Они нашли короля въ Нюрнбергѣ, были при немъ съ марта по іюнь 1491, и подъ конецъ года

воротились въ Москву, гдѣ вскорѣ послѣ того и Торнъ явился во второй разъ посланникомъ отъ Максимилиана. Ему было поручено извѣстить, что король, долго не получая отвѣта изъ Москвы, рѣшился жениться на Аннѣ Бретанской. Но какъ у насъ потомъ получили извѣстіе, что король Французскій отбилъ у него невѣсту, то, при возвращеніи Торна въ Германію весною 1492 г., ему поручено было между прочимъ передать королю Максимилиану, что онъ можетъ еще надѣяться получить одну изъ велико-княжескихъ дочерей за себя или за сына своего Филиппа. То-же порученіе дано вскорѣ послѣ того отправленному Юрію Траханіоту, которому приданы были два дьяка, Михайло Яропкинъ и Иванъ (Волькъ) Курицынъ (сосожженный какъ еретикъ въ 1505). Они были у Римскаго короля въ Кольмарѣ, но въ іюнѣ 1493 воротились опять въ Москву, ничего не исполнивъ, и великая княгиня Елена была обручена съ Александромъ, великимъ княземъ Литовскимъ, бывшимъ потомъ королемъ Польскимъ. Вышеупомянутый Василій Кулешинъ, бывший тогда казначеемъ, находился при обрученіи въ Вильнѣ. Устроивъ съ честію, вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, бракъ Ивановой дочери Θεодосіи съ Холмскимъ въ февралѣ 1500 г., послѣ свадебныхъ празднествъ, Юрій Мануиловичъ Траханіотъ, въ апрѣлѣ того же года, былъ посланъ въ Данію вмѣстѣ съ свѣдущимъ въ дѣлахъ дьякомъ Василиемъ (Третьякомъ) Далматовымъ, въ обществѣ Датскихъ посланниковъ Іоанна Андерсона, Андрея Христенсона и Андрея Глоба, прибывшихъ въ февралѣ. Изъ Даніи Траханіотъ и Далматовъ, вмѣстѣ съ Датскимъ герольдомъ, въ августѣ 1501, вокругъ Норвежскаго мыса воротились къ Двинѣ. Василій Далматовъ еще въ 1477 г. участвовалъ при покореніи Новгорода, а въ 1493 г. въ посольствѣ по поводу задуманнаго брака Ивановой дочери съ Конрадомъ, княземъ Мазовецкимъ, и въ послѣдствіи, въ 1509 и 1510, онъ былъ главнымъ дѣятелемъ при окончательномъ покореніи Пскова. Объ немъ разсказываетъ Герберштейнъ, что Иванъ Василіевичъ весьма высоко цѣнилъ его (*sarus Principi, et inter intimos Secretarios habitus*), но что онъ сослалъ его въ заточеніе на Бѣлоозеро, гдѣ онъ и умеръ, и что потомъ все его имущество описали въ казну, за то, что онъ представлялся бѣднякомъ, чтобъ избавиться отъ порученія, возложеннаго на него великимъ княземъ къ императору Максимилиану. Его братья Нѣмецъ (Θеодоръ) и Захаръ были посланы, въ 1517 г., навстрѣчу Герберштейну и сопутствовали ему въ путешествіи отъ Можайска до границы за Смоленскомъ.

Относительно упомянутаго нами герольда должно замѣтить, что его титулъ приняли за собственное имя. Это произошло отъ неправильнаго чтенія и перевода Латинскаго письма Датскаго короля Іоанна: *David Heraldus (noster)*. Такъ какъ въ Русскомъ языкѣ *h* не отличается отъ *g*, то оттого произошло Герольдъ, а это имя превращено даже въ Герладъ. Его настоящее имя мы должны узнать изъ Датскихъ архивовъ. Въ одной

копін латинскаго перевода письма великаго князя Василія Ивановича къ королю Иоанну я нашель слова: «*Vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken*». Отсюда я позволяю себѣ заключить, что его прозваніе было Кокенъ. Это имя, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, потому что списокъ съ оригинала, находящагося въ тайномъ государственномъ архивѣ въ Копенгагенѣ, прибрѣтенный государственнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, и которымъ я пользовался, подписанъ: «*Ex charta coeava Archivi Regii secretioris accurate exeripsi Grimus Johannes Thorkelin Archivi Regii secretioris Praefectus*». По поводу слова Kocken я желалъ бы видѣть оригиналь упомянутаго письма. Имя нашего Истома во всѣхъ спискахъ, скрѣпленныхъ Торкеллиномъ, ни разу не написано правильно. Дальнѣйшимъ доказательствомъ, заимствованнымъ изъ Датскихъ писемъ, что слово Герольдъ означало должность, а не прозваніе, можетъ служить мѣсто въ сочиненіи Гунтфельда: *Danmarkis Rigis Kronicke*, II, стр. 1075, которое опять повторяется въ его *Kong Hansis Kronicke*, стр. 270. Тамъ стоитъ: *Sin (Kong Hansis) Herold, Mester David* и проч. Жаль, что и здѣсь не показано прозванія. Герберштейнъ говоритъ, что *Mester David* былъ шотланецъ. Не удивительно, что кто нибудь изъ этой паціи служилъ при королѣ Иоаннѣ, потому что тогдашній Шотландскій король Яковъ IV былъ племянникъ Иоанновъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго королемъ Французскимъ Карломъ VII въ 1460 г., Яковъ III въ 1470 г. женился на его сестрѣ Маргаритѣ и въ приданое получилъ Оркнейскіе и Шетландскіе острова. Для заключенія союза между Даніей и Шетландіей (съ Англіей уже былъ заключенъ союзъ съ 1490 г.) въ маѣ 1493 г. прибыло посольство изъ Шотландіи въ Копенгагенъ; нашъ Давидъ могъ быть въ томъ числѣ. Король Иоаннъ желалъ подвигнуть великаго князя Ивана Василіевича къ нападенію на измѣрившую Датскому престолу Швецію, или по крайней мѣрѣ къ нападенію на близъ-лежащую Финляндію, за что обѣщалъ помощь противъ Литвы. Прибывшій въ Москву для этой сдѣлки Датскій посланникъ, бывшій первымъ изъ всѣхъ, ни въ одномъ сочиненіи не называется по имени. Въ Даніи хранили сколь возможно въ тайнѣ его посольство, направленное противъ Швеціи. Однако авторъ Шведской *Rym-Chronik* получилъ о томъ извѣстіе, и говоритъ въ своихъ стихахъ очень коротко: Домпростъ на Рошильдѣ (*Domprostén aff Roskel*) былъ посылаемъ королемъ Гансомъ въ Россію. Это скопировалъ Мессепій (1620), также Далинъ (1750), безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, и Шлегель ошибочно думалъ (1769), будто Давидъ и этотъ Домпростъ одно и то-же лицо. По моему мнѣнію, Датскій посланникъ, прибывшій въ Москву въ іюлѣ 1493 г. черезъ Готландъ, Лифляндію и Новгородъ, былъ никто иной какъ Иоаннъ Якобсонъ (*Jens Ibson, Jebson, Ipsön* и мн. др.), который семь лѣтъ спустя былъ епископомъ въ Рошильдѣ. Онъ былъ изъ фамиліи Равенсберговъ. Отецъ посылалъ его въ молодыхъ лѣтахъ съ дядею въ

Кельпъ учиться въ тамошнемъ университетѣ, который тогда славился. Заключенный тамъ неприличный бракъ (*turpi amore captus est libidine cecus*, *uxorem duxit meretricem quandam, nomine Christinam*), по возвращеніи его, по ходатайству отца былъ расторгенъ, и Якобсонъ сдѣлался каноникомъ, потомъ іеромонахомъ въ Рошильдѣ. Король Иоаннъ бралъ его съ собою секретаремъ въ путешествіе въ 1482 въ Шлезвигъ и Голштинію, также въ Гамбургъ, чтобъ привести народъ къ присягѣ себѣ и своему младшему брату, принцу Фридриху. Впослѣдствіи находимъ Якобсона протоіерсеемъ или настоятелемъ (предстоятелемъ, *Provist, Forstander*) монастыря въ Дальби, въ Шопин; также встрѣчается онъ деканомъ Рошильдскимъ. По порученію короля Иоанна онъ совершилъ путешествіе въ Шотландію и Англію, и по смерти епископа Рошильдскаго въ 1500 г. наследовалъ этотъ высокій санъ. Уже въ санѣ епископа, онъ былъ посылаемъ въ 1501 г., въ сопровожденіи Генриха Крумериджа, съ флотомъ въ Опсло въ Норвегін, чтобъ привести Норвежцевъ къ повиновенію своему монарху. Кнзъ Альфонсъ, тамошній предводитель, былъ убитъ на епископскомъ кораблѣ. Это обстоятельство, равно какъ умерщвленіе государственнаго гофмейстера Павла Лаксманда (въ 1502), бросаетъ на Якобсона подозрѣніе въ тайномъ содѣйствіи. Впрочемъ его изображаютъ какъ ученаго и государственнаго мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ чувственнаго и предавнаго роскоши человѣка (*regem ipsum vivendo sumptuose et splendide superavit*), который однако помогалъ бѣднымъ. Онъ содержалъ на свой счетъ нѣсколько сотъ кавалеристовъ въ службѣ королевской. Онъ умеръ въ 1512 г., въ Гюртгольмскомъ замкѣ, въ разстроенномъ состояніи, и до смерти его за него исправлялъ должность долгое время его намѣстникъ, пѣвчій (*Santor*) Лаугъ Урпе. Онъ погребенъ въ старой монастырской церкви, которую посѣтилъ Петръ Великій, въ Рошильдѣ, прежней резиденціи Датскихъ королей, изъ коихъ многіе тамъ покоятся, и, какъ случайно открыто въ 1753 году, въ епископскомъ нарядѣ, съ чашею и дискосомъ въ сложенныхъ рукахъ. Кстати прибавлю, что съ 1642 года въ этомъ соборѣ находится также гробница младшаго герцога Иоанна Датскаго, умершаго въ Москвѣ въ 1602 году, который сперва положенъ былъ въ Лютеранской церкви, лишь за годъ передъ тѣмъ построенной исключительно изъ словаго дерева (*von eitel Dampenhholz*) съ дозволенія царя Бориса Θεодоровича Годунова въ Нѣмецкой слободѣ. Извѣстно, что онъ намѣренъ былъ сочетаться бракомъ съ единственною, красивою и образованною царскою дочерью, великою княжною Ксеніей Борисовою Годуновою, которая, три года спустя, испытала столь жалкую участь. На столбѣ, на которомъ означенъ ростъ Христіана I, Петръ Великій оставилъ также замѣтку своего роста. Иоакимъ Бекъ, зять погребеннаго послѣ Иоанна Якобсона брата его Иоакима, сочинилъ для епископа Иоанна надпись, въ которой встрѣчается слѣдующее: «*In-
«terea in Angliam et Scotiam missus Legatus, qua in legatione ita se gessit,*

«ut jucundissima, gratissima et gloriosissima sit eius nominis memoria, et «apud Anglos et Scotos, quos ipsos etiam eodem tempore, cum inter se «maximum bellum gessissent et starent jam utrinque instructi exercitus «infestis animis et signis, alter in alterius perniciem accincti, in concordiam «dissidentes reconciliavit. Factum omnibus seculis memorandum. Tanti «erat illius viri, apud peregrinos etiam homines, quaedam vocis et vultus «augusta majestas et gravissimis in rebus nominis autoritas». Къ сожалѣнію, не говорится, въ которомъ году Якобсонъ путешествовалъ въ Англию и Шотландію. Въ концѣ февраля 1493 года было въ Лондонѣ Датское посольство, состоявшее изъ королевскаго канцлера (секретаря), его брата, доктора и герольда, готовое къ отъѣзду. По содержанію подписи надо полагать, что Якобсонъ былъ въ Шотландіи въ 1497 году, и что онъ содѣйствовалъ королю Іакову IV къ заключенію перемирія, состоявшагося въ томъ году, когда король Англійскій, съ своей стороны, употреблялъ для того чужестранца, по имени Донъ Педро Айала, который прибылъ въ Лондонъ по дѣлу предположеннаго бракосочетанія принца Уэльскаго Артура съ Катериною Аррагонскою, которая по смерти его сочеталась съ братомъ его Генрихомъ. Въ то же время, вмѣстѣ съ политическими дѣлами, кажется, велись переговоры, начавшіеся еще въ 1495 году, о бракосочетаніи Англійской принцессы Маргариты, старшей дочери Генриха VII, съ Шотландскимъ королемъ Іаковомъ IV, которое однако совершено лишь въ 1503 году. Этотъ бракъ можно принимать за начало соединенія Англии съ Шотландіей, которое послѣдовало въ 1605 году, равно сто лѣтъ спустя. Такъ какъ Іоаннъ Якобсонъ былъ въ Англии и Шотландіи уже послѣ посѣщенія Россіи, то, естественно, онъ могъ тамъ рассказывать о нашемъ государствѣ и о Москвѣ. Кажется, что Англійскій дворъ около того времени получилъ извѣстіе о Россіи. Въ первомъ году правленія Генриха VIII, именно въ 1510, въ послѣдній день масленицы, въ Парламентской залѣ въ Вестминстерѣ данъ былъ маскарадъ, на которомъ явились самъ король въ Турецкомъ костюмѣ, а Генрихъ Стаффордъ, только что возведенный въ графское достоинство, и баронъ Фицвальтеръ, впоследствии виконтъ и графъ Суссекскій — въ Русскомъ костюмѣ, въ сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ (in two long gounes of yelowe satin traversed with white satin and in every bend of whyte was a bend of cremson satin after the fashion of Russia or Ruslande with furred hattes of greye on their hedes, either of them havynge an hatchet in their handes and bootes with pykes turned up.), и т. д. Можетъ быть, подобныя «goodly bankets» давались на свадебныхъ праздникахъ Шотландскаго короля и Валлійскихъ принцевъ. Еще можно привести, что въ 1496 году заключенъ былъ торговый трактатъ между Датскимъ королемъ Іоанномъ и Шотландскимъ королемъ Іаковомъ IV. Посольство Якобсона въ Россію было не по поводу опредѣленія границъ, какъ пишетъ Гунтфельдъ, но чтобъ просить помощи противъ Швеціи,

которая приманила на свою сторону Любекъ и другіе Гензейскіе города и возбуждала ихъ противъ Даніи и Россіи. Изъ Кеми (при устьѣ рѣки того же имени, нѣсколько къ востоку отъ Торнео), весною 1490 года, обнаружено было письмо, которымъ призывался каждый возстать противъ Россіи и оправдывалась казнь многихъ Русскихъ. Описывались неоднократно, уже нѣсколько лѣтъ повторявшіяся нападенія на Нордботъ и Остботъ, Русскихъ которые, полагаясь на миръ, подъ предлогомъ торговли, туда приходили, нападали на беззащитныхъ жителей и отнимали у нихъ не только имущество, но даже и жизнь; говорилось, что ими созданы церковныя деревни Кеми, Ийо, и Лиминго (на сѣверовосточномъ берегу Ботническаго залива); что они утверждаютъ, будто вся ловля лососей въ сѣверной части Ботническаго залива принадлежитъ Россіи, и не только на восточномъ берегу, но направленію Пихайоки до скалы Ганакиви, но и на Шведскомъ берегу до Біюреклуббе въ приходѣ Шелефтео, и потомъ на сѣверѣ восточная половина рѣки Кеми до Рованіеми; сверхъ того каждая голова должна принести три бѣлины. Ганакиви (или Nanhikiwi) есть выдающаяся изъ воды скала у берега залива, пятнадцать сажень въ окружности и болѣе трехъ сажень надъ водою; на ней должны были находиться надписи. Біюреклуббе есть скала на противоположномъ, западномъ берегу залива. Въ двухъ миляхъ отъ Улео назначили мѣсто, Турка, за которое Русскіе не должны были переходить; но какъ это опять тогда случилось, то смотритель Гансъ Андерсонъ велѣлъ повѣстить двадцать человѣкъ; остальные убѣжали къ Бѣлому морю. Упомянутое мѣсто Турка находилось на островкѣ, на рѣкѣ Улео, гдѣ, по позднѣйшимъ извѣстіямъ, по воскреснымъ днямъ отправлялась божественная служба для занимающихся лососинною ловлею рыбаковъ. У часовни Мугось, также на рѣкѣ Улео, въ четырехъ миляхъ отъ Улео, находился камень, прозванный Русконкви, въ три аршина вышины и столько же ширины, на которомъ высѣчены были пограничные знаки: левъ для Швеціи, крестъ для Россіи, и молотъ для Лапландіи. Великій князь Василій Ивановичъ, для безопасности отъ Лифляндіи, въ 1492 году построилъ крѣпость Ивангородъ, напротивъ Нарвы, и въ 1493 году вступилъ въ союзъ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ. Для заключенія этого союза, немедленно были посланы въ Данію Дмитрій Ивановичъ Ралевъ и дьякъ Дмитрій Зайцевъ съ уѣзжавшимъ Іоанномъ Якобсономъ. Дмитрій Ралевъ былъ, какъ мы видѣли, еще въ 1488 году посланъ въ Италію съ порученіемъ; потомъ онъ былъ въ отсутствіи съ 1499 по 1504, и прислалъ изъ Рима разсужденіе о бѣлой епископской шапкѣ. Онъ конечно понималъ какъ по-лагыни, такъ и по-итальянски, и могъ дорогою понятно говорить съ Якобсономъ. Къ тому же при королѣ Іоаниѣ находился итальянскій ученый докторъ правъ, о которомъ извѣстно, что онъ погибъ въ морскомъ путешествіи съ королемъ на Кальмарскій сеймъ въ Швеціи, въ 1495 году, когда загорѣлся корабль,

на которомъ находился онъ съ документами. Юрій Мануиловичъ Траханіотъ возвращался изъ посольства своего къ Римскому королю уже послѣ отправления Ралева, а то, можетъ быть, онъ поѣхалъ бы съ Якобсономъ въ Данію, потому что въ путешествіи своемъ въ Датскихъ владѣніяхъ онъ испыталъ дурное обращеніе и жаловался на то. Впрочемъ, кажется, его употребляли болѣе при миссіяхъ по дѣламъ брака. Шведская риёмованная хроника (Rym-Kronik) разумѣетъ Ралева и Зайцева, говоря о двухъ прибывшихъ изъ Россіи боярахъ; въ то-же время она рассказываетъ, что всего пришло тогда въ Данію не менѣе двадцати Русскихъ, и что они сѣли на корабль въ Ревелѣ. Можетъ быть, въ этой свитѣ находился также Григорій Истома; хроника упоминаетъ, что нѣсколько Русскихъ осталось въ Даніи въ 1493 г. Сочиненный на Латинскомъ языкѣ трактатъ былъ изготовленъ 8 ноября въ Копенгагенѣ; мы имѣемъ копію съ него. Іоаннъ обѣщалъ помощь противъ Литовскаго князя, но и съ своей стороны онъ просилъ помощи: «contra suos inimicos et hostem Swantonem Regni Swecie occupatorem gubernatorem. Et quum aliquis nostrum incipiet lites adversus Swantonem qui nunc gerit se pro gubernatore regni Svecie, Ericum Sture Capitaneum in Wiburg aliosque occupatores regni nostri Suetii infideles subditos atque rebelles tunc primus inter nos alter utri significabimus». Посланники одного могли свободно путешествовать въ землѣ другаго (viam mundam in terris et aquis absque impedimento habebunt). О торговлѣ и промыслахъ было упомянуто, но о томъ, что король Іоаннъ обѣщалъ великому князю Василию Ивановичу часть Финляндіи, и, по Меланію, именно Эйрипею, Ласку (Jäskis) и Саволаксъ, въ этомъ документѣ ничего не сказано. Съ Ралевымъ и Зайцевымъ прибылъ въ Москву герольдъ Давидъ, который, можетъ быть, уже за годъ передъ тѣмъ сопровождалъ туда Якобсона. Они везли съ собою трактатъ; но какъ, по времени года и по опасности отъ Шведовъ и ихъ союзниковъ, нельзя было ѣхать черезъ Балтійское море, то король отправилъ ихъ въ Марстрандъ въ Норвегіи, лежавшій на южной оконечности оной, гдѣ, по его повелѣнію, они получили проводниковъ для совершенія путешествія вокругъ Швеціи черезъ Норвегію — слѣдовательно, на оленяхъ. Шведская риёмованная хроника съ досадою отзывается о томъ, что король познакомилъ Русскихъ съ дорогою черезъ Норвегію. По Гвитфельду, часть ихъ обратно ѣхала черезъ Нарву (Ивангородъ). Прибывшій съ Ралевымъ и Зайцевымъ мистеръ Давидъ, сколько намъ извѣстно, былъ первый приѣхавшій въ Москву Шотландецъ. Если Истома въ 1493 году ѣздилъ въ свитѣ Ралева въ Копенгагенъ, то онъ, должно быть, воротился передъ смертію королевы-матери Доротей, послѣдовавшей въ 1495 году, послѣ чего открылись непріязненные дѣйствія со стороны Швеціи, ибо мы знаемъ чрезъ Герберштейна, что въ 1496 году онъ съ Давидомъ совершилъ путешествіе изъ Двины, черезъ Бѣлое море и Сѣверный Океанъ вокругъ Мурман-

скаго мыса, въ Дронтгеймъ въ Норвегіи. Въ послѣднее изъ упомянутыхъ лѣтъ невозможно было ѣздить въ Копенгагенъ обыкновеннымъ путемъ, потому что Россія вела жестокую войну съ Финляндіей; къ тому же, въ отмщеніе, Шведскій флотъ приплылъ изъ Стокгольма къ Ивангороду близъ Нарвы, за четыре года только передъ тѣмъ построенному, и разрушилъ его. Уже къ концу 1495 года наше войско, образованное большею частію изъ Псковитянъ, долго стояло подъ Выборгомъ, ничего не сдѣлавъ. Въ февралѣ 1496 года опять показались въ Финляндіи Русскія войска изъ Новгорода, куда прибылъ и великій князь Иванъ Васильевичъ въ 1495 г., и именно они показались въ юго-западной части, куда они, вѣроятно, пришли по льду Финскаго залива. Тогда была чрезвычайно суровая зима (сія же зима люта бысть, мразы были велицы и снеги), не смотря на то они причинили страшныя опустошенія (землю немецкую пусту учиниша и пожгоша и людей посекоша и вполонъ множество взяша). Прежде чѣмъ наступила оттепель, именно въ мартѣ, они уже воротились въ Новгородъ. Въ это время двинулась новая сильная рать, подъ начальствомъ двухъ князей Ушатыхъ, изъ Устюга, Онеги и Двинской земли въ нынѣшнюю Улеоборгскую губернію, на сѣверной оконечности Ботническаго залива, до Кеми и Торнео, быть можетъ до Каликсельфа, принадлежащаго и нынѣ Швеціи, и воевала также жителей сѣверовосточной части залива, гдѣ упоминаются мѣста и рѣки, не легко распознаваемые по Русскимъ именамъ, какъ-то: Ія (Jio), Гавка, Путапъ (Naupirudes, щучій заливъ), Овлун (Uleå, гдѣ нынче стоитъ Улеоборгъ), Лиминга (Limingo), Снѣжная (Lumijoni), Сиговая (Siikajoni) и Сало. Въ іюлѣ часть вѣйска доходила даже гораздо южнѣе, именно въ нынѣшнюю Куопіоскую и Выборгскую губерніи, потому что Рун-Кронікъ говоритъ, что мѣста Jokkas и Oloffsborg, т. е. Нислотъ, были созданы. Арцы-бышевъ, авторъ Повѣствованія о Россіи, 1838, пишетъ (IV, 68), что эта, столь многочисленная рать прибыла на корабляхъ изъ Двины, черезъ Бѣлое Море и Сѣверный Океанъ вокругъ Мурманскаго носа, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она ратовала— слѣдовательно, къ Ботническому заливу. (Они, выбравшись съ Двины, ѣхали моремъ мимо Мурманскаго носа). Въ эту разительную ошибку онъ введенъ Архангельскою лѣтописью, гдѣ, послѣ краткаго упоминовенія о походѣ къ рѣкамъ, которыхъ Арцы-бышевъ не умѣлъ найти, говорится: «а ходили съ Двины моремъ Акіаномъ, да черезъ Мурманской носъ», что, вѣроятно, должно относиться къ поѣздкѣ Истома и Давида. Герберштейнъ сообщаетъ, что Истома научился полатыни въ Даніи, и, вѣроятно, подъ руководствомъ Іоанна Якобсона, королевскаго Archigrammaticus'a. Такъ какъ Истома былъ послѣ первый толмачъ, разумѣвшій полатыни, и какъ онъ тѣмъ оказалъ пользу Герберштейну, а чрезъ него отечественной исторіи, то это заслуживаетъ здѣсь упоминанія. Пріѣзжалъ ли Истома въ Копенгагенъ еще въ 1493 году и оставался ли тамъ нѣкоторое время, или жилъ онъ тамъ въ послѣдствіи, во

всякомъ случаѣ не было недостатка въ средствахъ для его образованія. Университетъ былъ основанъ въ 1474 году, по совѣту тогдашняго епископа Рошильдскаго, который, вмѣстѣ съ деканомъ и настоятелемъ этого заведенія, а равно и съ деканомъ Копенгагенскимъ, образовали университетскій сенатъ. Первые учителя были изъ Кельна, гдѣ учился Якобсонъ, который, какъ мы видѣли, въ 1500 году назначенъ епископомъ Рошильдскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ канцлеромъ Копенгагенскаго университета. И такъ латинскій языкъ перешелъ къ намъ въ Россію изъ Кельна черезъ Копенгагенъ, къ чему содѣйствовалъ Іоаннъ Якобсонъ Равенсбергъ. Латинскій трактатъ 1493 года для насъ интересенъ тѣмъ, что онъ, вѣроятно, сочиненъ Якобсономъ. Нашъ списокъ слѣдовало бы сперва сравнить съ Копенгагенскимъ подлинникомъ и потомъ напечатать. Моя догадка, что Якобсонъ былъ Датскій посланникъ, прибывшій въ Москву 1493 г., вѣроятно, основательна; она подтверждается сей часъ лишь найденнымъ мною показаніемъ. Въ рукописныхъ лѣтописяхъ, которыми пользовался Карамзинъ, и которыя называются Архивными, потому что онѣ хранятся въ Московскомъ Архивѣ, я нашелъ имя посланника «Иванъ», т. е. Johann. Рукопись гласитъ такъ: «Тогожъ мѣсяца июля (7001 = 1493) пришелъ посолъ къ великому князю изъ ѣмецкихъ земли датскаго короля Иванъ о любви и о братствѣ и князь велики почтивъ его и отпустилъ а х королю датскому послалъ своихъ пословъ елюбовию и збратствомъ дмитрея грека ралѣва палеіолога да дмитрея занцова». Въ другихъ, менѣе достовѣрныхъ лѣтописяхъ, пользовавшихся этимъ же источникомъ, вмѣсто слова «Иванъ» находится «Ивана», потому что думали, что оно относится къ королю, котораго имя было извѣстно. Въ печатной Никоновской лѣтописи, въ Шлецеровѣ Codex Patriarchalis, и мн. др. значится также «Ивана», и прибавлено «Ивану» при второмъ упоминеніи короля; а потому могло быть, что Карамзинъ предпочелъ пропустить это имя. Въ 1499 году Иванъ Василіевичъ извѣщалъ короля Іоанна о желаніи имѣть дочь его Елисавету за сыномъ своимъ великимъ княземъ Васиіемъ, и для того было отправлено въ Москву Датское посольство, состоявшее изъ магистра Іоанна Андерсона, доктора Андрея Христенсона и магистра Андрея Глоба, которое прибыло туда въ февралѣ 1500 года. Для успѣха этого сватовства, еще въ апрѣлѣ, какъ было упомянуто, съ ними былъ отправленъ Юрій Мануиловичъ Траханіотъ къ королю Іоанну; впрочемъ они вскорѣ послали съ дороги извѣстіе, что Елисавета сочеталась съ Іоакимомъ маркграфомъ Бранденбургскимъ. Объ этомъ посольствѣ наша исторія умалчиваетъ. У Карамзина находимъ только (т. VI, примѣч. 434), по Архивной лѣтописи: «приде посолъ на Москву отъ Датскаго короля Ивана Каплянъ, именемъ Иванъ». Подъ этимъ именемъ «каплянъ Иванъ» разумѣется магистръ Іоаннъ Андерсонъ; это — никто иной, какъ столь извѣстный въ Датской и Шведской исторіи Jens Andersen, по прозванію

Baldeneck, прозванный также *Calvus* по плѣшивой головѣ. Онъ былъ сынъ сапожника, учился въ Мерзебургѣ и долго жилъ въ Италіи. Возвратясь въ Данію, онъ сдѣлался тайнымъ секретаремъ короля Іоанна, а въ 1502 г. епископомъ Одензейскимъ на островѣ Фіоніп. Онъ былъ умный человѣкъ и нерѣдко былъ употребляемъ въ государственныхъ дѣлахъ. По умерщвленіи Лаксманда, онъ получилъ въ даръ его дворецъ; поэтому исторія бросаетъ на него подозрѣніе въ участіи въ этомъ печальномъ событіи. Онъ осмѣлился однажды, по поводу одной любовницы, сдѣлать королю увѣщаніе. Въ 1503 году онъ былъ посланъ въ Любекъ къ пребывавшему тамъ папскому легату кардиналу Раймунду, и содѣйствовалъ къ освобожденію королевы Христіны изъ Стокгольма ручательствомъ въ уплатѣ большой суммы денегъ, за что впоследствии, въ 1517 году, подвергся отвѣтственности и даже заключенію. Въ 1504—1508 г. онъ построилъ себѣ епископскій дворецъ въ Одензее. Въ 1520 году онъ принималъ участіе при коронаціи Христіана II королемъ Шведскимъ и въ послѣдовавшемъ за праздниками коронаціи кровопролитіи въ Стокгольмѣ. Онъ говорилъ рѣчь сейму, побуждая его къ признанію короля, и предложилъ потомъ всѣхъ осужденныхъ сжечь въ три раза. Король Христіанъ II наименовалъ его въ 1520 году епископомъ Стренгнескимъ въ Швеціи. Но во время осады Стокгольма, въ 1521 г., онъ убѣжалъ въ Данію, гдѣ король, неизвѣстно почему, переводилъ его изъ одной тюрьмы въ другую, и наконецъ сослалъ въ Гаммерсгусъ, на островъ Борнгольмъ. Любекцы освободили его въ 1522 г., при занятіи острова, и послѣ бѣгства Христіана II онъ опять воротился въ Одензее. Въ 1529 году онъ уступилъ это епископство за деньги Кнуту Гильдестернѣ и удалился въ Любекъ, гдѣ и умеръ въ 1539 г. Кстати, упомянувъ о Стокгольмскомъ кровопролитіи, я намѣренъ прибавить нѣсколько словъ объ одномъ человѣкѣ, принимавшемъ въ сей участіе, который также былъ въ Москвѣ. Это — вышеупомянутый Іоаннъ Франчекъ *de Potentia*, Неаполитанскій монахъ. Его послалъ въ Данію въ 1520 году папа Левъ X комиссаромъ по церковнымъ дѣламъ Сѣвера, особнно для изслѣдованія по дѣлу о Стокгольмскомъ кровопролитіи. Главная вина падала на Дитриха Слагёка (*Slaghök*). Онъ былъ землякъ и родственникъ знаменитой Сигбригты, матери Дійвеки (*Dyveke*), любовницы Христіана II (для которой въ 1516 году былъ посылаемъ къ этому королю Герберштейнъ); но ремеслу цырюльникъ, онъ поступилъ въ Данію въ духовное званіе и даже въ 1520 г. сдѣланъ епископомъ Скарскимъ въ Швеціи. Вслѣдствіе произведенныхъ Іоанномъ Францескомъ розысканій, въ началѣ 1522 года его сперва привели къ висѣльницѣ, потомъ началъ привязать его къ мѣстницѣ, и бросилъ въ горящій костеръ. Въ 1526 году папа Климентъ VI поставилъ Іоанна Франциска епископомъ Скарскимъ на мѣсто Слаггока, и онъ, на пути въ Швецію на это епископство, прибылъ съ Дмитріемъ Герасимовымъ изъ Рима въ Москву. Поэтому

Герберштейнъ упоминаетъ о немъ, не называя впрочемъ его по имени, «ain Bapstischer Pot ain Titulierter Bischove Scaren». Въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1526 годамъ значится: «пришелъ посланникъ великаго князя отъ рима Митя малой толмачъ латынскоі, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ къ великому князю отъ папы римскаго Климента именемъ Иванъ френчужковъ (у другихъ: фрунчезскій) бишупъ». Когда онъ проѣзжалъ чрезъ Польшу, король Сигизмундъ далъ ему письменную инструкцію, гдѣ внушаетъ ему написать свое представленіе великому князю о мирѣ съ Польшею, такъ чтобы нельзя было полагать, будто онъ, король, просилъ о томъ; кромѣ того онъ желалъ получить обратно Смоленскъ, о чемъ впослѣдствіи старался и Герберштейнъ, но напрасно. Андрей Христенсонъ былъ кармелитскій монахъ и докторъ богословія. Я нашелъ его упомянутымъ въ 1519 году по случаю перемѣщенія Копенгагенскаго кармелитскаго монастыря въ новое построенное для него зданіе. Онъ былъ тогда *Magister provincialis*. Третій изъ бывшихъ въ 1499 г. у насъ датчанъ былъ магистръ Андрей Глобъ. Я нашелъ его въ 1512 году въ званіи секретаря при Одензейскомъ епископѣ Іенсѣ Андерсонѣ Бельденака, слѣдовательно томъ самымъ, съ которымъ онъ былъ въ Москвѣ; впослѣдствіи онъ былъ настоятелемъ этого монастыря. Въ 1520 году онъ былъ отправленъ королемъ Христіаномъ II въ Зегебергъ въ Голштейнѣ, съ порученіемъ перевезти оттуда грамоты въ Зонбербургъ: многіе изъ важнѣйшихъ хартій были тогда, какъ полагаютъ, умышленно уничтожены. Впослѣдствіи онъ, кажется, жилъ въ Гамбургѣ на западномъ берегу ос. Фіонин, и временно занималъ прекрасную дачу на близлежащемъ островѣ Свиноэ (въ маломъ Бельтѣ). На подаренномъ имъ Гамбургской церкви ларцѣ находится надпись: *Andreas Glob Anno Domini MDXXII*. Полагаютъ, что онъ похороненъ въ этой церкви; но надпись на надгробномъ камнѣ уже давно стерлась. Отправившіеся съ тремя обозначенными мною послами въ Данію Юрій Мацунловичъ Траханіотъ и Третьякъ Долматовъ, были, вѣроятно, въ началѣ 1501 года у короля Іоганна въ Швеціи, потому что тамошняа лѣтопись сообщаетъ что на бывшемъ въ то время въ Стокгольмѣ сеймѣ одинъ русскій посланникъ говорилъ, будто король Іоганнъ обѣщалъ великому князю Ивану Васильевичу часть Финляндіи. Это въ значительной степени содѣйствовала къ тому, что шведы снова отложились отъ короля. Стень Стуре занялъ Стокгольмъ и даже взялъ въ плѣнъ оставшуюся въ тамошнемъ замкѣ королеву. Кнудъ Альфсонъ отправился въ Норвегію и возмутилъ всю эту страну. Ему противодействовать посланъ былъ туда Рошильдскій епископъ Іоганнъ Якобсонъ Равенсбергъ. Всеобщее въ это время возстаніе въ Швеціи и Норвегіи было причиною, что Траханіотъ и Далматовъ не могли возвратиться въ Россію обыкновеннымъ путемъ, и этимъ объясняется, отчего они въ августѣ 1501 года прибыли къ Двинѣ оплывъ Мурманскій носъ. Можетъ быть, они, для

избѣжанія Святаго носа, избрали путь чрезъ Русскую Лапландію къ берегу Кандамакской губы, а потомъ снова сѣли на суда, потому что есть свидѣтельство, что они проѣхали мимо Соловецкаго монастыря. Вмѣстѣ съ ними находился герольдъ Давидъ, совершившій въ 1496 году плаваніе около Мурманскаго носа, въ противоположномъ направленіи. Когда Иванъ Васильевичъ въ 1503 году пожелалъ отправить Давида съ его приближенными, въ сопровожденіи своего посла, обратно въ Данію къ королю Іоанну, то онъ, чрезъ посланнаго имъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ его зятю Александру, королю Польскому и герцогу Литовскому, дьяка Микиту (Губу) Семёнова Моклокова велѣлъ выпросить для нихъ подорожную для проѣзда чрезъ Литву и Польшу и обратно. Такихъ подорожныхъ было выдано въ Краковѣ 13 января 1504 года двѣ одна на русскомъ языкѣ для проѣзда въ Литвѣ, а другая на латинскомъ — въ Польшѣ. Моклоковъ привезъ ихъ въ Москву. Какъ въ русскомъ документѣ по этому поводу, такъ и въ самой подорожной сказанъ: «посоль манстръ Давыдъ». Послѣ кончины великаго князя Ивана Васильевича, послѣдовавшей въ октябрѣ 1505 года, Давидъ прибылъ въ Москву съ грамотою на имя покойнаго государя, и пробылъ тамъ до 1507 года, до прибытія туда новаго посла Іоаннеса Плага (Plagh), отправленнаго королемъ Іоанномъ къ великому князю Василію Ивановичу. Герольдъ Давидъ и посоль Плагъ были отправлены, вмѣстѣ съ Григоріемъ Истоמוю, въ Данію, гдѣ въ то время происходилъ съ Никіюбингѣ на ос. Фальстерѣ родъ конгресса по любекскимъ дѣламъ, на который прибыли любекскіе, французскіе и шотландскіе депутаты. Какъ привезенная изъ Москвы латинская грамота великаго князя Ивана Васильевича къ королю Іоанну, вѣроятно, сочинена первымъ нашимъ дипломатомъ-латинистомъ, Истомою, то я считаю не излишнимъ привести ее цѣликомъ. Она гласитъ слѣдующее: *Annunciamus vobis plurimas et amicales salutationes, serenissime et carissime frater. Scribimus ad vestram celsitudinem quantum vestra misit celsitudo ad genitorem nostrum Johannem Imperatorem et Dominum tocius Russie et Magnum Ducem vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken (Kocker?), Dei autem voluntas facta est quod genitor noster migravit in dominum. Deinde a vobis ad nos venit vester nuncius Johannes Plagh cum vestris credencialibus litteris et verbis nam quid vir vester Magister David post obitum patris nostri a vobis retulit vester nuncius Johannes Plagh nobis ex parte vestra ille idem retulit quod si divina providencia genitor noster migrasset in domino ut nos tunc vobiscum essemus simili modo sicut vos cum genitore nostro in fraternitate et amicitia fuistis contra omnes inimicos, et nuncium quoque nostrum ad vos fratrem nostrum Johannem Regem cum hoc una cum vestris (ne nostris) nunciis mitteremus. Nos autem vobiscum cum fratre nostro Johanne Dacie, Succie, Norvagie & Rege amicitiam et fraternitatem habere volumus eodem modo sicuti vos cum nostro genitore*

habuistis. Et nunc ad vos nostrum nuntium Ysconiam (должно быть Ystomam) una cum vestris nunciis remittimus. Cum Deo favente ad vos vestri nuncii pervenerint una cum nostro nuncio Yschonia (Ystoma) cum his nostris litteris, optamus quatenus vestras fortificatas litteras de amicitia et fraternitate nomine vestro scribere mandaretur qualiter apud genitorem nostrum vestre littere fuerint et huius modi litteris vestris sigillum vestrum mandaretur appendi. Et super hiis litteris ad nos crucem in presencia nostri nuncii Ysconie (Ystoma) osculari velitis, istas quoque sie fortificatas litteras cum vestro nuncio una cum nostro nuncio Yscania (Ystoma) ad nos mittatis nobis huiusmodi tales vestras litteras obsignando. Et Deo favente cum idem noster nuncius Yscania (Ystoma) una cum vestris nunciis cum huiusmodi vestris roboratis litteris ad nos redierit, quibus nobis visis nos vice versa de verbo ad verbum litteras nostras scribere nec non sigillum appendi manderemus, et super talibus litteris nostris in presencia vestri nuncii crucem osculari volumus, et de post easdem nostras roboratas litteras ad vos una cum vestro nuncio remittamus. Et sic Deo auxiliante vobis volumus obsignare nuncium quoque nostrum Ysconiam (Ystomam) ad nos absque mora remittatis. Ex Muscovia anno septimo millesimo decimo quinto menis Julii septuagesima die. Легко было бы почти буквально возстановить русскій текстъ первоначальнаго документа, на основаніи котораго Истома сочинилъ этотъ мастерской образчикъ латыни. У насъ есть также черновая копія отвѣта короля Іонна Василию Ивановичу. Онъ начинался такъ: «Johannes & Basilio tocius Russie Imperatori salutem et sincerem atque fraternalem in Domino dilectionem. Dilectissime frater et confederate. Vestre Majestatis nuncius Ysiania (Ystoma) tali die N. ad nos una cum David Heraldо nostro applicuit atque venit nobis vestras litteras exhibens atque presentans. Ex quibus litteris clarius accepimus vos velle pie memorie domini Johannis Basilii vestigia in omnibus mitari et precipue fraternalem amicitiam atque confederacionem nobiscum contrahare ac insuper tali amicitia et confederacione litteras nostras conficere et eos ad manus vestras una cum memorato nuncio nostro N. ac Yscania (Ystoma) in presentiarum dirigimus atque transmittimus summo pere desirantes atque deprecantes ut similes litteras eandem amicitiam et confederacionem continentis nobis remittere velitis. O Princeps frater noster socer ac parens. . . Далѣе слѣдуетъ изложеніе того, что случилось, когда король Іоаннъ въ началѣ 1501 года прибылъ въ Швецію, гдѣ, какъ уже выше сказано, вѣроятно тогда находился и нашъ посоль Юрій Мануиловичъ Траханиотъ, вмѣстѣ съ Далматовымъ. «Postquam regnum (nostrum Suecie) intravimus cum paulo populo ut voluerunt (ne regnicole nimium aggravarentur) opposuerunt se nobis in effectum faciendes nobiscem sicut Judei fecerunt contra Christum. Et tunc manus istorum Suecorum rebellium nostrorum Deo placuit in persona evasimus. Et sic prefati Succii rebelles adhuc totum nostrum regnum Suecie occupant

et detinent contra Deum contra justiciam et iuratum fidelitatem nobis prestitam. Unde ex corde monemur rogare fratrem et confederatum nostrum ut iniquitatem rebellium nostrorum menti sue habeat и т. д. Въ 1514 году герольдъ Давидъ впервые прибылъ въ Москву, въ качествѣ посланника отъ короля Христіана II. Въ нашихъ лѣтописяхъ уже онъ называется здѣсь Давидомъ Старымъ. Весною 1515 года онъ, вмѣстѣ съ посломъ Иваномъ Микулиномъ Ярово-Заболоцкимъ и дьякомъ Василемъ Бѣлымъ, отправился въ Данію для заключенія дружественнаго союза съ королемъ Христіаномъ II. Всѣ трое по дѣламъ того же трактата, въ августъ означеннаго года возвратились въ Москву. Въ 1516 году Давидъ, съ дьякомъ Некрасомъ Далматовымъ, снова прибыли въ Копенгагенъ. Герберштейнъ пишетъ, что онъ познакомился съ «майстеромъ Давидомъ, посломъ короля датскаго. Хотя ни изъ нѣмецкаго, ни изъ латинскаго описанія Герберштейна не видно, сошелся ли съ Давидомъ въ 1517 году въ Москвѣ мая въ 1516 г. въ Ничѣпингѣ, однако вѣроятно, что онъ видѣлъ его въ Москвѣ, потому что въ датскомъ переводѣ грамоты великаго князя Василя Ивановича къ королю Христіану II отъ іюля 1517 года именно сказано: что майстеръ Давидъ герольдъ былъ у него отъ имени короля и просилъ его, о дозволеніи датскимъ купцамъ жить въ Новѣгородѣ и Ивангородѣ и имѣть тамъ свои церкви, что и было разрѣшено великимъ княземъ; кромѣ того точно обозначены мѣста мѣстности въ обоихъ городахъ ихъ, и то что дома въ нихъ деревянные. Когда же Герберштейнъ 18 апрѣля 1517 года прибылъ въ Москву, онъ безъ сомнѣнія еще засталъ тамъ датскаго герольда Давида, двадцатилѣтняго знакома Истомы, потому что Давидъ, вѣроятно, самъ былъ вручителемъ великокняжеской грамоты, писанной въ іюль. Замѣчательно, что переводъ вышеупомянутаго русскаго письма напечатанъ въ датскихъ сочиненіяхъ съ искаженіемъ имени герольда, такъ напр. въ Huitfeld Historiska beskriffuelse om hues sig haffrer tildragit under Kong Christiern den Anden; Kiobenhavn, 1596, стр. 49: «Oss hafver besøgt paa vor Broders K. Christens udi Danmarck hans vegne, Huis Sendebud haffuer voerit Mester David Gerhold» и пр. (См. также въ Huitfeld, Danmarkis Rigis Krönicke II стр. 1114). По этому то датскому переводу съ русскаго языка Бюшингъ сдѣлалъ свой нѣмецкій переводъ и написалъ Gerolt (Magazin III, стр. 178), такимъ образомъ ложное имя Gerold перешло отъ насъ въ Данію, въ рукописи, а оттуда возвратилась къ намъ въ печати. Заключенный между Василемъ Ивановичемъ и Христіаномъ II дружественный договоръ а равно и договоръ заключенный въ 1493 году чрезъ посредствѣ Іоанна Якобсона съ королемъ Іоанномъ подписанъ въ Москвѣ 2 августа 1517 года. И такъ, герольдъ Давидъ вѣроятно находился тогда еще въ Москвѣ. Герберштейнъ пробылъ тамъ по исходу ноября мѣсяца. Въ Царскомъ архивѣ въ Кремлѣ прежде хранилось

шесть подлинныхъ грамотъ датскихъ королей Іоанна и Христіана II къ великимъ князьямъ Ивапу и Василию и столько же черновыхъ грамотъ этихъ великихъ князей къ упомянутымъ королямъ.

II.

По Герберштейну, Григорій Истома совершилъ свое первое путешествіе вокругъ Норвегіи при Иванѣ Васильевичѣ, въ 1496 году. Изъ документовъ датскаго архива оказывается, что онъ посланъ былъ также въ Данію Василиемъ Ивановичемъ въ 1507 году. Когда Герберштейнъ въ первый разъ ѣхалъ въ Россію въ 1517 году для переговоровъ по дѣламъ съ Польшей, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Германіи Григорьемъ Дмитриевичемъ Загряжскимъ, тогда Истома, въ качествѣ толмача, встрѣтилъ его по выѣздѣ съ остановочнаго яма у Николы въ Хлинсѣ и объявилъ, что онъ долженъ будетъ сойти съ коня для принятія привѣтствія отъ имени великаго князя изъ устъ назначеннаго быть его приставомъ въ Москвѣ Тимоѳея Константиновича Хлуденева (а не Халденева). Герберштейнъ радъ былъ встрѣтить человека, съ которымъ могъ говорить по-латыни, тѣмъ болѣе, что нашелъ въ Истомѣ, какъ самъ онъ говоритъ, «человѣка свѣдущаго (homo industrius) скромнаго и нравственнаго». Любопытство Герберштейна, усиленное внушеніями Зальцбургскаго кардинала Матѳея Ланга, такъ было велико, что онъ, уже при выѣздѣ въ Москву, своими разспросами поставилъ пристава въ затрудненіе. «Такъ какъ толмачъ пишетъ онъ, говорилъ по-латыни, то при выѣздѣ я разговаривалъ съ нимъ. Я радъ, сказалъ я, что могу говорить съ вами: такъ какъ ваша земля у насъ неизвѣстна, то мнѣ хочется получить о ней свѣдѣніе; я имѣю при себѣ всѣ наши ландкарты, съ которыми и готовъ васъ познакомить. Приставъ вскорѣ спросилъ, о чемъ я говорилъ. Этимъ (разговоромъ) и тѣмъ еще, что я имѣлъ при себѣ молодаго Литвина, я навлекъ на себя сильное подозрѣніе». Кажется, что въ первую пору Истома не смѣлъ часто бывать у Герберштейна; но впоследствии онъ составлялъ для него официальныя бумаги, какъ напр. предложеніе объ уступкѣ Смоленска Польшѣ. Еслибы и Герберштейну не позволено было въ Москвѣ разспрашивать Истома, за то послѣ онъ могъ вполне удовлетворить своему любопытству, ибо въ концѣ 1517 года, когда онъ возвращался, Истома посланъ былъ съ дьякомъ Владиміромъ Семеновичемъ Племянниковымъ къ императору Максимилиану. Они ввѣрены были заботамъ и покровительству Герберштейна и большею частію вмѣстѣ съ нимъ совершили свой путь чрезъ Вильну (откуда Герберштейнъ ѣздилъ въ Троки смотрѣть буйволловъ), чрезъ Краковъ, Вѣну и Зальцбургъ. Когда они, въ концѣ мая 1518 г., подъѣзжали къ Инсбруку, гдѣ былъ тогда императоръ, на встрѣчу имъ выѣхали для привѣтствія двое высшихъ са-

повниковъ. Герберштейнъ нарочно уѣхалъ впередъ, чтобы предупредить императора о пріѣздѣ пословъ, и получилъ приказаніе присутствовалъ при ихъ встрѣчѣ. Послѣ форменныхъ привѣтствій, сказанныхъ съ русской стороны Истомай, они вѣхали въ городъ — Племянниковъ между двумя придворными, а за нимъ Истома рядомъ съ Герберштейномъ, по правую его сторону. Въ такомъ же порядкѣ ѣхали въ самомъ Инсбрукѣ на аудіенцію, и обратно. На аудіенціи императоръ пригласилъ Племянникова (бывшаго тогда дьякомъ) произнести свою рѣчь, сидя и въ шапкѣ. Толмачу Истома также приказывалъ сѣсть; но этотъ вѣжливо отказался и переводилъ стоя. На Герберштейна возложены были заботы, чтобы Племянниковъ и Истома, во время пребывания въ Инсбрукѣ, ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Такъ какъ Герберштейнъ въ Москвѣ допущенъ былъ въ день Успенія на торжественное богослуженіе, совершенное въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Варлаамомъ въ присутствіи государя, то императоръ хотѣлъ, чтобы и Русскіе въ Инсбрукѣ присутствовали при богослуженіи въ Вербное Воскресенье, и послалъ для того Герберштейна къ епископу Бриксенскому; но епископъ былъ, по выраженію Герберштейна, *ainer vom SchrofNSTain* и въ своемъ ученомъ совѣтѣ рѣшилъ не допускать Русскихъ, потому что они не принадлежатъ къ Римской Церкви. Пробывъ четыре недѣли въ Инсбрукѣ, они отправились, въ сопровожденіи Герберштейна, въ Галль (въ долинѣ рѣки Инна), вслѣдъ за императоромъ, который пригласилъ ихъ здѣсь къ обѣднѣ, пропѣтой въ его капеллѣ придворнымъ хоромъ въ-полголоса. «Московиту», замѣчаетъ Герберштейнъ, «это поправилось». «Это по нашему», сказалъ онъ: «у насъ въ обычаѣ отправлять богослуженіе низкимъ и тихимъ голосомъ». Послѣ прощальной аудіенціи, Герберштейнъ сопровождалъ нашихъ пословъ по Инну и Дунаю въ Вѣну, гдѣ они должны были дожидаться императора. Изъ Вѣны Племянниковъ и Истома отправились въ обратный путь съ прибывшими сюда съ ними и Герберштейномъ изъ Инсбрука новыми послами Максимилиана, Франческомъ да Колло и Антоніемъ де Контти, назначенными для переговоровъ о заключеніи мира между Россіей и Польшей. Они прибыли въ Москву въ іюлѣ 1518 года. Въ эту поѣздку Истома оказалъ услугу отечеству пріобрѣтеніемъ двухъ искусныхъ мастеровъ оружейнаго дѣла, съ которыми онъ заключилъ контрактъ во время пребывания своего въ Инсбрукѣ. Тутъ надо было поступить осторожно, и Герберштейнъ описываетъ, какъ было поступлено. «Посоль имѣлъ порученіе, говоритъ онъ, завербовать пушечныхъ мастеровъ; но какъ этого нельзя было сдѣлать гласно, то онъ далъ своимъ слугамъ денегъ, чтобы они по вечерамъ ходили къ служанкамъ: такимъ путемъ они узнали о пяти мастерахъ, которые соглашались ѣхать въ Москву». Этими пяти мастерамъ Истома далъ деньги на покупку лошадей, на которыхъ они отправились въ Любекъ; оттуда они

отплыли въ Лифляндію и потомъ поѣхали въ Москву. Двое изъ нихъ вскорѣ умерли; третій, по имени Вальхъ, ослѣпъ, и въ 1526 году, съ разрѣшенія великаго князя, уѣхалъ съ Герберштейномъ къ родину. Остальныхъ двухъ: Никласена, уроженца окрестностей Шпейера, и Гордана изъ Галля, Василій Ивановичъ тогда не согласился отпустить. Они оказали ему услуги, особенно въ 1521 году, во время приступа крымскаго хана Махметъ-Гирея къ Москвѣ. Говорятъ, что Никласенъ защитилъ тогда Кремль тяжелыми орудіями; требовали даже, чтобы онъ успѣшилъ постановить у воротъ Кремля для стрѣльбы знаменитую царь-пушку. Горданъ былъ въ (старой) Рязани при отступленіи Татаръ, когда ханъ требовалъ сдачи этого города. Безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ, Горданъ воспользовался благопріятною минутой, и неожиданной пальбой изъ тяжелыхъ орудій навелъ на густыя толпы Татаръ, подступившихъ къ городу, такой напическій страхъ, что всѣ кинулись бѣжать опромѣтью, и актъ на покорность города, вынужденный ханомъ у великаго князя для спасенія Москвы, остался недѣйствительнымъ. Ремесломъ Ганса Гордана было собственно приготовленіе пушечныхъ ядеръ. Онъ женился въ Москвѣ на русской, и ему-то обязалъ Герберштейнъ глупою сказкой о томъ, что будто русскія жены считаютъ побои отъ мужей за доказательство ихъ любви къ нимъ. «Онъ самъ сказывалъ мнѣ, что его жена оказывала ему гораздо больше любви, чѣмъ прежде, послѣ того, какъ онъ побилъ ее». Истома встрѣчается въ нашихъ актахъ, равно какъ и другой толмачъ того времени, съ прозваніемъ «Малой», что въ этомъ случаѣ не означаетъ ни роста, ни возраста, а показываетъ подчиненность. Герберштейнъ пишетъ его также: Isthumen, Ystymen (Истомпигъ).

III.

Василій Власій названъ у Герберштейна, сравнительно съ Истомой, «довольно хорошимъ человѣкомъ». И его онъ узналъ также во время перваго пребыванія своего въ Москвѣ (1517). Именно, чрезъ два дня послѣ прибытія Герберштейна, 20 апрѣля, Власій, по распоряженію великаго князя, присланъ былъ къ нему на домъ приставомъ Хлуденевымъ, вмѣстѣ съ помощникомъ послѣдняго Елизаромъ (Елькой) Сергѣевымъ, напомнить сообщенное ему приставомъ наканунѣ объявленіе о томъ, что аудіенціе назначено быть въ слѣдующій день. Затѣмъ великій князь приказалъ Власію прийти къ Герберштейну въ день самой аудіенціи утромъ и увѣдомить, что проводить его къ государю придетъ боярскій сынъ съ дьякомъ Мисуромъ Мунехинымъ: «Великій Государь послалъ по тебя своего великаго человѣка, который у него въ избѣ живетъ, Григорья Ѳомина сына Иванова». На самой аудіенціи, Василій Власій служилъ переводчикомъ. До того

времени онъ переводилъ на русскій языкъ много духовныхъ книгъ. Въ 1506 году, какъ извѣстно, прибылъ въ Москву съ Аѳонской горы Максимъ Грекъ и, пересмотрѣвъ греческія книги, которыхъ тогда въ Кремлѣ находилось очень много, получилъ порученіе перевести многія изъ нихъ. Но такъ какъ онъ не зналъ русскаго языка, то ему даны были въ помощь Василій Власій и Дмитрій Герасимовъ, для переложенія его латинскихъ переводовъ на русскій языкъ: посредствомъ этихъ занятій Власій ближе ознакомился съ церковнымъ бытомъ. Ему одному съ Максимомъ принадлежатъ 31—51 статьи переведеннаго въ 1520 г., по приказанію митрополита Варлаама, «Толкованія Дѣяній Святыхъ Апостолъ св. Іоанна Златоустаго и иныхъ». Въ 1525 году онъ былъ толмачомъ при посольствѣ князя Ивана Ярославскаго-Засѣкина (Герберштейнъ пишетъ Posetzen, что отнюдь не значитъ посадникъ, какъ думалъ Аделунгъ) и дьяка Семена Борисова Трофимова въ Мадридъ къ Римскому императору Карлу V, уже въ 1519 году избранному, и когда они въ 1526 году возвращались въ Россію, съ ними совершилъ свой путь Герберштейнъ, отправленный къ намъ съ Леопгардомъ графомъ Пугарольскимъ. Нашъ посланникъ долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время въ Тюбингенѣ: пользуясь этимъ случаемъ, одинъ изъ ревностныхъ католиковъ, докторъ Фаберъ позаботился разспросить Василя Власія о русской вѣрѣ, и полученныя отъ него свѣдѣнія тотчасъ же въ 1525 г. издалъ подъ заглавіемъ: *Epistola de Moscovitarum juxta mare glaciale religione* и пр. 1525 г. Эту книжку эрцгерцогъ Фердинандъ прислалъ около 1 февраля 1526 г., изъ Аугсбурга, обоимъ императорскимъ посланникамъ, чтобы они, во время пребыванія своего въ Москвѣ, дополнили ее и въ точности показали различіе вѣроисповѣданій равно и обрядовъ, той и другой церкви. *Erit nobis haec inquisicio et labor omnis vester recjuscundus*, говорилъ эрцгерцогъ. Дать это порученіе, по всей вѣроятности, внушилъ ему совѣтникъ его, Фаберъ. Герберштейнъ уже дорогою могъ узнать многое обстоятельнѣе. Власій назывался у насъ «толмачомъ латынскимъ и нѣмецкимъ». Фаберъ говоритъ о немъ: *germanice et latine mediocriter callebat*.

IV.

Архіепископъ Новгородскій и Псковскій Геннадій, вѣроятно, въ началѣ 7001 года, поручилъ Греку Дмитрію разсмотрѣть вопросы: 1) о трегубой аллилуйи; 2) о славянскомъ переводѣ перваго стиха XXXII псалма, особенно словъ: прикрываша грѣси и 3) о вычисленіи семи тысячъ лѣтъ отъ сотв. міра. Въ то время, по истеченіи семи тысячъ лѣтъ, ожидали кончины міра, а между тѣмъ этотъ срокъ, по греческому лѣтосчисленію, уже прошелъ. Отвѣтъ Дмитрія подъ заглавіемъ: «О трегубой аллилуйи и о лѣтѣхъ семи вѣковъ» относится къ 7001 (1492—1493).

По нашему мнѣнію, сочинитель этого отвѣта есть не кто иной, какъ Дмитрій Мануиловичъ Траханіотъ, который уже въ 1472 г. прибылъ въ Москву съ невѣстою великаго князя Софіею, въ качествѣ посланника отъ двухъ ея братьевъ, Андрея и Мануила. Хотя въ началѣ 1473 года онъ возвратился въ Римъ и въ 1474 году посланъ былъ въ Москву братьями Софіи опять на короткое время, но послѣ онъ избралъ у насъ постоянное для себя мѣстопробываніе. Геннадій обратился къ нему, чтобы узнать мнѣніе Грека; кромѣ того положеніе послѣдняго при дворѣ могло значить что-нибудь для архіепископа. Въ 1500 году онъ былъ при браочетаніи дочери Іоанна и Софіи, Θεодосіи, съ княземъ Васильемъ Даниловичемъ Холмскимъ. Въ поѣздѣ къ вѣнцу онъ имѣлъ честь, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Юріемъ, и сыномъ, также Юріемъ по имени, ѣхать за санями великой княгини Софіи съ Θεодосіей. Сынъ его Юрій пріѣхалъ съ нимъ въ Москву въ 1472 г., когда онъ провожалъ сюда невѣсту Софію. Съ этимъ младшимъ Траханіотомъ стоитъ поближе ознакомиться, такъ какъ съ нимъ Герберштейнъ встрѣчался часто. Онъ былъ печатникомъ, то есть казначеемъ великаго князя Ивана Васильевича, до самой его кончины: такъ названъ онъ и въ завѣщаніи великаго князя, которымъ его отцу и его дядѣ Юрію завѣщано на память по золотому кресту. Онъ постоянно былъ въ милости у сына Іоанна и Софіи, великаго князя Василья Ивановича, и въ 1505 году рассчитывалъ даже выдать за него дочь свою. Совѣтники, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, приводили много причинъ, почему великому князю жениться лучше всего на туземкѣ. «Главнымъ виновникомъ этого совѣта (говоритъ Герберштейнъ) былъ Георгій Малый, казначей, Грекъ; совѣтъ этотъ былъ всего пріятнѣе для него, потому что онъ надѣялся, что выборъ падетъ на его дочь». Его привыкли называть: Юрій или Юшко Малый, потому что онъ былъ младшій изъ Траханіотовъ, а не потому что былъ малъ ростомъ и хилъ, какъ думалъ Аделунгъ. Это прозваніе дано ему въ отличіе отъ его дяди, Юрія Стараго: оно оставалось за нимъ и послѣ, вслѣдствіе чего и Герберштейнъ называетъ его: *der klein Georg*. Въ реестрѣ къ Панталеонову переводу Герберштейна онъ значится даже подъ именемъ *Georgius Klein, ein getreuer Rath*, такъ что, пожалуй, не вдругъ поймешь, что дѣло идетъ о Юріи Дмитріевичѣ Траханіотѣ. Василій Ивановичъ очень высоко и постоянно цѣнилъ его въ государственныхъ дѣлахъ. Впрочемъ однажды онъ, по дѣламъ церковнымъ, попалъ на нѣкоторое время въ немилость; даже и жена его въ 1516 году испытала ту же участь за то, что, вмѣстѣ съ другими женщинами, распространяла слухъ, что оставленная Василіемъ супруга Соломонія, въ монашествѣ названная Софіею, вскорѣ послѣ постриженія родила сына. Впрочемъ великій князь, лишивъ Георгія его должности, по словамъ Герберштейна, не могъ обойтись безъ него, но

приставлялъ его къ другимъ должностямъ, потому что онъ былъ ученъ и во многихъ дѣлахъ искусенъ. Когда князь имѣлъ въ немъ надобность и посылалъ за нимъ, то приказывалъ нѣсколькимъ изъ своихъ почетныхъ совѣтниковъ вносить его въ свою палату по лѣсницѣ вмѣстѣ съ креслами, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Когда Юрій не допускалъ ихъ до этого и позволялъ лишь имъ медленно вводить его по лѣсницѣ, то царь, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и настоялъ на томъ, чтобы его вносили въ великокняжескую палату. Когда онъ оканчивалъ съ нимъ свои совѣщанія, относили его точно такимъ же образомъ. Юрій Дмитриевичъ Траханиотъ почти всегда былъ однимъ изъ тѣхъ главныхъ лицъ, съ которыми Герберштейнъ, послѣ своей личной аудіенціи въ великокняжескомъ дворцѣ въ Кремлѣ, долженъ былъ разговаривать въ набережной палатѣ на Москвѣ рѣкѣ. Онъ именно старался доказать ему право великаго князя на Литву и Польшу происхожденіемъ Венгерцевъ, Моравянъ и Поляковъ отъ Угровъ. Ни къ кому при дворѣ не питалъ (1516) Герберштейнъ такого уваженія какъ къ Траханиоту. Минимомъ замѣчу, что «Добраго Дадьяна», приставляемаго Аделунгомъ къ Герберштейну, вовсе не существовало. Это имя произошло отъ ошибочнаго чтенія слѣдующаго мѣста въ актѣ: великій князь приказалъ по прибытіи Герберштейна «назначить сына боярскаго добраго да дьяка» въ почетные приставы. Выборъ палъ на Григорія Фомина сына Иванова и на Миссура Мунехина. Отъ неправильнаго же чтенія слова «в(ъ) станѣ» у Аделунга явился подьячій Останъ. Во второе пребываніе Герберштейна въ Москвѣ, Траханиота уже не было: я не нашелъ болѣе, пишетъ онъ, Георгія Малаго.

Обращаемся къ другому Дмитрію.

По желанію того же Геннадія, Архіепископа Новгородскаго, занимавшаго это мѣсто съ 1485 по 1504 годъ, какой-то Дмитрій въ Римѣ досталъ историческое свѣдѣніе о бѣломъ клубукѣ: «приласкахся азъ (пишетъ онъ) ко книгохранителю церкви Римскія именемъ Якову и многими дарами одарихъ его... со многимъ моленіемъ припадохъ ко кольноми его дабы мы далъ написаніе о семъ и съ великимъ заклинаніемъ едва упробилъ и въ тай написалъ подлинно». Онъ прислалъ эту статью архіепископу съ Московскимъ купцомъ (гостемъ) Фомой Саларевымъ (пишется также Саревъ и Ларевъ). Этотъ Дмитрій, я полагаю, былъ Дмитрій Ивановичъ Ралевъ или Ларевъ, прибывшій въ Москву съ своими родителями и братомъ Мануиломъ въ 1485 г. изъ Константинополя. Уже въ 1488 г. онъ отправленъ былъ съ братомъ своимъ Мануиломъ въ посольство въ Римъ, Венецію и Миланъ, откуда они въ началѣ 1490 г. возвратились въ Москву съ братомъ великой княгини Софіи, и кромѣ несчастнаго лѣкаря Лео, которому уже 22 апрѣля была отрублена голова на Болвановкѣ, за то, что пользуемый имъ царевичъ Іоаннъ умеръ (6 мая), они привезли съ

собою нѣсколько мастеровъ и искусныхъ ремесленниковъ, между которыми былъ архитекторъ, окончившій Грановитую Палату и построившій стрѣльницы на трехъ Кремлевскихъ воротахъ. Мануилъ Ивановичъ привезъ въ 1491 г. изъ чужихъ краевъ двухъ мастеровъ горнаго дѣла, которые открыли потомъ мѣдную руду на Цыльмѣ, впадающей въ Печору. Дмитрій Ивановичъ былъ въ 1493 г. отправленъ къ датскому королю Иоанну, съ дьякомъ Дмитриемъ Зайцевымъ и съ возвращавшимся датскимъ посломъ Иоанномъ Якобсономъ (Равенсбергомъ) и возвратился въ Москву съ Датскимъ герольдомъ Давидомъ. Въ мартѣ 1499 г. онъ опять былъ отправленъ съ Митрофаномъ Карачаровымъ, чрезъ Краковъ и Венгрію, въ Италію, для вызова въ Россію архитектора, литейщика и другихъ мастеровъ. Въ одно время съ нимъ отправился Алексѣй Яковлевъ Голохвостовъ, съ нѣсколькими Московскими купцами: онъ долженъ былъ спуститься по Дону къ Азову, и Чернымъ моремъ отплыть въ Константинополь, чтобъ испросить тамъ покровительства нашей торговлѣ. Такимъ-то, вѣроятно, путемъ, помянутый Московскій купецъ Саларевъ попалъ въ Италію: письмо Дмитрія Манупловича Ралева, со статью о бѣломъ клобукѣ, къ Архіепископу Геннадію взято имъ въ Римѣ, вѣроятно, около 1500 года. Ралевъ возвратился изъ своего посольства лишь въ ноябрѣ 1504 года: Геннадій уже въ іюлѣ этого года былъ низложенъ. Въ 1506 года мы встрѣчаемъ Дмитрія Ралева въ походѣ на Казань. Присланное Геннадію историческое описаніе введенія бѣлаго клобука, сохранившееся во многихъ спискахъ, позднѣе, какъ извѣстно, подало поводъ къ преніямъ, и въ 1667 г. было отвергнуто, какъ неправильное, большимъ церковнымъ соборомъ въ Москвѣ, на которомъ присутствовали три патріарха.

Третій Дмитрій есть нашъ соотечественникъ, Герасимовъ, который въ 1525 г. въ Римѣ подписывался: *Demetrius Erasmius*. Родился онъ, должно быть, въ 1465 г. и получилъ первоначальное образованіе въ Лифляндіи, гдѣ научился и латыни. Онъ былъ толмачомъ при разныхъ посольствахъ въ чужіе края: пребываніе при дворѣ Максимилиана, въ кругу людей образованныхъ, не осталось безъ вліянія на его покойную и кроткую, но грубоватую душу: *dum in aula Caesari omnis generis hominum refertissima versaretur, si quid barbarum quieto docilique ingenio inerat, elegantium morum observatione deterisit*. Вмѣстѣ съ Василемъ Власіемъ, былъ онъ, какъ уже помянуто, назначенъ для перевода церковныхъ книгъ съ Максимомъ Грекомъ; первымъ и однимъ изъ главныхъ его трудовъ была «Псалтирь толковая семи толковниковъ». Оба они переводили на русскій языкъ съ латинскаго, на который перелагали греческіе тексты Максимъ Грекъ. Если бы Герасимовъ былъ самъ Грекъ, то, естественно, не имѣлъ бы надобности въ латинскомъ переводѣ. Хотя эта Толковая Псалтирь была одобрена митрополитомъ

и соборомъ, однако она, какъ и большая часть Максимовыхъ трудовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, не была напечатана. Прекрасный списокъ, сдѣланный въ 1692 г., находится въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Въ 1525 г. дѣятели Максима положень предѣль, и этотъ годъ сдѣлался достопримѣчательнѣйшимъ въ жизни Герасимова. Уже въ 1520 г. пріѣзжалъ въ Москву, съ рекомендаціею папы Льва X къ великому князю Василию Іоанновичу, Генуезецъ Паоло, съ предположеніемъ сдѣлать Волгу, Каспійское море, Оксъ, Индъ и т. д. торговымъ путемъ изъ Москвы въ Индію, для вывозки тамошнихъ произведеній, которыя потомъ стали бы развозиться по другимъ странамъ Европы, чтобы такимъ образомъ не одна Испанія съ Португаліей получали значительныя выгоды отъ Индіи. У насъ не вошли въ интересъ этого проекта. Между тѣмъ, уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ сумѣлъ найдти дорогу въ Индію и оттуда обратно. Въ 1525 г. Паоло въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву съ этимъ проектомъ, но привезъ еще съ собою посланіе папы Климента VII, касательно соединенія Греческой и Римской церкви: черезъ два мѣсяца онъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь безъ всякаго успѣха по обоимъ дѣламъ. Въ спутники ему до Рима назначенъ былъ Дмитрій Герасимовъ съ письмомъ великаго князя къ папѣ. Папа велѣлъ отвести для него прекрасное помѣщеніе, одѣвать въ шелковое платье, назначилъ ему проводникомъ епископа, допустилъ къ себѣ на аудіенцію и велѣлъ познакомиться съ нимъ поближе литератору Паоло Джьови (Комскому уроженцу, а не епископу). Джьови нашель, что Дмитрій очень свѣдуць (*humanorum rerum et sacrarum literarum valde peritum*) и успѣлъ выпросить у него много свѣдѣній о Россіи, которыя и напечатаны подъ заглавіемъ: *De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae liber etc.* сперва въ 1537, потомъ въ 1545, 1551 и въ другіе годы. Упоминаемое въ заглавіи посольство состояло единственно изъ толмача Дмитрія Герасимова: его и слѣдуетъ считать источникомъ этого описанія Россіи, которое, до Герберштейнова, справедливо почиталось самымъ обширнымъ. Въ примѣръ того, какъ богато его отечество полезными произведеніями, онъ рассказалъ забавную исторію о мужикѣ, который, доставая медъ въ дуплѣ дерева, завязъ тамъ и сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не былъ вытащенъ мед-вѣдемъ, который влѣзъ туда задомъ и за котораго онъ крѣпко ухватился. Герасимовъ воротился въ Москву въ іюлѣ 1526 г. Съ нимъ пріѣхалъ Іоаннъ Францискъ де-Потенція, котораго папа назначилъ епископомъ въ Скару въ Швеціи, но король Густавъ I не хотѣлъ признать. Онъ былъ при великомъ князѣ въ качествѣ папскаго легата по дѣламъ Польши и на дорогѣ получилъ еще инструкцію отъ короля Сигизмунда. Позднѣе Герасимовъ, по порученію Новгородскаго и Псковскаго Архіепископа Макарія, занимался переводомъ Брунонова толкованія на псалтирь, которое въ

1533 г. издано Кохлеемъ въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: *Psalterium Beati Brunonis, Episcopi quondam Herbipolensis a Johanne Cochleo Presbytero restitutum et Hebraica veritate adauctum*. Въ библиотекѣ Академіи Наукъ находится съ 1763 года хорошо сохранившійся списокъ этого перевода Герасимова съ прибавленіями переводчика; другой экземпляръ, съ тѣми же прибавленіями, хранится въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ. Герасимовъ кончилъ свой трудъ 15 октября 1535 (а не 1536). Рукопись имѣетъ два заглавія: одно относится къ прологу Герасимова, другое читается такъ: «Собраніе толкованіемъ на книгу сто и пятидесять псалмъ отъ различныхъ оучителей, потруженіемъ блаженнаго Брунона епископа Гербипольскаго». Переводчикъ говоритъ о себѣ: «грѣшной и мало оученый Дмитрій Схоластикъ рекше оученикъ». Онъ замѣчаетъ, что взялъ на себя этотъ трудъ лишь изъ послушанія волѣ архіепископа, и рекомендуетъ себя «не яко мнящася вѣдати извѣстно чюждая но и «своего оуруженаго языка много невѣдуща а чюждаго зѣло мало. Всякѣи бо хитрецъ своея хитрости имена отчасти вѣсть а никтоже похва-слитися совершенно вся вѣдати... якоже оубо и книжницы книжная вѣдять поелікому богъ подаруетъ; воини воинская, въ кораблѣхъ плавающіи морская и пристоящихъ дѣлъ корабленыхъ имена вѣдять; поклетажатели земледѣлательная, тектоны и ковачи и шевцы и прочіи ремесвеницы яко сукно краплин и прочіе поставы дѣлающей оксамитники бархатники камочники и прочіи златыя и серебряные и шолковыя «поставы дѣлающей кождо вѣдять своихъ хитростей имена и основаніе «и краскамъ растворенія и мѣрамъ оуряженія, за не всякую вещь мѣра красить кромѣ же мѣры мѣщася добра быти на вредъ предваряють.... «Веліе оубо не оудобство имать егда божественное писаніе отъ языка въ кивъ языкъ прелагается и вѣдять сіе много оученіи иже многимъ языкомъ искоусни суть. Во истину бо божественнаго писанія высота и «глубина неизмѣримы соуть и никои хитрости отъ вышереченныхъ хитростей подобни суть тои, азже аще и грубъ есмь и невѣжа словомъ «но оуповою на милость божію и на повелѣвшаго мнѣ преосвещенную «главу о исправленіи о невѣдомыхъ и сумнѣнныхъ». Выписываю этотъ отрывокъ ради старинной технической терминологіи. Сравнить этотъ трудъ Герасимова съ другими его же и Власіевыми трудами за 25 лѣтъ до того, конечно, было бы не безъ интереса въ отношеніи къ успѣхамъ литературнаго образованія русскаго языка. Грекъ Дмитрій Траханіотъ назваль себя въ 1493 году въ письмѣ къ Геннадію, Дмитріемъ Старымъ; Грекъ Дмитрій Ралевъ, приславшій Геннадію статью изъ Рима въ 1500 г., подписался: Митей Малымъ (въ отличіе отъ Траханіота). Русскій человекъ, Дмитрій Герасимовъ, назваль себя въ 1535 г. Дмитріемъ схоластикомъ, то есть ученикомъ. Другіе упоминають о немъ подъ именемъ: «Дмитрія толмача»; но толмачемъ называли и Грека Дмитрія Ралева. Сверхъ того, Дмитрія Гераси-

мова называли и Митей Малымъ и толмачомъ латынскимъ. Отъ этого различія прозваній произошла помянутая ошибка нашихъ историковъ. Въ «Словарѣ Историческомъ о писателяхъ духовнаго чина» переводчикъ Бруноновой Псалтири считается сочинителемъ или, по крайней мѣрѣ передателемъ, записки о бѣломъ клобукѣ, а этому въ «Описаніи Рукописей Румянцовскаго Музея» приписывается ему статья 7001 года о трегубой аллилуіи и о семи тысячахъ міра. Лербергъ, въ изданіи Круга (*Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands*) ошибочно опредѣляетъ время пребыванія Герасимова въ Римѣ 1522, потому что, въ показаніи Ювія: *anno septimo millesimo tricesimo, tertio Aprilis*, слово *tertio* должно бы было отнести къ числу лѣтъ (7038 т. е. 1525).
